

Мэлоун справедливо ставит **Чаттертона** на второе место после Шекспира.

СЕРЬЕЗНЫЕ *Джон Уайтхед* ЗАБАВЫ

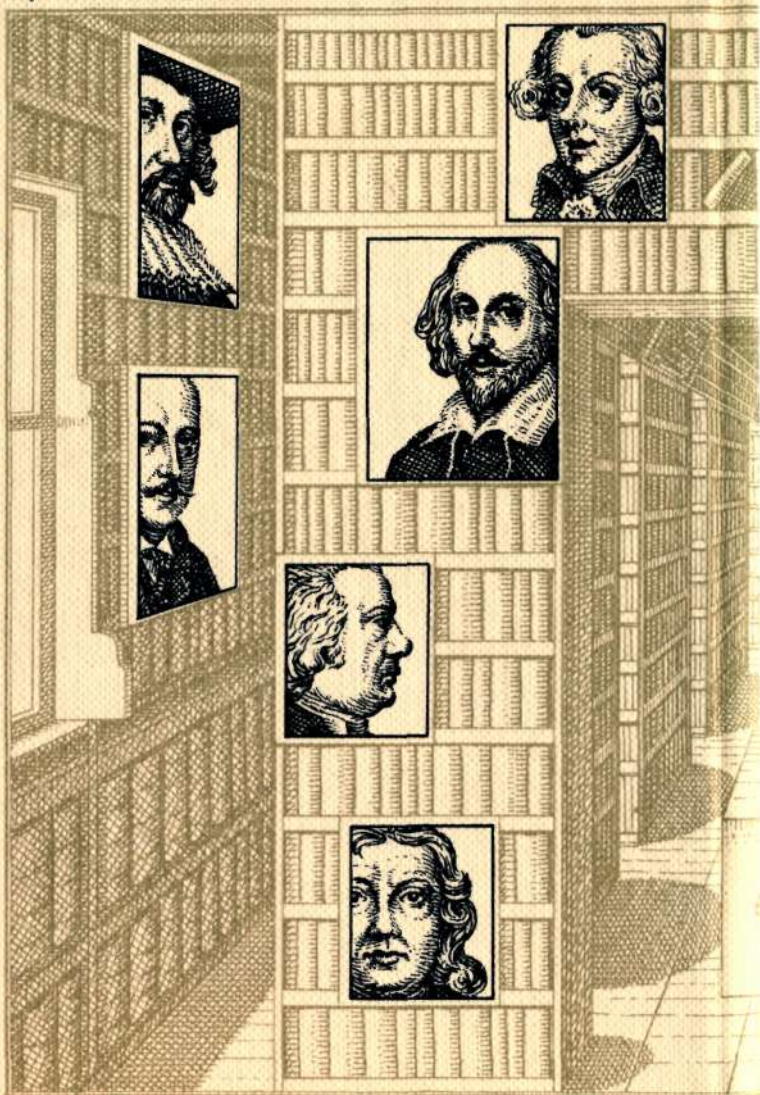

Нынче я убежден, что „Оссиан“ Макферсона — великое оригинальное творение...

... вряд ли хоть раз пьеса Шекспира привлекла столько зрителей, сколько ринулось на премьеру его „новой“ пьесы „Вортигерн и Ровена“, якобы найденной неким молодым человеком по имени **Уильям Генри Айрленд**

... не был ли Шекспир своего рода ширмой для другого писателя, который по каким-то причинам пожелал остаться неизвестным?

1 р. 60 к. *Особенно внимателей был молодой друг Мюнхгаузена
Рудольф Эрих Распе...*

*Томас Джеймс Уайз был последним из великих мистификаторов...
фигурой уникальной—на то, что удалось ему, никто до него
не отважился.*

СЕРЬЕЗНЫЕ

Джон Уайтхед

ЗАБАВЫ

МОСКВА, «КНИГА»
1986

Томас Чаттертон

Уильям Генри Айрленд

Джордж Псалманасар

Дени Врэн Люка

Фридрих Вагенфельд

Чарлз Бертрам

Уильям Лоудер

Фрэнсис Бэкон

Кристофер Марло

Джеймс Макферсон

Джон Пейн Кольер

Майор Байрон

Томас Уайз

Константин Симонидис

Анний из Витербо

Вацлав Ганка

Рудольф Распе

СЕРЬЕЗНЫЕ
Джон Уайтхед
ЗАБАВЫ

84.4Вл
У13

John Whitehead, A. L. A.
This Solemn Mockery
Arlington Books. London

Рецензент — Е. Ю. Гениева,
кандидат филологических наук

Перевод с английского
под редакцией
Е. Р. Гасско и Д. В. Сильвестрова

Главы 1—8 перевела Л. А. Громова,
главы 9—12 — В. Б. Смиренский

Перевод стихов, примечания и аннотированный
указатель — Д. В. Сильвестрова

Художник В. А. Корольков

У 4703000000-093 76-86
002(01)-86

© John Whitehead 1973
© Перевод на русский язык, предисло-
вие, оформление издательство «Кни-
га», 1986 г.

ДЕРЗОСТНЫЙ ОБМАН

Странное чувство испытываешь в церкви св. Троицы в Стратфорде-на-Эйвоне, где похоронен Шекспир. И не только из-за близости к могиле величайшего из великих. Читаешь

строки эпитафии, выбитые по его просьбе на могильном камне... В них — и мольба о вечной памяти, и боязнь, что вдруг кто-то вздумает потревожить его покой. Начинаешь теряться в догадках, смущавших не одно поколение шекспироведов. Не придуманы ли эти слова, чтобы скрыть какую-то тайну? Может быть, не такой уж это праздный и нелепый вопрос: а существовал ли в действительности драматург Уильям Шекспир?

Что и говорить — пробелов, неясностей, поразительных совпадений в жизни Шекспира немало. Его пьесы поражают философской глубиной, блеском эрудиции, игрой интеллекта. Они рисуют образ человека отменно начитанного, обладавшего прекрасной филологической памятью, удивительно тонко чувствующего. А ведь Шекспир, как мы знаем из его довольно скупой и сбивчивой биографии, был сыном стратфордского перчаточника и уж никак не мог похвастаться образованием. Младший современник Шекспира, драматург Бен Джонсон писал, что Шекспир «мало знал латынь и еще меньше греческий». Однако в его произведениях немало ссылок на древних. История жизни Шекспира сама толкает к сомнениям: родился и умер в один и тот же день — 23 апреля; его почерк известен только по нескольким подписям на деловых бумагах; лицо — по малодостоверным портретам. И в его творчестве загадка громоздится на загадку. Одна из самых хитроумных: кто же была «смуглая леди» сонетов Шекспира? Сколько раз исследователи торжественно объявляли, что ответ найден но каждый раз, как нарочно, находились веские возражения и кандидату-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

ра вновь отклонялась по литературным, историческим или социальным соображениям.

Претендентов на роль автора «Гамлета», «Макбета», «Зимней сказки» было немало. Среди них — писатели, политики, лорды, сама Елизавета I. Надо сказать, их ряды не слишком оскудели и по сей день. В числе наиболее именитых — блистательные современники Шекспира: драматург, неутомимый путешественник, один из самых отчаянных людей своего времени Кристофер Марло, биография которого пестрит «белыми пятнами»; философ, видный политический деятель Фрэнсис Бэкон.

Этот извечный вопрос дал название одной из глав книги Джона Уайтхеда: «Шекспир, Бэкон, Марло — кто же?» Может показаться странным, что классическая литературоведческая проблема вошла в книгу об истории мистификации. Но ведь если бы поверить всерьез, что Шекспир — лишь маска, это была бы самая величайшая мистификация в литературе всех времен и народов.

Великий спор о Шекспире в XX веке занимает не только исследователей-филологов. Покинув академические пределы, он вошел в плоть литературы нашего века. Начало этому, вероятно, положил Джеймс Джойс в самом своем известном и самом спорном романе «Улисс», где впервые история и быт оказались столь плотно соединены с мифом. Одна из глав в черновом варианте по аналогии с Гомером называлась «Сцилла и Харибда». Здесь Джойс подробно, проявив недюжинную эрудицию, изложил суть шекспировской загадки. Четкого ответа на вопрос, существовал Шекспир или нет, Джойс, впрочем, не дает. Его Шекспир — символ творца, точнее, творческого начала, которому по самой природе его тесно в любой теории.

Стремление проникнуть в тайну Шекспира водило и пером Энтони Берджесса, известного английского романиста, весьма одаренного лингвиста и видного литературоведа, когда он в беллетризированной и,

ДЕРЗОСТНЫЙ ОБМАН

надо сказать, достаточно спорной по выводам биографии «На солнце не похоже» постарался воссоздать образ драматурга. Вопрос: кто же он был, Уильям Шекспир? волнует в пьесе «Бинго» и английского драматурга Эдварда Бонда, знакомого нашему зрителю по спектаклю «Да здравствует королева, виват!»

Своеобразным рубежом в шекспировском споре стал 1964 год, когда мир с подобающей торжественностью отмечал 400-летие Шекспира. В те дни группа британских литературоведов внесла билль в английский парламент с настоятельной просьбой вскрыть могилу Шекспира и положить конец мучительным распрям, досужим вымыслам, пустым разговорам. Ведь так называемые «антишекспирианцы» с пеной у рта настаивали на том, что могила пуста, тогда как их оппонентам одно намерение вторгнуться в «святая святых» умершего поэта представлялось кощунственным. После долгих дебатов, пространных писем в ведущие английские журналы, в которых литературную общественность призывали к прямо противоположным действиям, могилу так и не вскрыли. Доводом далеко не последним против вскрытия могилы стала все та же загадочная эпитафия, составленная Шекспиром или тем, кто так искусно спрятался за его великим и звучным именем:

Помедли, путник, Христа ради.
И помолись за упокой.
Храни, Господь, тебя в отраде
За то, что прах не тронул мой.

Пер. А. Солянова

В трудах наших ведущих ученых А. А. Аникста, М. М. Морозова, А. А. Смирнова личность Шекспира—реальность, его гений связан с конкретной исторической и литературной эпохой. Доказательства, приводимые ими, весомы; но что греха таить—нет-нет да и смутит червь сомнения душу вопросом: «А вдруг вправду—Марло, Бэкон или кто другой автор этих удивительных пьес?»

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Шекспировский спор плотную подводит нас к одной из самых увлекательных литературных проблем — мистификации, рассказам о которой и посвятил свою книгу «Серьезные забавы» английский исследователь, известный библиограф, историк-популяризатор Джон Уайтхед.

История мистификаций — это, в сущности, всегда рано или поздно история разоблачений. За примером далеко ходить не придется. Одиннадцать лет исследователи из Континентального исторического общества США изучали неизвестные ранее дневники английской королевы Виктории. На основе сложных стилистических сопоставлений, мудреных программ, которые закладывались в наисовременнейшие вычислительные машины, они пришли к ошеломившему литературный мир заключению: автор знаменитой «Алисы в Стране чудес» вовсе не математик Чарлз Доджсон, писавший под псевдонимом Льюис Кэрролл, но английская королева. Факты — вещь упрямая. В «Секретных дневниках королевы Виктории» есть следующая запись: «Это, вероятно, поразит многих, когда станет известно, что я выступала под именем Чарлза Доджсона и его литературным псевдонимом». И вот уже замелькали публикации; газеты, журналы запестрели сенсационными сообщениями о сговоре между королевой и скромным математиком-сказочником. Были расшифрованы герои Алисы. Так, Герцогиня — это мать королевы; Белый кролик — ее отец; Белый Рыцарь — ее муж, принц Альберт. Иными словами, получалось, что «Алиса в Стране чудес» — тайная автобиография королевы. Правда, непонятно было, а какая же роль отведена в этой истории иллюстратору Джону Тенниелу. Исследователи уверенно заявили: Тенниела подкупила королева, а его превосходные рисунки полны скрытых намеков на эпизоды из жизни королевы.

На защиту Льюиса Кэрролла и его книги встали видные литературоведы, которым вся эта шумиха вокруг «Алисы» казалась «полнейшей фантазмаго-

ДЕРЗОСТНЫЙ ОБМАН

рией», как заметил известный специалист по Льюису Кэрроллу Мартин Гарднер. Несколько осторожнее высказался другой авторитет, профессор Оксфордского университета Сэмюэл Батлер. Ему кажется, что вся эта затея оспорить авторство у Кэрролла не более, чем шутка. Она ему напомнила другую: в конце прошлого века его однофамилец, видный английский писатель Сэмюэл Батлер утверждал, что «Одиссею» написал не Гомер, а некая древнегреческая поэтесса. Впрочем, заметил «современный» Сэмюэл Батлер, может быть, это — сенсация века.

Некую ясность в эту сомнительную историю внесла все та же вычислительная машина: заложенная в нее новая программа, видимо, составленная несколько основательнее, дала иные результаты. Доскональный стилистический анализ показал, что, если исходить из стилистической близости, то с равным успехом автором «Алисы» можно было объявить и Чарлза Диккенса, а то и Шекспира.

В книге Джона Уайтхеда мы познакомимся с судьбами, нередко весьма бурными, часто трагическими, и самих мистификаторов, и их творений. Узнаем о самом молодом мистификаторе, талантливейшем английском поэте Чаттертоне, покончившем с собой на восемнадцатом году жизни. «...Тот юный гений, мятежный дух, угасший в цвете лет», — писал о нем английский поэт-романтик Уильям Вордсворт. Не только он был заморожен его поразительным, рано созревшим могучим талантом, который в полной мере проявился и в тех произведениях, что он подписывал собственным именем, и в тех, что издавал от лица некоего поэта XV века Раули. Дарование его было столь щедрым, что некоторые критики сопоставили Чаттертона с самим Шекспиром. Перед Чаттертоном почтительно склонялись, оплакивая его ранний уход из жизни, многие английские поэты — Шелли, Колридж... Китс посвятил ему «Эндимиона»; Альфред де Виньи — драму «Чаттертон». Сэмюэл Джонсон, великий лексикограф, зако-

Джои Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

нодатель литературного вкуса эпохи, весьма решительный и пристрастный в своих суждениях (ведь именно он, как узнает читатель из книги Уайтхеда, не желал признать несомненный талант еще одного выдающегося мистификатора — Макферсона), писал тем не менее о Чаттертоне: «Это самый исключительный юноша из всех, которых я когда-либо знал. Удивляться нужно тому, как мог этот ребенок написать такие шедевры».

Забавно, что и сам автор этой книги, благодаря скрупулезности, педантичности, обстоятельности собранного материала кажется читателю эдаким убеленным сединами архивариусом, почтенным патриархом библиографии... На самом деле он оказывается не таким уж старцем. Джон Уайтхед родился в 1934 г. Он автор двух книг. Первая — «Хранитель Грааля» — вышла в 1959 г., она рассказывала о жизни короля Артура и его рыцарей, а также об истории создания цикла, легенд о них. Книга вызвала интерес в литературных и научных кругах. Но все же именно вторая, «Серьезные забавы», принесла автору успех.

Герои новелл Уайтхеда — мистификаторы разных эпох, национальностей, разной степени одаренности и таланта. Среди них те, чьи имена на слуху у всех: например, уже упоминавшийся Макферсон, автор «Фингала», произведения-подделки, которому было суждено сыграть немалую роль в развитии европейской романтической литературы. Познакомимся мы и с дерзкими, талантливейшими ремесленниками-профессионалами, например Врэн-Люка и Вагенфельдом. По всей видимости, они были не только одаренными графологами, но и психологами, отлично разбирались в законах и причудах литературного вкуса. Весьма занимательна судьба майора Байрона, самозванного сына великого поэта, человека явно не без искры божьей. Прочитаем мы о преступном библиотекаре, библиофиле и издателе Томасе Уайзе, хитроумном греке Симонидисе, англичанине Уильяме Генри Айрленде, который задумал померяться сила-

ми с самим Шекспиром и удивил мир дерзкой подделкой, драмой «Вортигерн и Ровена». Слова из заключительного монолога героя драмы — «solemn mockery» — и дали название книге Уайтхеда. Правда, английское выражение «solemn mockery» весьма многозначно. «Solemn» означает и «серьезный, торжественный» — и «напыщенный, важный». «Mockery» — «издевка, насмешка, пародия, посмешище, тщетная, бесплодная попытка». Переводчик оказывается перед очень широким выбором — от «забав» до «обмана».

«Забавы» и в самом деле были серьезными: тем, кто им предавался, иногда они стоили репутации, жизни (например, Чаттертону), краха блистательно начавшейся карьеры (Айрленду), ради них на ветер бросались целые состояния или, напротив, эти забавы приносили весьма солидные барыши. Мистификаторы бывали доверенными лицами сиятельных вельмож: они знали, как можно потешить их тщеславие. Впрочем, сильные мира сего редко помогали своим недавним фаворитам, когда те за свои «шалости» оказывались в узилищах. Эти забавы внесли немалую путаницу в историю культуры, литературы, цивилизации. Проходили годы, а то и десятилетия, пока ученым удавалось установить истину.

Безусловно, герои Уайтхеда — только малая толика огромного лагеря мистификаторов: столь распространено и, видимо, столь психологически заманчиво это явление.

Английский исследователь рассказывает в основном о классиках мистификации. Среди них, вполне естественно, немало англичан. О своих героях Уайтхед пишет увлекательно, демонстрируя при этом и точность библиографа-профессионала и эрудицию разносторонне образованного филолога.

Конечно, можно было бы без особого труда дополнить книгу Уайтхеда рассказами о других мистификаторах. Скажем, всем памятные знаменитые проделки Проспера Мериме — сначала сборник ро-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

мантических пьес под именем выдуманной испанской актрисы Клары Газуль, а затем сборник «Гузла», приписанный вымышленному сербскому сказителю И. Маглановичу. Трудно удержаться и не вспомнить, что Пушкин «поддался» на эту мистификацию. Как известно, в 1835 г. он перевел 11 песен этого сборника для собственного цикла «Песни западных славян». Кстати, история европейской мистификации числит в своих рядах и самого Пушкина: тут повинны, конечно же, «Повести Белкина» и его менее известная статья «Последний из родственников Иоанны д'Арк» (1837), где поэт сочинил письмо за самого Вольтера. Впрочем, и Вольтер не пренебрегал мистификациями. «Слово о полку Игореве» смущало покой многих. А. Бардин вошел в историю подделкою этого произведения, в которой искусно и изобретательно сохранил внешние характеристики подлинной старинной письменности. Во всяком случае, на людей, мало сведущих в палеографии, рукопись Бардина производила впечатление подлинника.

Безусловно, своеобразной мистификацией была литературная маска Козьмы Пруtkова. Каждый из упомянутых, в сущности, наугад примеров литературной мистификации — тема для отдельного обстоятельного разговора.

Книга Джона Уайтхеда заставляет задуматься над некоторыми общими проблемами, связанными с феноменом литературной мистификации. Скажем, как произведение-подделка: поэмы «Раули», «Оссиана» или «Краледворская рукопись» — соотносится с «настоящей» литературой. Ответ на этот вопрос содержится хотя бы в вышеприведенных суждениях английских поэтов, например о Чаттертоне. Литературная мистификация — это обман, но столь искусный, изобретательный, «высокий», что им нередко пленялись самые великие и изощренные умы. Гёте откликнулся на «Гузлу» хвалебной статьей, в восторге от песен был и А. С. Пушкин, правда, что-то смущало, настораживало нашего поэта. «Мне очень хотелось

ДЕРЗОСТНЫЙ ОБМАН

знать, — писал он в предисловии к «Песням западных славян», — на чем основано изобретение странных сих песен»*. Мериме был очень польщен отзывом Пушкина. В письме к С. А. Соболевскому от 18 января 1835 г. он заметил: «Передайте Пушкину мои извинения. Я горд и вместе с тем стыжусь, что провел его».

Не все мистификаторы были так одарены, как Чаттертон, Мериме или Макферсон. Но ведь и в «настоящей» литературе существует табель о рангах.

Конечно, среди мистификаций можно найти образцы откровенной дешевки, халтуры, того, что обычно называют «развесистой клюквой». Именно таков был сборник русских песен «Балалайка», изданный в 1863 г. в Берлине Иоганном Альтманом. Но лучшие образцы мистификаций, несомненно, факт литературы.

Мир литературной мистификации столь обширен, что в нем, как и в «настоящей» литературе, есть свое деление на роды и виды. Никак не претендуя на полноту, попробуем набросать примерную классификацию, которая, однако, покажет, сколь изобретательны творцы подделок.

На одном из самых «почетных» мест — подделки фольклора (поэмы «Оссиана», «Краледворская рукопись»). Весьма велика их роль в становлении национального самосознания народа, хотя объективно это литературный обман.

Обширная группа — так называемые мнимые находки. Обычно история их обнаружения обставляется с подобающей таинственностью: на свет божий извлекаются замшелые сундуки, конечно же, совершенно случайно обнаруженные в какой-нибудь древней церкви или полуразрушенном старинном замке. Их авторы не брезгают и бутылками, выброшенными морем на берег. Такими мнимыми находками особенно славилась эпоха Возрождения с ее отчетли-

* Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. М., 1953. Т. 2. С. 82.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

вым, исторически обусловленным интересом к античным, древнегреческим и древнеримским авторам, которые долгое время пребывали в забвении. Жгучее желание узнать позабытое создало превосходную базу для всякого рода находок-подделок. Фальсифицировали, причем весьма изобретательно, историков, в частности Ксенофонта и Плутарха; «находили» поэмы Катулла, речи Цицерона. Подобные находки внесли изрядную путаницу в историографию: в дальнейшем ученым пришлось положить немало труда, чтобы доказать, что из 16 опубликованных сатир Ювенала только 11 — подлинные. Фабрикуя эти апокрифы, их создатели стремились придать рукописям и «достойный» внешний вид. «Находки» надолго закапывали в землю, применяли различные вещества, чтобы «состарить» манускрипт. «Отыскивали» сочинения отцов церкви, инкунабулы, которые всегда высоко ценились на книжном рынке. В большом ходу у мистификаторов были библейские тексты. Любопытная история «навыворот» приключилась с иерусалимским антикваром Шапиро. В 1825 г. он потребовал целый миллион фунтов стерлингов за свиток — часть Пятикнижия Моисея. Долгое время эту находку считали откровенной подделкой, а Шапиро — отъявленным мошенником. Однако реальные находки библейских текстов в Кумранских пещерах у Мертвого моря поколебали уверенность специалистов, и они даже начали склоняться к тому, что находка Шапиро вовсе не мистификация...

«Забавлялись» находками-мистификациями и писатели, в таланте которых никому не придет в голову усомниться. Шарль Монтескье в 1729 г. опубликовал «перевод с греческого» поэмы «Храм Книдский», утверждая в предисловии, будто эту рукопись неизвестного автора обнаружил совершенно случайно в развалинах монастыря. «Находку» Монтескье можно отнести и к другому виду мистификаций — к мнимым, вымышленным переводам, которых в истории литературы и в истории мистификации великое мно-

ДЕРЗОСТНЫЙ ОБМАН

жество. Подобными мистификациями в основном из цензурно-политических соображений увлекались многие русские поэты. Стихотворение А. С. Пушкина «Лицинию» (1815) имело в первых редакциях подзаголовок «с латинского», что развязывало руки автору и как бы снимало с него, во всяком случае в глазах властей, ответственность за сказанное. Ведь всякому, кто читал:

Любимец деспота сенатом слабым правит,

На Рим надел ярем, отечество бесславит...

было очевидно, что речь идет об Аракчееве. Есть подобные «переводы» и у Лермонтова. Стихотворение «За дело общее, быть может, я умру...» (1831) имеет подзаголовок «Из Андре Шенье», хотя у Шенье нет такого произведения; «Веселый час» (1829) также имеет пояснение в подзаголовке — «Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы».

«В прежнее время, — писал Н. А. Некрасов по поводу своих «переводов», — иные мои стихотворения не прошли бы, если бы я не выдал их за переводы с какого-нибудь малоизвестного языка» *. Любопытно, что его стихотворение «Пророк», посвященное судьбе Чернышевского, сначала было снабжено подзаголовком «из Байрона», затем «из Ларры», потом «из Барбье».

«Переводы» можно найти и среди прозаических произведений. Скажем, роман «Замок Отранто» (1764) — важная веха в развитии английской литературы предромантизма и становлении популярного в конце XVIII — начале XIX века жанра «готического романа тайн и ужасов», которым зачитывалась вся Европа. Его автор, видный английский литератор Хорэс Уолпол выдавал его за перевод итальянской рукописи. Для пущей достоверности Уолпол сообщил, что принадлежала она некоему Онофрио Муральто, который, естественно, никогда не существовал, но был плодом воображения самого Уолпола.

* Вестник Европы, 1878. № 5. С. 191.

Поддельные мемуары, поддельные письма — также широкое и довольно благодатное поле деятельности для изобретательных мистификаторов. Разве не заманчиво написать мемуары за участников каких-нибудь бурных событий, коль скоро они не успели оставить свои заметки или их впечатления уничтожило время? Разве мог читатель XIX века устоять перед соблазном прочитать мемуары палача Людовика XVI? Популярность этого «исторического» произведения была столь высока, что его издавали трижды. В одном из изданий принял участие молодой Бальзак; позднее он включил первую главу этих «воспоминаний» в свою «Человеческую комедию» под названием «Этюд из эпохи террора».

Отдал должное этому жанру и знаменитый автор «Робинзона Крузо». «Записки кавалера» (1720) Дефо выдал за воспоминания дворянина, жившего в бурную эпоху английской революции XVII века. «Повествование о всех грабежах, побегах и других делах Джона Шеппарда» Дефо назвал записками знаменитого английского разбойника и головореза Шеппарда, которые тот якобы написал в тюрьме перед смертью.

Примеры без труда можно было бы множить. Их немало в зарубежной и отечественной литературе. Но сейчас, пожалуй, важнее другое. Уже одно весьма красноречивое перечисление литературных мистификаций с неизбежностью подводит нас к вопросу: «Почему мистификаторы, люди, безусловно, одаренные, яркие, самобытные, стремятся к этому маскараду?» Почему бы им не писать под собственным именем? Иными словами, ответив на этот непростой вопрос, мы подойдем вплотную к ответу на другой — каковы мотивы мистификации?

Первое, что приходит в голову, как и пишет в предисловии к своей книге Уайтхед, — корысть, материальные соображения. Конечно, в истории мистификаций им принадлежит не последняя роль. Читатели узнают, какое фантастическое состояние нажил

ДЕРЗОСТНЫМ ОБМАН

на своих подделках Томас Уайз. Сугубо меркантильными соображениями были вызваны переводы произведений, никогда не существовавших, но приписываемых авторам, слава которых была стопроцентной гарантией успеха. С завидной регулярностью при жизни Вальтера Скотта, да и после его смерти, в Германии и во Франции выходили переводы всех этих «Уалладморев», «Замков Аваллонов», «Аленов Камеронов», «Гебридских изгнанников», которые Скотт никогда не писал, но читатели с благодарностью проглатывали.

Мистификации такого рода были весьма популярны и в России первой половины XIX века. Тогда русская публика зачитывалась романами англичанки Анны Рэдклифф и француженки г-жи Жанлис. Этим дам переводили — и немало. Однако удовлетворить спрос публики на все ужасы, которыми были переполнены романы Рэдклифф, и любовные истории, трагические и душщипательные, которые так удачно изготовляла Жанлис, было невозможно. Вот тогда-то расторопных русских переводчиков, имена которых история до нас по большей части не донесла, осенило: почему бы не написать столь же складно за Рэдклифф и Жанлис? На титуле для пущей правдоподобности стояло «перевод с английского» или «перевод с французского».

Тщеславие, а в еще большей степени — благородство, но никак не голая корысть видятся в поступках Ганки и Макферсона, создателей эпоса шотландского и чешского народов. Не только озорство, но серьезный литературный спор с издержками романтической эстетики ощущается в «Гузле» Мери-ме. Свои намерения писатель обнажил в уже цитированном письме к С. А. Соболевскому: «„Гузла" написана мною по двум мотивам, из коих первый — поиздеваться над «местным колоритом», в который мы с головой бросились в 1827 году.»

Но есть и более глубокая социально-психологическая мотивировка поведения мистифика-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

торов. Одаренные от природы, к тому же очень щедро и своеобразно, искусством стилизации, они, создав свои произведения, настойчиво отказываются от авторства, убеждают, что тексты принадлежат некоему третьему лицу. Пожалуй, именно в этом настойчивом отказе от своего детища—главное отличие мистификации от литературного псевдонима.

Псевдоним—разве это не мистификация? Мотивов, побуждающих автора прибегнуть к маске, немало. Иногда, как это было с молодым, начинающим Диккенсом, неуверенность в собственных силах, а отсюда боязнь выступать под своим настоящим именем. Иногда, как это особенно часто случалось в XIX веке в викторианской Англии, социальные запреты, когда женщине-романистке считалось неприличным ставить свое имя на титуле книги. Под псевдонимами братьев Белл писали все три сестры Бронте, английская писательница Мэри Эванс также выбрала себе «мужской» псевдоним и стала писателем Джордж Элиот. Бывали и случаи полной анонимности, когда на титуле книги скромно значилось: «сочинение леди». С таким своеобразным указанием авторства выходили романы Джейн Остен.

Иная функция у псевдонимов Теккерера. Поначалу он скрылся за маской, как и Диккенс, из-за неуверенности в себе. Но потом маска, точнее маски, которые он и в самом деле менял, как перчатки, стали для него формой изощренной, тонкой игры с читателем, когда автор совсем не одно и то же лицо с повествователем. Похожую игру мы видим и в «Герое нашего времени».

Но все же обычно автор, выступающий под псевдонимом, стремится к раскрытию псевдонима. Ведь он выражает в тексте свое подлинное творческое «я», себя, а не маскируется всеми мыслимыми и немыслимыми способами под кого-то другого. Мистификатор, напротив, весь в стихии стилизации и делает все от него зависящее, чтобы скрыть свое авторство. И все же почему бы мистификатору, уже

ДЕРЗОСТНЫЙ ОБМАН

добившемуся успеха, не сбросить личину? Способны, однако, на такой шаг только те, у кого мистификация — эпизод в творчестве, а не дело всей жизни. Так поступали Мериме, Пушкин, Вольтер и т. д. Но уже Чаттертон, который, как известно, наряду с мистификациями, публиковался и под собственным именем, все же гораздо естественнее ощущал себя, когда был «Раули». Нет и не может быть сомнений в таланте Макферсона, но творить он мог только *не будучи* Макферсоном, перевоплотившись в Оссиана, т. е. перестав быть самим собой. По-видимому, необходимым условием творчества для мистификатора является «маска», причем почти сросшаяся с лицом. Когда ее нет или когда общество срывает ее (так было с Айрлендом, когда раскрылись его шекспировские мистификации), художественный дар на глазах начинает таять. Талант, еще недавно столь яркий и самобытный, сменяется полной беспомощностью.

В этом прослеживается определенная психологическая закономерность. Игра — необходимое условие любого творчества — у мистификаторов приобретает гипертрофированные размеры. Мистификатор творит, только расщепив, расколов, размножив, растворив свое настоящее «я».

Пусть псевдонимы Вольтера можно обнаружить практически на каждую букву алфавита; их было более двадцати у Дефо, более семидесяти у Стендаля, современники, как уже говорилось, не попевали за Теккереем. Но все же у писателей есть где-то незримый предел, есть некий общий знаменатель, сводящий все маски к одному творческому лицу. Мистификатор же этот знаменатель в процессе творчества методично уничтожает. Мистификатор вольно дышит, только надев чужой костюм, погружившись в чужую психологию, изучение которой иногда становится делом всей его жизни. Он все время играет, лицедействует, забавляется, как забавляются маски на карнавале.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Ну, а личность мистификатора — не страдает ли она от этого постоянного обмана? Конечно, страдает. Ведь, в сущности, намерение, лежащее в основе мистификации, очень часто аморально. Конечно, степень безнравственности бывает разной. Она одна у Чаттертона, другая у Симонидиса. Но все равно, при любых оговорках, перед нами — обман.

Уайтхед говорит о нравственной стороне мистификации довольно бегло. Этот вопрос глубоко затронут в книге В. Кунина «Библиофилы и библиоманы» (1984). В ней автор смотрит на судьбу великих мистификаторов Уайза и Симонидиса и с нравственной точки зрения. Он не упускает из виду пагубность самого намерения. Но при этом ни на минуту не забывает о парадоксе мистификации. Ведь как ни посмотри, Чаттертон — гордость английской словесности, Макферсон похоронен в Вестминстерском аббатстве в Уголке поэтов — «святая святых» английской литературы. Ганка, создатель гениальной, хоть и поддельной рукописи, — национальный герой Чехии. И все же в этих играх есть серьезная опасность, злодейство по отношению ко всему феномену культуры. Невольно на память приходят пушкинские слова: «Гений и злодейство — две вещи несовместные...»

В XX веке не сыщешь мистификаторов уровня Айрленда, Томаса Уайза. Да и вообще они как-то повывелись. Впрочем... В конкурсе на лучшую пародию на роман Грэма Грина первую премию получил... сам Грэм Грин. Зато появляется все больше и больше работ, в которых осмысляется природа мистификации. Вряд ли это случайно. Видимо, в XX столетии сама идея игры, расщепленной личности входит в плоть литературы. В самом деле, как часто и как напряженно играют в свои, точнее, чужие судьбы герои произведений зарубежных авторов. Вот несколько примеров. Джойсовский Стивен сопоставляет себя с Икаром, ощущает себя сыном великого искусника древности Дедала. Все герои и

ДЕРЗОСТНЫЙ ОБМАН

персонажи романа «Улисс» сводимы к античным героям (Блум—Одиссей, его неверная жена, певичка Мэрион—Пенелопа) и оцениваются читателем, в немалой степени исходя из этой соотнесенности. Конечно же, вспоминается роман-миф Томаса Манна «Иосиф и его братья», «Назову себя Гантебайн» Макса Фриша, «Кентавр» Джона Апдайка, «Калигула» Уильяма Фолкнера. Мифы об Орфее, Эвридике, Сизифе, Прометее постоянно оживают на страницах романов, пьес, поэм европейских и американских писателей XX века. И это отнюдь не только «забавы», это знак искусства XX века.

Вот что говорит по этому поводу герой романа «Презрение» известного итальянского писателя Альберто Моравиа: «Джойс... по-новому интерпретировал «Одиссею»... Он сделал Улисса рогоносцем... бездельником... превратил Пенелопу в непотребную девку... Островом Эола у него стала редакция газеты, дворцом Цирцеи—бордель, а возвращение на Итаку превратилось в возвращение глубокой ночью домой по улочкам Дублина... Но у Джойса все же хватило благоразумия оставить в покое средиземноморскую культуру, море, солнце, неизведанные земли античного мира... У него нет ни солнца, ни моря... все современно, т. е. все приземлено, опошлено, сведено к нашей жалкой повседневности...»

Так что же—в современном толковании мифа заключено отчетливое противоречие? Желание раздвинуть границы места и времени, соединить, как писал Джойс, «сейчас и здесь» с вечностью и космосом, и в то же самое время максимальная интеллектуализация мифа, лишение его гармонии, едва ли не основной его философской черты.

Видимо, в этом, сразу же бросающемся в глаза противоречии и есть ответ на вопрос, почему герои многих современных западных романов так безудержно, самозабвенно играют в свои мифологические маски.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Ищет, мучительно ищет себя джойсовский Стивен Дедалус, а за ним и длинная вереница героев западной литературы XX века. Но в том-то и суть, что найти себя Дедалусу практически невозможно. Он страдает от собственной раздвоенности, он запутался в лабиринтах мифа о своем прототипе — Телемаке, он и не надеется, что когда-нибудь обретет спасительную нить Ариадны и выйдет на встречу со своим «я». В романах-мифах XX века литературные эпохи, исторические периоды с легкостью сменяют друг друга, реальное время более не является объективной данностью.

Как видим, понятие мистификации весьма широко и, повторим еще раз, эта проблема в своей основе социально-психологическая, если не философская. Мистификация — изобретательная, остроумная, изощренная, часто опасная игра. Но, как говорил Шекспир, весь мир лицедействует: играет ребенок, познавая мир, играет ученик в школе, осваивая академические премудрости (и современная педагогика все больше внимания уделяет игре в процессе образования), играют взрослые люди, принимая на себя определенные роли в обществе и личной жизни. Федор Протасов в «Живом труп» Толстого говорил, что без игры жизнь лишается изюминки.

Внимательно вглядываясь в игры великих людей и великих героев, в игры, которые по тем или иным причинам предпочитают разные исторические эпохи — Возрождение или наш беспокойный век, — мы начинаем яснее различать лики времени.

Е. Гениева

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении сотен лет подделки были способом добывания денег, завоевания известности и признания; они верно служили любителям розыгрышей.

Существовало много разновидностей подделок, из которых, пожалуй, наибольшую популярность получила подделка денег, особенно банкнот. Довольно скоро в этой сфере был достигнут подлинный артистизм и удивительная точность: гравировка досок для печатания настолько тонка, что малейшая ошибка гравера может оказаться роковой.

Другой популярной и, возможно, самой выгодной областью создания подделок является искусство. Да и сами подделки превратились в искусство, когда примерно около ста лет назад художники стали копировать работы известных мастеров, по преимуществу уже умерших. Опыт показывает, что зачастую художники могли заработать значительно больше денег, копируя чужие работы, чем продавая свои собственные. Их собственные полотна были не хуже, если не лучше старинных, но не могли завоевать такого обширного рынка либо претендовать на столь же высокую цену. Великолепный пример подобных подделок — работы ван Меехерена, который писал картины в стиле Вермеера, используя материалы и приемы, характерные для Вермеера и его современников. Ван Меехерен достиг высот мастерства в своих произведениях; к тому же он нашел способ «старения» картин, настолько эффективный, что подделку можно было обнаружить только после тщательного исследования экспертами.

Удивительно: в наше время работы ван Меехерена очень ценятся и стоят почти так же дорого, как и полотна Вермеера, служившие копиисту. Ван Меехерен нажил себе состояние, прежде чем его обман

Джин Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

был окончательно раскрыт. Это произошло в 1945 году, когда ван Меехерена привлекли к суду за сотрудничество с германскими оккупационными властями в Голландии, а именно — за продажу немцам картин, которые являются национальным достоянием.

Ван Меехерену удалось даже продать одну из картин Герману Герингу. Чтобы оправдаться, он признался суду, что подделывал картины, — но этим лишь навлек на себя другие неприятности: его судили за подделки.

Суд признал его виновным и приговорил всего к одному году тюремного заключения условно, но, к несчастью, подсудимый скончался через 19 дней после вынесения приговора.

Подделки произведений искусства обнаруживают довольно регулярно, но трудно представить себе, как можно раскрыть подделку в археологии. Правда, современные методы определения возраста находок из различных культурных слоев исключают подделки.

Не так давно с помощью этих методов удалось установить, что череп Пилтдаунского человека, найденный в 1914 году, на самом деле представляет собой человеческий череп с прикрепленной к нему челюстью обезьяны. Зубы были видоизменены, а сама челюсть «состарена» под воздействием химикатов.

Когда же череп был найден, предполагалось, что это древнейшее свидетельство обитания человека на земле, что давало иное представление об облике наших предков. Чарлз Доусон, который хотел сделать из нас обезьян, обманывал мир пятьдесят лет, пока не были разработаны современные методы исследования, благодаря которым был определен возраст кости, правда восторжествовала и история вернулась на прежние позиции.

Эта книга посвящена конкретной области подделок, а именно — литературным мистификациям. Хотя

ВВЕДЕНИЕ

литературные мистификации не так известны, как фальшивые банкноты и картины-подделки, у них долгая и славная история. За последние двести лет книги и рукописи привлекали все большее внимание коллекционеров, что неизбежно повышало их ценность. Почти каждая страна породила создателей литературных мистификаций, но британцы, похоже, всегда преуспевали в этой области. В английском законодательстве подделка определена как фальшивый документ, изготовленный для того, чтобы использовать его как подлинный. В большинстве случаев подделка — уголовное преступление. Совершенная с целью обмана, подделка наказуема пожизненным заключением, если речь идет о завещаниях, государственных документах или банкнотах, и 14 годами в том случае, если подделаны другие документы.

Что же такое литературная мистификация? Как определить разницу между работами Чаттертона и Шекспира, Макферсона и Уолпола? Почему имена двоих связываются с литературными мистификациями, тогда как двое других считаются величайшими английскими писателями? Макферсон написал несколько великолепных лирических баллад и выдал их за переводы оригинальных гэльских баллад, собранных им во время путешествия по Шотландии. Шекспир же не только взял новеллу Чинтио как основу для «Отелло», но и свободно пользовался хрониками Холиншеда, черпая из них материал для своих пьес. Чаттертон создал изящные стихотворные произведения в сложном средневековом стиле, приписав их монаху по имени Томас Раули, жившему в XV веке. Уолпол сделал совершенно то же самое: написал роман «Замок Отранто», утверждая, что нашел старинную рукопись, которую перевел и опубликовал.

Так ли велико различие между этими авторами? Следует ли казнить одного, называя другого гением? Бедный Чаттертон умер таким юным — в 17 лет, в

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

сущности, по недоразумению; репутация Макферсона была полностью разрушена, тогда как имена Уолпола и Шекспира продолжают жить и считаются великими в литературном мире.

Айрленд и Кольер были воистину «литературными обманщиками», но их поддельная шекспириана была раскрыта еще при их жизни, тогда как Чарлз Джулиус Бертрам почил на лаврах, а ведь он не уступал им в искусстве обмана. Подделка была раскрыта только спустя много лет после смерти Бертрама, да и тогда многие были убеждены, что его «находка» — подлинник.

Уайз, Де Жибле (он же — майор Байрон), Псалманасар, Дени Врэн-Люка и Вагенфельд разделили незавидную долю — все пятеро были авторами литературных мистификаций в общепринятом смысле слова.

Все они намеренно создавали литературные подделки, и все их творения были разоблачены, хотя Томасу Дж. Уайзу так и не были предъявлены обвинения.

Почему эти люди занялись литературными мистификациями, интересно само по себе. Деньги редко бывали целью обмана; стремление добиться признания и тщеславие возглавляют список причин, почти следом идут патриотические чувства: Вацлав Ганка страдал оттого, что у его родины нет литературной истории; наименее достойный мотив — злобная месть Лоудера.

Исследования этой интересной области литературного творчества показывают, что XVIII столетие особенно богато литературными мистификациями: именно в это время творили Чаттертон, Макферсон, Бертрам, Псалманасар и Лоудер.

Начиная собирать материал о разнообразных литературных подделках, я не очень хорошо представлял себе, какое множество людей замешано в подобной преступной деятельности. У меня был небольшой список имен, который я предполагал положить в

ВВЕДЕНИЕ

основу книги, но за время исследования стало ясно, что включить в книгу всех найденных мною авторов литературных мистификаций будет невозможно, так что мне пришлось провести серьезный отбор. Я выбирал наиболее интересных, на мой взгляд, людей, наиболее известных авторов, а также тех, кто оказал значительное влияние на историю литературы.

Мэлоун справедливо ставит Чаттертона на второе место после Шекспира, и, судя по немногим дошедшим до нас стихам, эта оценка вполне обоснованна.

«ТОТ
ЮНЫЙ ГЕНИЙ»

24 августа 1770 года юноша семнадцати лет поднялся к себе в мансарду в доме № 39 по Брук-стрит недалеко от Лондонского района Холборн, собрал кипу рукописей и документов и принялся рвать их в клочки. Покончив с этим занятием, он лег на кровать, налил себе вина, всыпал изрядную дозу мышьяка и залпом выпил; так умер самый одаренный и самый несчастный из литературных мистификаторов — Томас Чаттертон.

Чаттертон родился 20 ноября 1752 года в Бристоле, в бедной семье. Отец его был на семнадцать лет старше матери и умер за три месяца до того, как Томас появился на свет. К тому времени он занимал полуофициальное положение в церковном хоре и был учителем Рэдклиффской приютской школы, или школы св. Фомы. Он тонко чувствовал музыку, страстно любил читать и с особым удовольствием предавался изучению древностей. Мать Чаттертона, женщина экспансивная, деятельная, после смерти мужа содержала семью, зарабатывая превосходным шитьем и вышиванием.

В пять лет Томас Чаттертон был неуравновешенным строптивым ребенком и ни за что не хотел учиться тому, чему его пытались учить. Томас вечно задирал своих сверстников и обращался с ними как со слугами. Так продолжалось до семи лет, когда он нашел у отца старую Библию, выучился читать, и с тех пор у него пробудился интерес к отцовским книгам. Особенно ему нравились огромные рисованные инициалы. Вскоре интерес к книгам стал почти фанатичным, мальчик читал беспрерывно, и матери приходилось отбирать у него книги. Томаса это чрезвычайно огорчало, и он стал пропадать в близлежащей церкви св. Марии Рэдклиффской. Помощником священника там был его дядюшка, и они часами беседовали, а иногда Томас бродил по кладбищу,

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

разглядывал надписи на могильных плитах. Занятие это все сильнее увлекало его, богатое воображение помогало представить, какими умершие были при жизни. Они стали его друзьями; эти призрачные фигуры казались ему товарищами, в которых он так нуждался. Все отдаляясь от семьи и друзей, он все больше привязывался к церкви св. Марии.

В 1760 году, когда Томасу исполнилось восемь, его отправили в Колстонский приют. Там ему выдали синее, похожее на монашеское, одеяние. Новый наряд нравился мальчику: он походил на старинные одежды и возбуждал его любовь к прошлому. Сама же школа его разочаровала; малейший признак незаурядности в воспитанниках встречал полное равнодушие тамошних наставников. Друзей среди учеников у него почти не было. Томас предпочитал общество старших, тех, кто мог разделять его не по годам взрослые интересы. Первые месяцы в Колстоне прошли очень одиноко, а во время каникул мальчик целыми днями просиживал на чердаке родного дома, где книги помогали ему погрузиться мечтами в пятнадцатое столетие. К десяти годам все свои карманные деньги Томас тратил в ближайшей библиотеке — там книги давали на дом, — зачитываясь трудами по истории и богословию.

Он стремился к одиночеству и часы досуга проводил за книгами, знания его становились все обширнее, и вскоре он стал доверять свои мысли бумаге, сочиня стихи. В 1763 году—Томасу тогда было 11 лет—на кладбище церкви св. Марии Рэдклиффской сломали замечательный крест тончайшей работы, простоявший там три столетия. Чаттертон написал яркое сатирическое стихотворение об этом варварстве и послал в местную газету, где оно и было опубликовано 7 января 1764 года. Хотя это сатирическое стихотворение было религиозным по духу, Чаттертон склонялся к более широким сатирическим темам, стремясь добиться остроты в оценке характеров.

Томас по-прежнему не питал особого почтения к школе — ни к учителям, ни к ученикам. Исключение он делал лишь для Томаса Филлипса, помощника учителя, человека умного и начитанного. Чаттертон очень высоко ценил Филлипса и именно ему показал несколько рукописных пергаменов, якобы принадлежащих перу «Т. Раули, приходского священника». Томас Раули жил в XV веке в Бристоле, и юный Чаттертон решил подписать его именем свои мистификации. Он утверждал, что нашел рукописи в церкви св. Марии Рэдклиффской. Томас показал Филлипсу стихотворение «Элиноур и Джуга» — прелестный диалог, написанный в изящной меланхолической манере необычным, старинным почерком, разобрать который было необычайно трудно. То была трогательная история двух молодых дам, скорбящих о гибели своих возлюбленных на войне Алой и Белой роз. Позднее, в мае 1769 года, поэма была опубликована в «Таун энд кантри мэгэзин», и доктор Грегори назвал ее «историей на редкость прекрасной и трогательной». Филлипс был ошеломлен находкой, а Чаттертон горд тем, что сумел заинтересовать любимого учителя. Последующие два года соученики относились к Томасу с чрезвычайным уважением и нередко просили его сочинить сатирическое стихотворение, обычно о ком-нибудь из учителей. Томас даже показал своим школьным товарищам, как можно состарить пергамен, натерев его землей и подержав над горящей свечою.

Чаттертон по-прежнему посещал скучные занятия в Колстоне, но много времени проводил и за своими книгами по истории, богословию, философии и радовался любому чтению, способному утолить его не по годам развитые интересы. В последние школьные месяцы Чаттертон встретил двух людей, которым суждено было серьезно повлиять на его жизнь. Первым был Уильям Барретт, врач, увлеченный историей Бристоля. Томас часто бывал у него, главным образом привлекаемый большой и хорошо

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

подобранной библиотекой. Долгие часы проводили они в беседах и спорах, и Барретту нравилось, как загорается в споре его молодой друг. Чаттертону и самому была по душе эта дружба, и порой он вознаграждал своего старшего друга «найденными» старинными пергаменами, планами и документами по истории Бристоля, доставляя Барретту безмерное удовольствие. Вторым из друзей Чаттертона был Джордж Кэткот, самодовольный эгоистичный человек, полная противоположность Барретту, обладавший, однако, полезными, на взгляд Чаттертона, знаниями. В расчете на него Чаттертон создал несколько произведений, в том числе «Бристоускую трагедию, сиречь смерть Чарлза Бодена», искреннюю и пламенную балладу. В основе ее сюжета — смерть Чарлза Бодена, сторонника Ланкастерской династии, который замыслил убить графа Уорика, но был схвачен, заключен в тюрьму и затем повешен в Бристольском замке. Чаттертон сочинил также «Эпитафию Кэнингу», неторопливо разворачивающиеся стихи, текущие плавно, как тихие струи Эйвона, на берегах которого происходит действие. Это история Уильяма Кэнинга, главы городского магистрата Бристоля в XV веке. Чаттертон наткнулся на его имя в церкви св. Марии Рэдклиффской и, сознавая значительность этой фигуры, решил сделать его «покровителем Раули».

Через Кэткота Чаттертон познакомился с Генри Бергемом, человеком тщеславным, но не лишенным воображения; он хотел с помощью Чаттертона проследить свое генеалогическое дерево, у которого, по глубокому убеждению Бергема, были благородные корни. Как ни странно, Чаттертон нашел именно то, что искал Бергем, — родословную семейства Де Бергем, восходящую ко временам норманского завоевания. Более того, Чаттертон «обнаружил» принадлежащую перу Раули рыцарскую поэму «Турнир, интерлюдия», в которой среди участников турнира упоминался рыцарь по имени Джоан де Бергамм. К

«ТОТ ЮНЫЙ ГЕНИЙ»

генеалогическому древу Бергемов Чаттертон добавил ветвь и своей семье, породнившейся якобы с семьей Бергем много лет назад.

Чаттертон понимал, что одно дело изготовить фальшивые документы, а другое — объяснить, где он их обнаружил, и именно придуманное им объяснение проливает свет на истинную одаренность юноши. Бродя по церкви св. Марии, он обнаружил ларец, хранилище приходских документов, взломанный несколькими годами раньше. В ларце осталось еще множество документов, книжиц, рукописей XV века времен царствования Эдуарда IV, когда главой магистрата был Уильям Кэнинг. За долгие часы, проведенные в церкви, Томас прочел, изучил и литературно обработал свои находки. В этом ларце он якобы и обнаружил стихи и прочие труды Раули. Для своих подделок Чаттертон, как правило, использовал пергаменты из ларца, предварительно выведя с них старые тексты.

1 июля 1767 года Чаттертон окончил школу, и его отдали учеником в контору Джона Ламберта, бристольского адвоката. Томас надеялся, что свободного времени у него теперь будет больше и писать ему станет легче, но Ламберт оказался несносным хозяином. Он обращался с Томасом как со слугой, запретил часы досуга посвящать собственным увлечениям и велел Чаттертону все свободное время читать книги по юриспруденции. Юноше пришлось делить комнату со слугой, питался он также вместе со слугами. Хотя в конторе работы у него было немного, в часы службы Ламберт не разрешал ему заниматься чем-либо посторонним. Но Чаттертон продолжал сочинять и на службе, поминутно поглядывая на дверь, дабы приход Ламберта не застал его врасплох, либо писал ночью, при свете луны. Он снабжал Барретта материалами для задуманной им книги по истории Бристоля, посылал свои стихи редакторам разных журналов, чтобы узнать их мнение о своем творчестве. В 1768 году он послал в

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

«Феликс Фарлиз джорнэл» свое очередное сочинение, названное им «Описание первого перехода мэра через старый мост» и подписал его «Dunelmus Bristoliensis». Это стихотворение он приурочил к открытию нового моста через Эйвон — его построили взамен старого, каменного, возведенного при Генрихе II.

В 1769 году Чаттертон послал несколько работ в разные журналы, в том числе в «Таун энд кантри мэгэзин», и тот принял их и опубликовал. Весьма воодушевленный успехом, Томас решил послать издателю Додсли «копии нескольких старинных стихотворений и интерлюдия (возможно, древнейшую из дошедших до нас), написанные неким Раули, священником из Бристоля, жившим во времена Генриха VI и Эдуарда IV». Додсли не удосужился ответить ни на это письмо, ни на следующее, в которое Чаттертон вложил отрывок из «Аэллы», поэмы об Аэлле Саксонском, страже Бристольского замка. Аэлла женится на своей возлюбленной Берте; на свадебном пиру он узнает, что поблизости высадились датчане, и бросается в бой, чтобы остановить вторжение; датчане обращены в бегство, но сам Аэлла тяжело ранен. Он спешит домой, чтобы умереть на руках своей молодой жены, но узнает, что она сбежала из замка с другим. В отчаянии Аэлла вонзает кинжал себе в грудь, но тут появляется его жена; оказывается, ее увезли хитростью, якобы к раненому супругу. Раскрыв обман, она тотчас пустилась в обратный путь. Но пока Берта рассказывает о своих злоключениях, Аэлла умирает, и она без чувств падает на его мертвое тело. Поэма написана ярко, свежо и весьма увлекательно: веселье и музыку, песни менестрелей сменяет трагедия битвы, а завершает все отчаяние смерти.

Чаттертону приходит на память Хорэс Уолпол, который написал и опубликовал в 1764 году «Замок Отранто», утверждая, что это — перевод найденной им старинной рукописи. Чаттертон пишет ему пись-

P O E M S,

SUPPOSED TO HAVE BEEN WRITTEN AT BRISTOL,

BY THOMAS ROWLEY, AND OTHERS,

IN THE FIFTEENTH CENTURY;

THE GREATEST PART NOW FIRST PUBLISHED FROM THE MOST

AUTHENTIC COPIES, WITH AN ENGRAVED SPECIMEN

OF ONE OF THE MSS.

TO WHICH ARE ADDED,

A P R E F A C E,

AN INTRODUCTORY ACCOUNT OF THE
SEVERAL PIECES,

AND

A G L O S S A R Y

L O N D O N :

Printed for T. PAYNE and SON,
at the MINDEN-GATE.

MDCCLXXVII.

*Поэмы, предположительно написанные в Бристоле
Томасом Раули и другими в XV веке.
Титульный лист*

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

мо и вкладывает в него несколько сочинений «Раули», в том числе «Возрастание живописных ремесел в Англии, писанное Т. Раули в лето 1469 для Мастера Кэнинга». «Возрастание живописных ремесел в Англии», одна из слабейших работ «Раули», проследживает историю английской живописи со времен бриттов до Генри из Торнтона, написавшего по заказу Кэнинга несколько фресок. Уолпол прочел присланное и в своем ответе, поблагодарив Чаттертона, благосклонно отозвался о творениях Раули, особенно об их гармонии и настроении. Уолпол указал также на одну из древних картин маслом, упомянутую в работе Чаттертона. По словам Уолпола, это укрепило его убеждение, что технику масляной живописи открыл не Ян ван Эйк, что она существовала задолго до него. Уолпол спрашивал Чаттертона, где тот обнаружил рукописи, предлагая опубликовать их, если они не печатались прежде, спрашивал, нет ли у него и других материалов. Чаттертон, в восторге от такого ответа, немедленно отослал и другие свои работы, но совершил промах, упомянув о стесненных обстоятельствах и намекая Уолполу, что хотел бы приискать для себя более подходящее место. Уолпол тут же почувствовал неладное и решил посоветоваться со своими друзьями, поэтами Грэем и Мейсоном. Оба сразу же заявили, что рукописи поддельные и написаны недавно. Следующее письмо Уолпола к Чаттертону было совсем в ином, сухом тоне: Уолпол советовал Томасу заниматься своим делом — юриспруденцией и прежде составить себе состояние, а потом уж усладить себя литературными занятиями. Чаттертон ответил ему, что перевел поэмы Раули со списка, принадлежащего одному джентльмену, совершенно уверенно-му в их подлинности. Далее он прибавил:

«Хотя мне всего шестнадцать лет от роду, я прожил достаточно, чтобы убедиться в том, что бедность идет рука об руку с литературой. Я весьма обязан Вам, сэр, за Ваш совет и последую ему;

Хорэс Уолпол

более того, я уничтожу весь этот бесполезный литературный хлам, и никогда более перо мое не коснется бумаги, иначе как в связи с нуждами закона и права».

Вскоре Чаттертон отправил Уолполу еще одно короткое письмо с просьбой вернуть посланные им отрывки, поскольку его друг Барретт пишет историю Бристоля и хотел бы включить их в книгу. Томас не получил ответа и написал вновь; письмо пришло перед самым отъездом Уолпола в Париж; рукописи он так и не вернул. 24 июля, когда Уолпол возвратился в Лондон, Чаттертон снова написал ему, на сей

Джон Уайтхед СТРЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

раз гневно, сетуя на то, что Уолпол медлит с отправлением рукописей:

«Сэр,

Я не могу примирить Ваше отношение ко мне с теми представлениями о Вас, которые я некогда разделял. Сэр, я полагаю себя оскорбленным: не будучи осведомлены о моих обстоятельствах, Вы не осмелились бы обходиться со мною подобным образом. Дважды обращался я к Вам с просьбой вернуть мне копии рукописей—от Вас ни слова. Буду признателен, если Вы объяснитесь или извинитесь за свое молчание.

Томас Чаттертон

Июля 24 дня».

4 августа Чаттертон, наконец, получил рукописи, но теперь у него не оставалось никакой надежды, что Уолпол поможет ему опубликовать его творения. Хотя последним письмом Чаттертон и сжигал за собой мосты, совершенно очевидно, что Уолпол был незаслуженно груб с юношей, ведь и сам он со своим «Замком Отранто» сделал точно то же, что Чаттертон. Впрочем, через восемь лет после смерти Томаса Чаттертона он раскаялся, что не помог ему, и признал его гением, каковым тот, несомненно, и был. Несмотря на раскаяние, на Уолпола все же ложится доля ответственности за роковую судьбу Томаса Чаттертона.

Чаттертон мучительно переживал обиду, нанесенную ему Уолполом, он даже написал уничтожающую сатиру, которую намеревался послать обидчику, однако сестра отговорила его от этого.

Уолпол! Я и в мыслях не имел,
Сколь ты жестоко сердцем очерствел;
Вкушая Роскошь, ты не внял Мольбе
Подростка одинокого, к Тебе
Воззвавшего; его Стидишь ты рьяно, —
А сам не знал подобного Обмана?
«Отранто» вспомни! — Что за словопренье?
Презреньем я отвечу на Презренье.

«ТОТ ЮНЫЙ ГЕНИЙ»

Кропай, Уолпол, Письма Недалеки,
 Красоткам шли свои Пустые Строки;
 Когда Льстецы тебя Хвалят вокруг,
 Не Враг молчит тебе во Славу, — Друг!
 Что ж, отвергай прямого Простеца...

 Когда б я дни средь Роскоши губил,
 Уолпол, ты б меня не оскорбил!
 И все ж, как Раули, до конца времен
 Я буду жив, ты ж—мертв и осужден.

Вскоре Чаттертон пережил еще один удар— смерть своего друга Томаса Филлипса. Весть эта поистине потрясла Чаттертона— он вдруг явственно ощутил жестокую реальность смерти. Вновь берется он за перо и сочиняет «Элегию на смерть Томаса Филлипса», стремясь выразить в ней скорбь и нежность к тому, кого он так чтил, — а чтил он немногих.

О Муза, отойди, я слезы лью
 О Том, чью Дружбу Небо нам дает;
 Покой и Сон, покиньте жизнь мою,
 Мой Филлипс мертв—и смерть меня влечет.

Как мало Счастья Чаттертон вкусил,
 Как редок был изменчивый Покой!
 Мгновений Мира ждать—нет больше сил.
 Какой судьбе я обречен Тоской!

От подобных стихов перо Чаттертона обращается к язвительной сатире. Он не щадит и столь знатных особ, как герцог Графтон, граф Бьют и принцесса Уэльская. Помимо прочего, Томас сочиняет политическое обличение для «Мидлсекс джорнэл». Чаттертон по-прежнему находится в зависимости от Ламберта, обреченный еще на четыре года этого заточения. 17 апреля 1770 года Томас написал «Завещание», где намекал, что на следующий день собирается покончить жизнь самоубийством. Каждая строка «Завещания» источала обиду на тех, кто отказывал ему в помощи и сочувствии. То был своеобразный сатирический документ: завещание, перечислявшее обычные для бедняка мелочи, завершалось такими

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

неожиданными дарами, как «смирение», которым он одаряет его преподобие мистера Чаплина, «свою веру» завещал он декану Бартону, «скромность», вместе с грамматикой и просодией, — м-ру Бергему; Бристолю же Чаттертон завещал «свой высокий дух и бескорыстие, достоинства, утраченные его жителями со времен Кэнинга и Раули». Разумеется, «Завещание» Томас написал намеренно, он хотел напугать Ламберта, заставить его расторгнуть договор, и это ему удалось. К концу апреля Чаттертон покинул Бристоль и отправился попытать счастья в Лондоне — деньгами его великодушно снабдили бристольские друзья. Статьи, посланные в журналы за последние полтора года, принесли ему приличный доход, переписка с издателями, казалось, многое обещала. Отчего же не переселиться в город, сулящий успех и славу? В Лондоне у него не было покровителя, однако письменные заверения и успешно начатая работа придавали ему уверенности. Томас переехал в Лондон спустя всего две недели после появления «Завещания».

Чаттертон довольно легко и быстро приспособился к новому образу жизни, зачастил в кабаки, куда заходила пирующая братия того времени. Его везде привечали, благодаря чарующим манерам и искренности, но более всего — из-за его разящего сатирического пера. Он подружился с Джоном Уилксом, и тот дал ему работу в журнале «Фрихолдер мэгэзин», продолжал он писать и для «Таун энд кантри мэгэзин». Под псевдонимом «Децимус» Чаттертон писал и для «Миддлсекс джорнэл», в сатирических произведениях подражая стилю Джунуса, Смоллетта, Попа, Коллинза и Макферсона. Его друзья-издатели весьма охотно принимали и публиковали эти работы, но, к сожалению, не спешили с выплатой гонораров. А вскоре на литературный мир обрушились неприятности, правительство не на шутку ополчилось на журналы виггов, двух знакомых Чаттертону издателей заключили в тюрьму. В то

«ТОТ ЮНЫЙ ГЕНИЙ»

время Чаттертон жил в Шордитче с кузиной, миссис Бэлленс, и она настаивала, чтобы Томас нашел себе работу в конторе, пока не улягутся страсти. Но тот ее и слушать не стал и лишь просил не вмешиваться в его жизнь. Он рассчитывал, что его посадят в тюрьму вместе с друзьями: по его мнению, это принесло бы ему известность, необходимую для того, чтобы добиться прочного положения.

В июне Томас переехал из прежнего жилья в мансарду на Брук-стрит, в Холборне, где мог оставаться наедине со своими трудами и мыслями. В июле он получил пять гиней за небольшой фарс под названием «Месть» и почти всю сумму потратил на подарки матери и сестре, тогда как явно было необходимо хоть часть денег истратить на самого себя. Сестре Томас писал: «Мои нынешние занятия обязывают меня часто бывать в самом высоком обществе», а сам в это время едва сводил концы с концами.

Потеряв всякую надежду на ответ редакторов, все еще не опомнившихся от недавних событий, Томас решил еще раз попытаться счастья с помощью какого-нибудь поддельного произведения Раули. Он сочиняет романтическую «Сиятельную балладу о милосердии, каковую сложил добрый священник Томас Раули в лето 1464». Сюжет этой великолепной поэмы взят из притчи о добром самаритянине, размер баллады тот же, что в «Элиноур и Джуге», но ритм более сдержан и мягок, что придает балладе особое благозвучие. Чаттертон послал балладу редактору «Таун энд кантри мэгэзин», но, вопреки ожиданиям, ее тут же вернули с отказом, поскольку ни Раули, ни его мнимые сочинения не интересовали редактора. Чаттертон пришел в ярость, но тут же окунулся в работу и принялся выплескивать одну вещь за другой в надежде поскорее заработать денег, — и хотя «Таун энд кантри мэгэзин» принял почти все, что было им написано, гонорара он так и не получил. Чаттертон утверждал, что при этом в одном из

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

выпусков журнала он был чуть ли не единственным автором.

К августу Чаттертон понял, что дела его плохи, и его охватило отчаянье. Тогда Томас написал в Бристоль, своему старому другу Барретту. Он просил помочь ему заняться медициной, скажем, устроиться помощником корабельного врача на какое-нибудь судно. Барретт, однако, уже не испытывал прежних дружеских чувств к своему бывшему подопечному: ведь вскоре после приезда в Лондон тот написал сатирическое стихотворение «Зрелище», где нападал на бристольское духовенство и врачей, а среди них были и его друзья. Особенно жестоко он обошелся с Кэткотом — тот впоследствии возмущался крайней неблагодарностью Томаса; единственный, о ком Чаттертон отозвался с похвалой, это Барретт. Очевидно, Томас близко познакомился с врачами, бывая в доме у Барретта и, судя по всему, неплохо знал их образ жизни. Многих имен в рукописи не было, но позднее Чаттертон их вписал. С горечью прочли эти стихи те, кто знали Томаса по Бристолю и уважали его.

Добрые лондонские друзья предлагали юноше помощь, но он был горд и не хотел признаться, что умирает с голоду. Томас не выносил унижения, и гордость стоила ему жизни. Он поднялся к себе в мансарду и принял яд, купленный им, как утверждал лавочник, чтобы морить крыс, кишевших у него в комнате. Перед смертью Томас уничтожил все оставшиеся у него бумаги, в том числе и стихотворения Раули, не преминув, однако, оставить после себя эпитафию:

Прощай, Бристоль, унылые громады,
Жрецы Мамоны, что лукавить рады!
Стихи былые юноша вам дал —
Отвергнутый под звон пустых похвал.
Прощайте же, спесивые болваны,
В крови у вас — лишь Козни да Обманы!
Иду туда, где слышу Песнь нетленну, —
Вы ж, отошед, низвергнетесь в геенну.

«ТОТ ЮНЫЙ ГЕНИЙ»

Прости мне, мать; душа, оставь меня,
 Я более не вынесу ни дня.
 Последний миг Отчаянья простить
 Молю, о Небо! я не в силах жить.

Чаттертона знали немногие, поскольку большая часть его сочинений в журналах того времени печаталась под псевдонимами, и смерть его некоторое время оставалась незамеченной. Те же, кто знал о «найденных» им сочинениях Раули, считали Чаттертона скорее исследователем и переводчиком, чем поэтом. Похоронили его на кладбище для бедных при работном доме близ Шоу-лейн; впрочем, предполагают — правда, тому нет никаких доказательств, — что позднее прах его перенесли в церковь св. Марии Рэдклиффской. Там до сих пор сохранился памятник со строками из «Завещания»:

В память о
 Томасе Чаттертоне.
 Читатель! Не суди его,
 Коль ты христианин,
 Поверь, его осудит
 Высший суд,
 Лишь этой силе
 Ныне он подвластен.

Многие рукописи Чаттертона были сохранены Барреттом и затем использованы им в книге «История Бристолья», которую он издал в 1789 году. В 1800 году наследник Барретта передал рукописи в Британский музей, еще несколько рукописей хранятся в Бристольской публичной библиотеке.

Нелегко понять, почему Чаттертон покончил с собой. Без сомнения, он был блестящим поэтом, и не будь он так горд и упрям, он наверняка бы выстоял и добился триумфа. Оставь он фантазии в духе Раули, пиши он современным ему языком, перед ним открылась бы блестящая карьера. Многие считают, что он покончил с собой в приступе безумия. И в самом деле, он должен был находиться в невероятном напряжении, а граница между здравым рассудком и помешательством так хрупка.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Доктор Уинслоу в своей книге «Анатомия самоубийства» анализирует состояние Чаттертона в последние недели жизни и приходит к такому выводу: «...все, кто знает историю несчастного юноши, ни на минуту не усомнятся, что он был безумен. Природа наделила Чаттертона обостренной восприимчивостью; без сомнения, он был гениален. Он пережил тяжелое потрясение, друзья один за другим оставляли его... Общество, которое поначалу стремилось снискать его дружбу, отвернулось от него; несчастья преследовали его одно за другим, пока духовные муки и физические страдания не доконали его. Неудивительно, что в этих обстоятельствах дух несчастного Чаттертона был сломлен, и он не видел иного выхода, кроме самоубийства. Не следует забывать и о том, что психические болезни были наследственными в семье Чаттертонов».

Даже Роберт Саути был убежден, что виной гибели Чаттертона было безумие. Он писал Джону Бриттону 4 ноября 1810 года:

«...нелишне упомянуть о том, о чем Нельзя было говорить, когда издавались избранные произведения Чаттертона, — в его семье нет-нет да и проявлялась склонность к психическому расстройству. Сестра его однажды попала в лечебницу — вот вам и ключ к странностям его жизни и к прискорбной скоропостижности его смерти».

Не было у Саути сомнений и относительно стихов Раули. В том же письме мы читаем: «Вопрос о Раули давно уже не занимает моих мыслей. Едва я только познакомился со старой английской литературой, я убедился: стихи эти никак не могут быть подлинными».

В историю с Чаттертоном вмешался и Эдмунд Мэлоун, как он вмешался в историю с Уильямом Генри Айрлендом, который пытался подделать Шекспира. Его «Беглые наблюдения», опубликованные в 1782 году, сильно подорвали доверие к трудам Чаттертона. При этом самого Чаттертона Мэлоун про-

«ТОТ ЮНЫЙ ГЕНИЙ»

Смерть Чаттертона

возгласил величайшим гением, каких не рождала Англия со времен Шекспира. Уолпол тоже считал почти чудом, что юноша мог писать такие стихи, совладав со столькими трудностями языка и стиля. Эти стихотворения поразительно свободны от каких бы то ни было признаков незрелости, а выбор сюжета, ритмическая гармония и точность метафор просто великолепны. Многие были совершенно убеждены, что рукописи подлинные: ведь Чаттертон завоевал бы куда большее признание, будь это его

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

собственные стихи, рассуждали они; к чему было столь исключительные творения выдавать за чужие?

Чаттертон, однако, совершил целый ряд оплошностей, которые можно было бы заметить значительно раньше. Например, он написал работу под названием «Битва при Гастингсе, писана монахом Турготом, саксонцем, в десятом столетии и переведена Томасом Раули, священником церкви св. Иоанна в городе Бристоле в лето 1465». Но каким образом можно в десятом веке писать о событии, происшедшем в веке одиннадцатом?! Другие серьезные ошибки Чаттертона — в сущности, чужие ошибки, которые он нечаянно повторил. Сочиняя стихи Раули, Чаттертон пользовался англо-саксонским словарем, составленным неким Кёрзи. В словаре были ошибки, которые Чаттертон невольно позаимствовал. Например, английскому «comfort» соответствует англо-саксонское «cherisaunci»; словарь Кёрзи дает «cherisaunce», и именно это слово встречается в одном из стихотворений Раули.

Как и Айрленд, пошедший по его стопам, Чаттертон не делал серьезных попыток извлечь выгоду из своих подделок. Все ранние произведения достались его бристольским друзьям — Барретту, Кэткотту и Бергему. А то, что Чаттертон посылал под псевдонимом в журналы, было написано в сатирической манере того времени. Из стихов Раули он ничего не предлагал для печати, кроме «Элиноур и Джуги» и «Баллады о милосердии», которые так или иначе были отвергнуты. Попытки обмануть Додсли и Уолпола оказались безуспешными: трудно сказать, продолжился бы обман далее или нет, если бы они не отвергли эти стихотворения.

Известно, что ларец с документами, находившийся в церкви св. Марии Рэдклифской, был взломан в 1735 году, — ключ от него был утерян, — и что при этом присутствовал отец Чаттертона. Известно и то, что Чаттертон проводил в церкви долгие часы над найденными документами и рукописями, и ни у кого

«ТОТ ЮНЫЙ ГЕНИЙ»

не было оснований подозревать его в чем-либо дурном. Некоторые утверждали, будто видели, как Томас, когда ему не мешали, переписывал целые кипы рукописей в конторе мистера Ламберта. Что это были за рукописи, неизвестно.

Написанное Чаттертоном необычайно разнообразно по содержанию и подходу. Вскоре после переезда из Бристоля в Лондон Томасу стало ясно, что для него истинное облегчение — избавиться от Бристоля и бристольтцев и покончить со старой жизнью. Первым из-под его пера вышло «Зрелище, сатира характеров», которое он подписал своим именем. Через три дня после завершения работы Чаттертон писал:

«Лондон! Боже милостивый! Сколь величав он в сравнении с Бристолем, этим презренным местечком! Здесь нет ни мелких подлостей, ни расчетливой осмотрительности, что так позорят эту жалкую деревушку!»

Томас послал «Зрелище» Томасу Кэри, не щадя чувств того, кто некогда был его другом. Чаттертон полагал, что теперь он недосыгаем для бристольтцев и принялся насмеяться над ними — остроумно и зло.

В своей жизни Чаттертон совершил немало ошибок, но самая серьезная из них — решение написать «Зрелище». Не отзовись он так едко о своей жизни в Бристоле, не передай свою горечь бумаге, возможно, Барретт более чем охотно помог бы своему другу в минуту нужды. Но Барретт отказал ему в помощи, и это, конечно, больно ранило Чаттертона. Пренебрежение лондонских издателей, отречение ближайшего друга и наперсника окончательно сломили юношу. Эти невзгоды толкнули его в глубины отчаянья и побудили совершить то, что лишило мир одного из самых многообещающих и талантливых английских поэтов. Мэлоун справедливо ставит Чаттертона на второе место после Шекспира, и, судя по немногим дошедшим до нас стихам, оценка эта вполне обоснованна. У Чаттертона не было отца, которому он мог

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

бы довериться, таланту его не уделялось должного внимания. А его дядюшка, помощник священника, возможно, не обладал достаточным умом, чтобы понять стремления своего юного племянника. Подделками рукописей XV века Чаттертон хотел привлечь к себе всеобщее внимание, и это ему, без сомнения, удалось, — судьбе его нельзя не сочувствовать. Так умер Томас Чаттертон,

«...тот юный гений,
Мятежный дух, угасший в цвете лет»
(Вордсворт, 1802).

Послесловие к русскому изданию

Трудно удержаться от соблазна дополнить главу, посвященную Уайтхедом Чаттертону, беглым взглядом на другие поэтические отклики, вызванные смертью талантливого юноши.

Из английских поэтов Вордсворт не единственный, кто оставил восторженный отзыв о Чаттертоне. Чаттертон — идеальный герой романтической литературы: гениальные способности, нужда, страдания, ранняя смерть, театральность поведения, наконец, сама маска, которую он по доброй воле надел на свое лицо, тайна, окружавшая его. Он так и просится на страницы романтической драмы, поэмы, сонета. Уже упоминалось, что многие романтики были заморожены этой яркой, трагической и загадочной личностью. Блейк написал балладу «Король Гвин», сюжет которой — что любопытно — он позаимствовал у самого Чаттертона, Альфред де Виньи — знаменитую драму «Чаттертон». Вот взволнованный панегирик Колриджа, даже несколько неожиданный для глашатая простоты и естественности в поэзии:

О Чаттертон! Над бедным прахом плачет
Тот, для кого твой гений столько значит.
Прощай, страдалец! Траурный венок
Кладу на холм заброшенной могилы.
Но хватит посвященных смерти строк.
Не то для жизни неостанет силы...

«ТОТ ЮНЫЙ ГЕНИЙ»

О Чаттертон! О если б ты был жив!
 Я знаю — дав отпор печали тяжелой,
 Ты вместе с нами бы меж мирных нив
 На воле правил звонкою упряжкой.
 И мы к тебе б сходились ввечеру,
 Чтоб слушать величавую игру...

Пер. А. Ларина

Видимо, сама фигура Чаттертона настраивала поэта на высокий лад. Кстати, и стихотворение, откуда взяты приведенные строки, Колридж назвал в стиле эпохи Просвещения — «Монодия на смерть Чаттертона».

Со стихами Колриджа перекликается сонет Китса:

К ЧАТТЕРТОНУ

О Чаттертон! О горестный удел!
 Дитя скорбей, окончен с жизнью спор.
 Как рано смерть заволокла тот взор,
 Где нежно гений дерзостный горел!
 Как рано голос, что, ликуя, пел,
 Иссяк в строках предсмертных. О, как скор
 Был твой закат. Стеснился дня простор,
 Цветок померк, едва лишь заалел.
 Но в прошлом все: средь звезд витаешь ты
 Со сладостными гимнами в устах
 Вращающимся сферам; с высоты
 Ничтожен черствый мир и жалок страх.
 И нам осталось лишь от клеветы
 Тебя хранить и помянуть в слезах.

В 1819 году, за два года до смерти, Китс заметил: «Чаттертон — самый совершенный поэт, писавший по-английски...»

... вряд ли хоть раз пьеса Шекспира привлекла столько зрителей, сколько
ригилось на премьеру его „новой“ пьесы „Вортигерн и Ровена“, якобы
найденной неким молодым человеком по имени Уильям Генри Айрленд.

ШЕКСПИРОВСКАЯ
НОВИНКА —
«ВОРТИГЕРН
И РОВЕНА»

Шекспировские пьесы собирают множество зрителей по разным причинам: одни наслаждаются пьесами, даже не всегда их понимая, другие ходят на них, поскольку это считается хорошим тоном или же потому, что само имя Шекспира обладает магической силой и неодолимо тянет людей в театр.

Однако вряд ли хоть раз пьеса Шекспира привлекала столько зрителей, сколько ринулось на премьеру его «новой» пьесы «Вортигерн и Ровена», якобы найденной неким молодым человеком по имени Уильям Генри Айрленд. Предложений поставить пьесу было немало, но выбор пал на Шеридана, который согласился заплатить Сэмюэлу Айрленду, отцу Уильяма, триста фунтов наличными и пятьдесят процентов прибыли от первых шестидесяти представлений.

Толпы людей устремились в театр на премьеру; многие из них весьма скептически относились к «находке», тем не менее они хотели воочию убедиться, во что выльется этот, по их мнению, смехотворный фарс. Большая часть публики, однако, жаждала своими глазами увидеть первое представление некогда утерянной пьесы бессмертного Барда. Афиша прямо-таки блистала именами звезд: королевская любовница, миссис Джордан, великий Джон Филип Кембл в заглавной роли, миссис Пауэлл и мисс Миллер.

Представление завершилось исторически. Хотя в Друри-Лейн, бывало, шли пьесы и похуже, почти сразу же стало ясно, что у этой очень мало общего с известными всем пьесами Шекспира. Несомненно было и то, что Кембл (в театре он был одновременно управляющим), не считая пьесу подлинной, и у публики не оставил на этот счет ни малейших сомнений. Развязка наступила в 5-м акте, когда

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Кембл произнес:

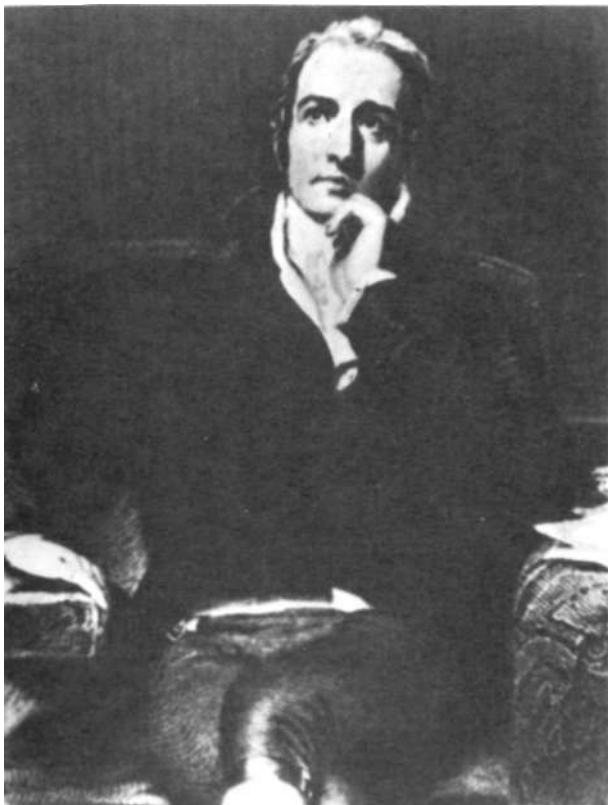
Владыка Смерть!

Вселенная дана тебе в удел,
 В покойницких царишь, и на кладбищах,
 В больницах — праздничных твоих чертогах;
 Повеселись же нынче во дворце,
 Где гибель короля подстерегает.
 Развернешь ты зияющую пасть,
 Костяшками ударишь о костяшки,
 С ужимкой дикой, грубо хохоча.
 Да пресечется дерзкая забава!
 Рукою холодной — ног его коснешься,
 Вверх устремись, к сердцу поползешь,
 И долгой ночи плащ его укроет.

Слова «дерзкая забава» * Кембл произнес столь выразительно, что какие бы то ни было сомнения развеялись без следа, и по театру прокатился взрыв хохота. Когда, наконец, зал снова затих, Кембл повторил ту же строку еще более многозначительно, и судьба «Вортигерна и Ровены» была решена. Все последующие сцены были встречены издевками, пьесу просто-напросто высмеяли. Первое представление оказалось и последним, «Вортигерна» ни разу больше не ставили. Шеридан был крайне раздосадован выходкой Кембла, и тому вскоре пришлось распрощаться с театром Друри-Лейн.

Представление «Вортигерна и Ровены» привлекло внимание публики к фантастической карьере Уильяма Генри Айрленда как мистификатора. Айрленд родился в 1777 году. Его отец, Сэмюэл Айрленд, самоучка, который добился всего собственными силами, был знатоком литературы и искусства; и в той, и в другой области у него был широкий круг друзей и знакомых. Он и сам был человеком талантливым и получил медаль общества изящных искусств за

* В предсмертном монологе Вортигерна, героя, списанного с Макбета, эти слова кровавого короля-узурпатора, обращенные к Смерти, означают дерзкую попытку, трагически обернувшуюся забавой, издевкой «пляски Смерти». В устах же актера те же многозначные слова «solemn mockery» относились к самой пьесе и представляли ее публике как «напыщенное посмешище».

Актер Джон Кембл. Портрет работы Томаса Лоуренса

успехи в рисунке и графике. Сэмюэл Айрленд издал также несколько альбомов английских пейзажей. Но самой большой его любовью был Уильям Шекспир; впоследствии не раз обсуждалось, ослепило ли его

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

восхищение величайшим Поэтом до такой степени, что его ввели в заблуждение подделки сына, — или же сам он был причастен к обману.

Образование Уильяма Генри Айрленда оставляло желать много лучшего: в тех нескольких школах, куда посылал его отец, успехи его были весьма неопределенными, школа Шьюэри в Илинге отослала его с позором домой в конце первого же семестра, так как выяснилось, что он очень сильно отстал. В двух последующих школах Айрленд все-таки сумел запастись кое-какими знаниями. Потом отец на четыре года послал его во Францию; Уильям побывал в Париже, Амьене, Нормандии и хорошо выучил французский язык. Затем отец забрал его и вместе с ним вернулся в свой лондонский дом на Норфолк-стрит, в Стренде, где он жил с экономкой и дочерью Джейн и торговал книгами, картинами и антиквариатом.

По возвращении в Англию Сэмюэл определил его в контору в Нью-Инн учеником к стряпчему мистеру Бингли. Часто вечерами семья Айрлендов собиралась и слушала, как Сэмюэл вслух читает Шекспира, вновь и вновь восхищаясь творениями Поэта. Удивительно, но Уильям Генри не только не возненавидел Шекспира, как того следовало ожидать, но сам сделался его страстным поклонником и, как и отец, стал собирать все связанное с Шекспиром. К несчастью, в один из вечеров в доме Айрлендов зашел разговор о жизни и злоключениях Томаса Чаттертона, автора подделок под Раули. Молодой Айрленд живо заинтересовался судьбой Чаттертона и вскоре проникся восхищением перед ним; Уильям решил последовать примеру Чаттертона, но только более хитро и искусно.

Случай утвердил юношу в его планах. Во время путешествия с отцом в Стратфорд-на-Эйвоне, на родину Шекспира, они познакомились с местным поэтом Джоном Джорданом, и тот сумел легко уговорить Сэмюэла Айрленда купить шекспировские

Доротея Джордан, игравшая в «Вортигерне и Ровене». Здесь — в роли Ипполиты

сувениры, в которых юный Айрленд сразу же распознал подделки. Среди прочего Сэмюэл приобрел кошелек, якобы подаренный Шекспиром Анне Хэтеуэй, и дубовое кресло, в котором будто бы сидел поэт, когда приходил к ней в гости.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Вернувшись в Лондон и в контору мистера Бингли, Айрленд приступил к задуманному плану. Начал он с того, что снял копии с единственных известных подписей Шекспира (на его завещании и закладной 1612 года), доступных по факсимильным публикациям Джорджа Стивенса. Потом он обратился к своему приятелю, работавшему в типографии, и тот научил его делать нужные чернила. Понадобилось найти и подходящий пергамен, но это оказалось не слишком трудно для того, кто работал в конторе адвоката: Уильям просто изымал чистые листы из многочисленных документов, хранившихся у мистера Бингли; первый лист, например, он изъял из одного списка доходов от сдачи владений в аренду. Прежде чем приступить к намеченным подделкам, Айрленд раздобыл томик-трактат в кожаном переплете, с прекрасными рисунками и тисненым золотым гербом Елизаветы на обложке. Потом написал письмо-завещание автора королеве и вклеил в книгу, превратив ее в подарочный экземпляр. С ценной «находкой» Уильям поспешил домой, ему хотелось узнать, что скажет о ней отец. Реакция Сэмюэла Айрленда была чрезвычайно благоприятной и обнадеживающей, и тогда юный Айрленд счел, что пора приступить к подделкам Шекспира.

Собрав все необходимое, Уильям Генри принялся за работу и, пользуясь языком, привычным ученику стряпчего, составил договор об аренде дома между Шекспиром и Джоном Хемингом, с одной стороны, и Майклом Фрейзером и его супругой—с другой. Приложив старинную печать к этому новоиспеченному документу, он принялся любоваться делом рук своих. Дома свой шедевр Уильям вручил отцу и спросил, что тот думает о содержании и ценности документа. Сэмюэл, разумеется, несказанно обрадовался и готов был поклясться, что документ подлинный. Чтобы окончательно в этом убедиться, он послал за сэром Фредериком Иденом, известным филантропом, и спросил, что он думает о документе, и тот подтвердил мнение Сэмюэла Айрленда.

Юный беззаботный Сэмюэл Айрленд до начала головокружительной карьеры его сына

Вскоре молва о находке облетела Лондон, и все литераторы ринулись на Норфолк-стрит. Поздравления посыпались на обоих счастливицов, немало выражалось надежд, что впереди новые и новые открытия. Молодой Уильям ликовал: ему удалось ввести в заблуждение самых искушенных знатоков, — и вот он решает, не мешкая, приступить к следующим стадиям своей шекспирианы.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

На сей раз Айрленд замахнулся на большее — он рискнул написать протестантский трактат «Исповедание веры». Позднее он утверждал, что лишь взял перо в руку и позволил своим мыслям ею водить, — впрочем, перед этим старательно выбрав бумагу и чернила. Документ тщательно изучили специалисты и признали его подлинным; более того, они с похвалой отозвались о литературных достоинствах работы, что само по себе удивительно, поскольку ее литературная ценность явно невелика. На орфографию трактата, видимо, тоже не обратили пристального внимания, какого требуют любые находки такого рода. Айрленд просто-напросто удваивал некоторые согласные и прибавлял окончание «е», например: «wee», «didde», «Prettye», «fromme», «usse», «butte».

Мало толку приниматься за подделки, не подготовившись как следует к возможным последствиям, и Уильям Генри Айрленд основательно к ним подготовился. Он знал, что рано или поздно его попросят объяснить, где и как он обнаружил подобные редкости. Он был очень дружен с одним молодым человеком, неким Монтегю Толбетом, которого тоже отдали в адвокатскую контору, но он бросил ученичество и стал актером. Толбет не был так легковерен, как Сэмюэл Айрленд, и высказал предположение, что Уильям Генри сам фабрикует свои находки. Айрленд упорно отрицал это, однако вскоре Толбет застал его за изготовлением очередной рукописи. Впоследствии, однако, Толбет согласился присоединиться к Айрленду и обеспечить ему «тыл» — его задачей теперь стало подтверждать рассказы Айрленда о том, как он нашел документы.

После появления «Исповедания веры» Айрленд похвалил себя за своевременную подготовку, так как в конце концов неизбежно возник вопрос о происхождении рукописи. 10 ноября 1795 года Уильям опубликовал следующее объяснение:

ШЕКСПИРОВСКАЯ НОВИНКА — «ВОРТИГЕРН И РОВЕНА»

«Я находился в конторе, когда ко мне зашел Толбет и показал деловую бумагу, подписанную Шекспиром. Я был весьма изумлен и заметил, что отец мой очень обрадуется, если сможет взглянуть на сей документ. Толбет сказал, что даст мне такую возможность. По прошествии двух дней документ был мне вручен. Я стал допытываться, где он был найден. Через два-три дня Толбет представил меня некоему господину. Будучи со мной в комнате, он, однако, не спешил принять участие в поисках. Я обнаружил второй документ, третий и две-три небрежные записи. Мы наткнулись также на документ, подтверждающий право этого человека на земельную собственность, о коем он до того и не ведал. Последствием сей находки явилось то, что он позволил нам забрать любые документы, включая даже клочки бумаги, если те имели отношение к Шекспиру. Немногое, однако, удалось найти в его городском доме сверх того, что было упомянуто выше, остальное же отыскивалось в деревне, куда много лет назад бумаги были вывезены из Лондона.

У. Г. Айрленд».

Сэмюэл Айрленд осведомился у Монтегю Толбета, и тот подтвердил объяснение Уильяма, а затем рассказал, как он познакомил Айрленда с неким господином X., пожелавшим остаться неизвестным. Толбет добавил, что, по его мнению, мистер X., вероятно, потомок одного из друзей Шекспира.

Обильный «урожай» навел Сэмюэла Айрленда на мысль, что мистер X. — потомок Джона Хеминга, которому Шекспир завещал свою обстановку и рукописи. Этого, конечно, оба приятеля не утверждали, но и не отрицали; подделка удалась на славу, теперь они вне всяких подозрений — так, по крайней мере, они думали.

Постепенно Айрленд вошел во вкус и принялся с азартом плодить подделки одну за другой — от любовных писем Шекспира к Анне Хэтеуэй до писем к

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

его друзьям-актерам. Первый промах Айрленд допустил, сочинив долговую расписку Шекспира Джону Хемингу и расписку о получении долга, якобы написанную Хемингом. Друг Сэмюэла Айрленда, адвокат Олбени Уоллис, заявил, что подпись Хеминга на расписке поддельна, она не имеет ни малейшего сходства с подлинной. Айрленд сослался на мистера Х., который якобы рассказывал, что Хемингов было двое: один в «Глобусе», а другой в театре «Занавес». Затем Айрленд старательно изготовил новую подделку, теперь уже с «настоящей» подписью Хеминга, подменил ею ту, что была у отца, а старую уничтожил. Эта подмена прошла незамеченной, однако она могла, а то и должна была привести вскоре к провалу.

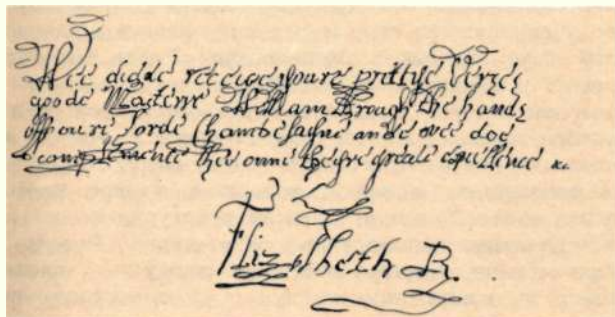
Очередной невероятной выходкой было письмо якобы от Елизаветы I Шекспиру, отличающееся тем же фантастическим написанием; письмо гласило:

«Получили мы любезные твои вирши добрый Мастер Уильям чрес нашего Лорда-камергера и шлем тебе похвалы оных изрядных достоинств ради. А отбудем мы ис Лондону в Хемпстаун на дни праздничные в каковой град и тебя ожидаем с гораздыми твоими актеры дабы мочно было тебе пред нами сыграть и потешити нас промедления не имей и поспешай к нам не дале нежли в сей вторник да и Лорд Лестер тож будет с нами. Елизавета».

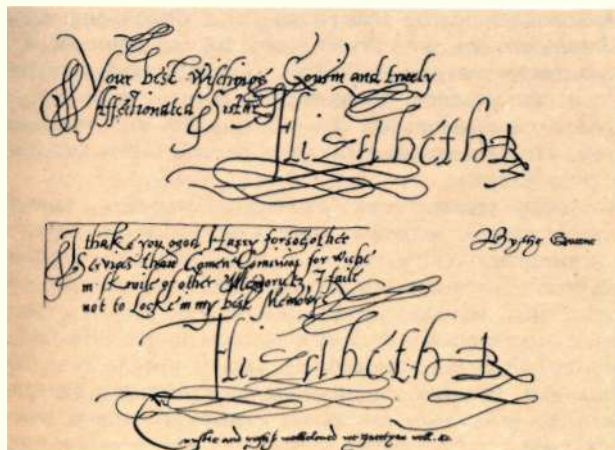
Пер. Д. Сильвестрова.

Трудно поверить, но письмо это сочли подлинным, и успех придал молодому Айрленду еще больше уверенности в своих способностях. Вслед за этим письмом он подделал несколько театральных договоров, а также расписку Шекспира на пятьдесят фунтов графу Лестеру.

Гордыня вконец обуяла Айрленда, и он принялся за пьесы. Он подделал рукопись «Короля Лира» и внес туда ряд изменений, полагая, что улучшил подлинные строки. Затем подобным же образом

Фрагмент письма королевы Елизаветы Шекспиру.
Подделка У. Г. Айрленда

Фрагменты подлинных писем королевы Елизаветы,
опубликованные Э. Мэлоуном

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ
изготовил несколько страниц «Гамлета», однако скоро убедился, что ему не под силу написать заново эту пьесу, сохранив стиль автора. Тогда Айрленд решил остановить свой выбор на сюжете, подсказанном висевшей в доме отца картиной; на ней были изображены валлийский король-воитель Вортигерн и королева Ровена. Положив в основу пьесы те самые холлиншедские хроники, которыми в свое время пользовался Шекспир, Айрленд приступил к делу и вскоре сочинил злополучных «Вортигерна и Ровену». При этом он совершил еще одну ошибку: не дописав пьесу до конца, он намекнул о ее существовании отцу, и тот стал настаивать, чтобы сын показал ему находку. Уильяму пришлось дописывать пьесу в спешке, что, возможно, и объясняет ее слабые места, которые очень скоро выявились. Пьесу Айрленд сочинил всего за два месяца; посиди он над ней подольше, он наверняка бы добился большего совершенства, и зрители, возможно, приняли бы спектакль театра Друри-Лейн. Утолить любопытство отца ему удалось, давая читать пьесу отрывками, а то, что она написана его рукою, Уильям объяснил тем, что был якобы вынужден переписывать найденную рукопись.

Между тем молодой Айрленд столкнулся с новым препятствием, которое он обошел, с его точки зрения, искусно и хитро, а на самом деле весьма неумело, хотя, как ни странно, почти не вызвал при этом никаких подозрений. Дело в том, что Айрленда предупредили: могут найтись наследники Шекспира и, естественно, заявить о своих правах на эти находки. В ответ на такие доводы Айрленд состряпал документ, по которому Уильям Шекспир завещал все свои рукописи и письма некоему «Мистеру Уильяму Генри Айрленду», который-де спас тонувшего поэта. И эту смехотворную историю проглотили—хотя прекрасно знали, что все рукописи Шекспир завещал Джону Хемингу!

Когда к рукописи «Вортигерна и Ровены» был

ШЕКСПИРОВСКАЯ НОВИНКА — «ВОРТИГЕРН И РОВЕНА»

открыт доступ на Норфолк-стрит, Уильям постарался создать впечатление, будто образование его и способности весьма скромны и он никогда не смог бы написать подобных произведений. Сэмюэл Айрленд пригласил всех и вся, дабы взглянуть на замечательные находки сына, правда, он прежде предусмотрительно попросил нескольких ученых мужей, в том числе доктора Парра, поэта-лауреата Пая и Босуэлла, негласно изучить находки и подписать документ, подтверждавший их подлинность. При виде их Босуэлл, например, чуть не лишился чувств и даже преклонил колени и почтительно их поцеловал.

Директора театров, взбудораженные появлением «Вортигерна», принялись охотиться за пьесой, сражаясь за честь и удовольствие поставить ее на сцене. Уже упоминалось, что удача сопутствовала Шеридану, хотя он и не преминул отметить недоработанность отдельных мест пьесы. Шеридан придерживался мнения, что это, по всей вероятности, одна из самых ранних пьес Шекспира, написанная, когда поэт был еще очень молод, — но в подлинности пьесы Шеридан, видимо, ничуть не сомневался.

Айрленд продолжал писать: вслед за «Вортигерном» появился «Генрих II» и часть пьесы «Вильгельм Завоеватель». Более того, Уильям задумал целую серию пьес, охватывающих историю Англии с норманского завоевания вплоть до правления Елизаветы I. Жаль, что Айрленд прежде написал «Вортигерна и Ровену», а не «Генриха II», произведение гораздо более зрелое, которое, возможно, и публика приняла бы куда более благосклонно.

Сэмюэл Айрленд пожелал сам взяться за публикацию рукописей, но сын всеми силами противился этому, он делал все возможное, чтобы отговорить отца, намекнув даже, что рукописи, возможно, и не подлинные. Но доводы его не возымели действия — Сэмюэл Айрленд был убежден в подлинности рукописей, и никакие уговоры Уильяма не могли поко-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

лебать уверенность отца. Молодому Айрленду стало совершенно ясно — сознайся он даже в своем грехе, отец ему не поверит. И Уильям отступился, правда, предупредив отца, что тот издает рукописи на свой страх и риск.

Публикация появилась позднее, в 1795 году, и была озаглавлена «Некоторые рукописи и деловые бумаги за подписью и печатью Уильяма Шекспира...» Это был томик *in folio* стоимостью 4 гиней, включавший факсимиле почти всех подделок Айрленда. «Вортигерн» и «Генрих II» не вошли в сборник, зато в него были включены «Король Лир» и отрывок из «Гамлета». Спустя четыре месяца состоялось представление «Вортигерна и Ровены» в театре Друри-Лейн, последствия его были утаены, и вся эта печальная история стала достоянием публики в основном благодаря разоблачениям Эдмунда Мэлоуна.

Он, один из немногих, нисколько не сомневался, что рукописи поддельны; свои выводы Мэлоун опубликовал в книге «Изыскания о подлинности некоторых рукописей». Хотя книга вышла в свет через несколько дней после представления «Вортигерна», сообщения в газетах появились за некоторое время до этого. Мэлоун заявлял, что книгу следовало бы опубликовать до готовившегося спектакля, дабы раскрыть публике глаза на обман, замышляемый Айрлендами. Выход книги, как это часто бывает, затягивался, и Мэлоун спешно выпустил памфлет со всеми подробностями обвинения, добиваясь, чтобы постановка пьесы была отложена, а то и вовсе отменена. Мэлоун утверждал, что в книге будет убедительно доказано: пьеса — мистификация от начала до конца. Сэмюэл Айрленд незамедлительно ответил памфлетом, в котором опровергал обвинения Мэлоуна; свой памфлет он раздавал зрителям, направлявшимся в Друри-Лейн. Памфлет гласил:

Эдмунд Мэлоун.

Портрет работы Джошуа Рейнолдса

«Вортигерн»

«Злонамеренный, бессильный выпад против недавно изданных рукописей Шекспира, что появился в канун представления пьесы о Вортигерне, по видимости, имеет целью ущемить интересы владельца оных; мистер Айрленд не в силах представить в столь

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

короткий срок, остающийся до спектакля, должный ответ на крайне недалекие и необоснованные «Изыскания» мистера Мэлоуна, по каковой причине ему остается единственно уповать на то, что пьеса о Вортигерне будет встречена с доброжелательностью, свойственной британскому зрителю.

Пьеса ныне печатается и через несколько дней будет представлена на суд публики».

Меры, принятые Сэмюэлом Айрлендом, ничего не могли изменить, так как возражения Мэлоуна уже разошлись и газеты откликнулись на них одобрительно. Представление пьесы стало последним актом крушения мечты Сэмюэла Айрленда о славе.

У всех на устах был один вопрос: «Кто же написал «Вортигерна» да и все прочие вещи?» По мнению Мэлоуна, ответ был очевиден: Сэмюэл и Уильям Айрленды, вернее, Сэмюэл, ведь он долгие годы неотступно и с любовью изучал работу и жизнь Шекспира, и у него достало бы знаний для такого рода подделки — тогда как у Уильяма Генри Айрленда, обыкновенного девятнадцатилетнего юнца, не хватило бы ни знаний, ни опыта, ни даже ума и способностей решиться на такое мошенничество.

У Айрлендов было немало друзей, уверенных в их невинности, и они делали все, чтобы выказать свое отношение ко всей этой истории, — в то время как у Мэлоуна было множество врагов, и те, независимо от того, верили они Айрлендам или нет, встали на их сторону. Многие известные люди все еще не сомневались в подлинности находок; целый ряд книг и памфлетов вышел в защиту и самих рукописей, и их обладателей. Однако именно эти друзья и способствовали окончательному провалу Уильяма Айрленда. Они создали комиссию по изучению происхождения рукописей и беспрестанно донимали Уильяма расспросами о мистере Х. и его местонахождении. Уильям изворачивался как мог, при этом без конца повторял, что отец к найденным рукописям не имеет

ШЕКСПИРОВСКАЯ НОВИНКА — «ВОРТИГЕРН И РОВЕНА»

никакого отношения. Члены комиссии пытались даже выследить Уильяма в надежде, что он приведет их к таинственному мистеру Х., но ни разу, ни на минуту не заподозрили правды.

Сэмюэл Айрленд также требовал от сына объяснений и сведений о том, где прячется его приятель мистер Х. Но все эти попытки оказывались бесплодными, и Сэмюэл был крайне рассержен упрямством сына, из-за которого он по-прежнему находился под подозрением.

Ненадолго он уехал из Лондона погостить у друзей в Беркшире и перед отъездом настоятельно просил сына прислать ему в Беркшир письмо и в нем, наконец, сообщить все, что его так интересуется. Но Сэмюэл тщетно ждал новостей и в конце концов послал сыну резкую записку, получив которую Уильяму осталось либо честно во всем признаться, либо исчезнуть с глаз долой. 5 июня 1796 года он покинул отцовский дом на Норфолк-стрит. Своей тетке, миссис Фримен, Уильям сказал, что сам подделал все рукописи, но та ему не поверила и откровенно посмеялась над ним. Позже в одном из писем она заявила, что лишь тщеславие могло породить у него подобные романтические бредни, будто он истинный автор этих великих творений.

Сэмюэл был вне себя от гнева, когда по возвращении в Лондон узнал, что сын его скрылся. В скором времени он получил от Уильяма письмо, в котором тот утверждал, что сам подделал все рукописи, и умолял простить его. Уильям отыскал своего друга-адвоката Олбени Уоллиса и убедил его составить письменные показания от его имени, где утверждалось, что, собственноручно изготовив все эти рукописи, он показал их отцу, который не имел ни малейшего представления о том, откуда они взялись, и о том, что настоящий их автор — его сын. Сэмюэл отказывался этому верить: он, как и прочие, был убежден, что сын его не способен на подобные деяния; переписать — возможно, но сочинить —

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

никогда! Он все еще был уверен, что документы подлинные и остался неколебим даже когда Олбени Уоллис показал ему образец подделки, оставленный у него Уильямом. Сэмюэл настаивал на встрече с сыном, но свидание не состоялось, — правда, Уильям и не стремился увидеться с отцом, он теперь прожигал жизнь, тратя те небольшие средства, которыми располагал. Вскоре судьба уготовила Сэмюэлу новый жестокий удар: он узнал, что сын женился на некоей Элис Крадж, которая, как ему сообщили, внешнеюстью походила на «женщину с панели». Сэмюэл все еще настаивал на встрече с сыном, но Уильям покинул Лондон и путешествовал где-то в сельской местности. Во время этого путешествия он посетил церковь св. Марии Рэдклиффской в Бристоле, где не так давно увидели свет поразительные подделки Чаттертона.

В ноябре Уильям Айрленд заехал к Олбени Уоллису и сообщил ему, что готовит «Достоверный отчет», где расскажет о своем обмане и попытается восстановить доброе имя отца. Но, увы, это ранило Сэмюэла куда больше, чем все, что говорил или писал Уильям ранее. Сэмюэл утверждал, что «Достоверный отчет» Уильям написал в сильном возбуждении, и этого нельзя не заметить, читая его сочинение. Оно создавало впечатление, что написавший его никак не мог быть автором означенных рукописей. Сэмюэл Айрленд не скрывал своего гнева и обвинил Уоллиса в том, что он дурно влияет на его сына. Уоллис вынудил Уильяма написать отцу и объяснить, что «Отчет» был написан вопреки его совету.

Тем временем Сэмюэл Айрленд выдвинул свою версию происшедшего: «Мистер Айрленд в свою защиту», где он, яростно защищая себя от нападков Мэлоуна, цитировал письма своего сына и Толбета и перечислял ряд других документов, которые, по его утверждению, вне всяких сомнений доказывали его невиновность. Но его не желали и слушать, его оправдания никого не интересовали; более того,

ШЕКСПИРОВСКАЯ НОВИНКА — «ВОРТИГЕРН И РОВЕНА»

Джордж Стивенс заявил даже, что Уильям Айрленд написал свой «Достоверный ответ» с тем, чтобы взять на себя вину за мошенничество отца.

Сэмюэла Айрленда как следует допросили и признали виновным. Газеты без конца донимали его язвительными нападками, по Лондону ходили едкие карикатуры. Ожесточенный несправедливостью, отец окончательно порвал с сыном и вплоть до смерти (он умер в 1800 году) более с ним не виделся. И теперь еще трудно понять, отчего Сэмюэл Айрленд был так убежден, что рукописи подлинны и что его сын не способен создать что-либо подобное.

Из-за скандальной известности Уильяму Айрленду оказалось довольно трудно найти себе подходящее дело. Он попытался стать актером, однако его плутовство с «Вортигерном» еще не выветрилось из памяти директоров и руководителей трупп, и теперь он не нужен был никому из них ни в каком качестве. Они остались совершенно равнодушны даже к пьесе «Генрих II», которая при иных обстоятельствах заслужила бы совсем иную оценку. Эта неудача вконец разрушила планы задуманной им серии пьес, охватывающих период от Вильгельма I до Елизаветы I. Уильяму удалось наскрести небольшую сумму, и он открыл в Кенсингтоне библиотеку с выдачей книг на дом, а жалкие доходы пополнял, продавая копии своих подделок любопытствующей публике, настолько легковойной, что она их покупала. Жизнь книготорговца, библиотекаря и переписчика рукописей продолжалась до 1802 года, когда Уильяма Айрленда, благодаря приобретенным связям, назначили главным распорядителем театральных представлений на празднестве, устроенном во Фрегморе принцессой Елизаветой, впоследствии супругой ландграфа Гессен-Хомбургского. Четыре дня Уильям трудился над подготовкой празднества, сам написал для представления две сценки, и все это безвозмездно. Успех помог ему снова завоевать некоторое положение в литературном мире. В 1805 году Айрленд начал

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

работать над «Признаниями», трудом куда более объемным, чем «Достоверный отчет». Но, внимательно читая его, вскоре замечаешь различия к некоторым деталям того и другого сочинения, и это снова заставляет усомниться в литературных способностях автора. В «Признаниях» Уильям по-прежнему утверждал, что его единственным неизменным сообщником был Монтегю Толбет, вновь и вновь подчеркивал, что отец не имел ни малейшего отношения к подделкам и никогда не знал всей правды. Именно в этой работе Уильям Генри Айрленд высказал мнение о постановке «Вортигерна и Ровены». В провале пьесы он винил, во-первых, Филлимора, актера, игравшего роль Горсуса, «этого покойного шута, мистера Филлимора, оставившего нас всех со своим длинным носом». В спектакле Филлимор играл саксонского военачальника, умирающего в 4-м акте, и он сделал это до того неуклюже, что опущенный занавес, упав на его неподвижное тело, выставил на обозрение весьма изумленной публики его вытянутые ноги; когда же Филлимор в конце концов выпутался из занавеса, встал и удалился со сцены — несмотря на то, что был мертв, — публика прямо-таки ликовала. Во-вторых, Айрленд обвинял Кембла и за его очевидное безразличие и плохо скрываемое презрение к пьесе, и, наконец, за то, как он произнес уже упомянутую злополучную строчку и тем попросту сорвал спектакль.

Книга завершилась «доводами защиты». Айрленд перечислял семь обстоятельств, свидетельствующих в его пользу:

1. Своим обманом он не намеревался причинить кому-либо вред.
2. Он и действительно не причинил вреда никому.
3. У него не было никаких корыстных интересов.
4. Он действительно не извлек из этого никакой выгоды.
5. Те, кто вознамерились подвергнуть освидетельствованию означенные бумаги, должны винить толь-

ШЕКСПИРОВСКАЯ НОВИНКА — «ВОРТИГЕРН И РОВЕНА»

ко себя за все последствия, связанные с поддельным договором об аренде дома между Шекспиром и Фрейзером.

6. Поскольку ему едва исполнилось семнадцать с половиною лет, когда он принялся за подделки, его молодость должна в какой-то мере смягчить гнев обвинителей.

7. Его обвинителей возмущает то, что они не устояли перед каким-то подростком, и тем самым поставили под сомнение свой ум и знания. Будь он ученым мужем, они бы простили его как равного. Его сочли бы опасным мистификатором, но человеком необычайно умным.

Возмущенный тем, как с ним обошлись, Айрленд подробно развил каждый из пунктов, особенно подчеркивая свой юный возраст и бескорыстие. Он упомянул, что получил лишь 90 фунтов из 403, вырученных за представление «Вортигерна и Ровены», и вынужден был покинуть отцовский дом и бросить учение: провал спектакля лишил его источников дохода.

Пожалуй, Айрленд вправе был возмущаться, ведь его обман был поначалу лишь розыгрышем, на который его надоумила поездка с отцом в Стратфорд. Но Сэмюэл Айрленд, к сожалению, принял шутку всерьез и поверил в подлинность сделанной сыном находки. Обман стал разрастаться подобно снежному кому, когда рукописи выставили на всеобщее обозрение. А потом их признали подлинными и эксперты, которым следовало бы лучше во всем разобраться. Так кого же винить: юного Айрленда или этих, с позволения сказать, знатоков, которые с такой готовностью хватаются за все, якобы написанное или хотя бы как-то связанное с Шекспиром, ведь именно из-за них фарс зашел так далеко! Им хотелось погреться в лучах чужой славы, и оттого они охотно приписывали себе часть заслуг в открытии рукописей. Когда же дошло до постановки «Вортигерна» и дело коснулось денег, Айрленд уже

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

не мог предотвратить постановку пьесы, не дав на то удовлетворительных объяснений. Но и за пьесу Уильям получил вознаграждение ничтожное по сравнению с вложенным в творение трудом. Впоследствии он извлекал выгоду из своих подделок, переписывая их и продавая библиотеке Принсиз Плейс в Кенсингтоне, но опустил он до этого лишь потому, что хотел обеспечить хотя бы скромный достаток своей семье. Опубликованные в 1805 году «Признания» вновь привлекли к Айрленду взоры публики, и в судьбе его вновь произошли перемены.

После нескольких лет безвестности Айрленд решил покинуть Англию и поселиться во Франции; там провел он несколько лет, совершенствуя и без того прекрасное знание французского языка. Ему удалось добиться нескольких заказов на переводы; среди прочего Уильям перевел «Ответ Луи Наполеона сэру Вальтеру Скотту». Айрленд написал также ряд исторических сочинений и четырехтомную «Жизнь Наполеона Бонапарта». Во Франции он прожил девять лет, а затем возвратился на родину, где ему удалось получить место у лондонского издателя Трипхука. Айрленд продолжал писать — как под своим именем, так и под несколькими псевдонимами — от пьес в духе «Вортигерна» и «Генриха II» до политической сатиры. Возможно, Айрленд остался в памяти все же более всего как автор поэмы «Отвергнутый гений», которая рисует картины несчастной, безразличной всем судьбы и безвременной гибели многих британских поэтов, в том числе и его давнего кумира Томаса Чаттертона. Уильям написал также несколько романов, среди них «Аббатисса» и «Покорная чувству», впрочем, в наше время все это мало известно.

Постоянно работая у Трипхука, Айрленд пополнял доход литературным трудом, однако и через тридцать лет после появления «Вортигерна» ему не забывали прежних грехов. Так, Боуден писал работу о поддельных портретах маслом и миниатюрах Шек-

Уильям Генри Айрленд в возрасте около 50 лет

спира, и Айрленд предложил ему свою помощь. Уильям проследил историю некоторых подделок и передал свои находки Боудену. Отплатили же ему яростными нападками на страницах одной из книг, где назвали «бесстыдным и беспомощным» фальсификатором.

В 1832 году Айрленд выпустил второе издание «Вортигерна и Ровены», включив в него, помимо отцовского, написанное им самим новое предисловие.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

В нем он писал о «язвительных стрелах преследователей, безжалостно поражавших его более тридцати лет подряд». Айрленд беспощадно поносил своих врагов, особенно Кембла и Мэлоуна. По-новому он описывал постановку пьесы и едва ли не с нежностью упоминая о фанатичном благоговении отца перед творениями Шекспира. Вряд ли новое издание произвело впечатление на публику: события тридцатилетней давности для большинства людей потеряли всякий интерес, а из тех, кто присутствовал на спектакле, в 1832 году почти никого уже не осталось в живых. И Айрленд, и его труд уже не волновали читателей, и Уильям решил тихо прожить остаток дней в своем доме в Сент-Джордж-ин-зе-филдс, Сассекс-плейс, где и умер в 1835 году.

Спустя двадцать лет после его смерти вновь зазвучали обвинения против Айрлендов, но на сей раз ни отец, ни сын, пребывая в лучшем из миров, не могли на них ответить. Доктор К. М. Инглби, упоминая Айрлендов в «Дневниках Виллиса» обвинил Сэмюэла Айрленда в фальсификациях, его дочерей в литературном подражании знаменитостям, а Уильяма Генри назвал заурядным переписчиком. В 1859 году он опубликовал книгу «Подделки сочинений Шекспира», приложение к которой было посвящено Айрлендам. Автор преподнес читателям свои запоздалые соображения, явно поверхностно изучив предмет. Он обвинял Айрлендов в корыстном обмане, ссылаясь при этом на обе книги Уильяма, в которых тот признавал свою вину. Инглби заявил, что книги эти были написаны, чтобы пополнить семейную казну Айрлендов, после того как они осознали, что игра их проиграна. «Сей безупречно правдивый человек обучил все свое семейство торговле подделками», — так он характеризовал Сэмюэла и снова обвинил в соучастии дочерей, заявив, что настоящими авторами «Вортигерна» были Анна-Мария и Джейн. К сонму обвиняемых он прибавил и поэта из Стратфорда Джона Джордана. Помимо прочего, Инглби упре-

ШЕКСПИРОВСКАЯ НОВИНКА — «ВОРТИГЕРН И РОВЕНА»

кал Уильяма Айрленда в безнравственности. Один человек, якобы присутствовавший на похоронах Уильяма Айрленда, рассказывал-де ему, что на кладбище явилась молодая женщина и вышла вперед, всем своим видом как бы давая понять, что покойный многие годы был ее любовником и именно он отец ее четверых детей.

Позднее Инглби осознал, сколь постыдны и несправедливы были все эти обвинения, и в 1878 году в Королевском литературном обществе прочел доклад, в котором признался, что лишь повторил прежние рассказы. Позже он снял с Сэмюэла Айрленда все обвинения в подделке документов и рукописей Шекспира. Увы, он опоздал, грязь прочно прилипла к имени Сэмюэла Айрленда, и имя это еще многие годы связывали с именем Уильяма и его недолгой злополучной карьерой мистификатора.

Личность Псалманазара всегда была окутана тайной, и завесу ее не удалось приподнять и сегодня... Этот человек родился, жил и умер, так и оставшись совершенной загадкой.

ИСТОРИЯ ФОРМОЗЫ

Джордж Псалманасар* впервые появился в Лондоне в 1703 году; кто он и откуда, в ту пору было неизвестно, впрочем, неизвестно это и по сей день. Позднее он стал близким другом доктора Джонсона, который питал к нему глубокую привязанность. Он прожил долгую, бурную жизнь и умер в 1763 году 83 лет от роду — в возрасте весьма почтенном.

Единственно откуда можно почерпнуть сведения об этом человеке, — это из его «Мемуаров», опубликованных через два года после смерти автора, в 1765 году. Он утверждал, что «вне пределов Европы я и не родился, и не жил, и даже не путешествовал, пребывая в южных ее краях вплоть до шестнадцатого года жизни». Судя по названиям местностей, упоминаемых в «Мемуарах», детство его прошло на юге Франции. Псалманасар подробно рассказывает об учении в школе, возглавлявшейся монахами-францисканцами, куда он поступил шести лет. Благодаря исключительным способностям к языкам он был помещен в класс, где ученики были в два раза старше его. Вскоре он стал любимцем своих наставников, и они демонстрировали его посетителям как украшение школы. Позднее одного из монахов перевели в иезуитский коллеж близлежащего города, и тот взял своего чудо-ученика с собой, определив его в один из классов коллежа. Мальчик не отставал от своих соучеников и вместе со всеми перешел в следующий класс. Будучи, однако, недоволен своим наставником, Псалманасар покинул коллеж и отправился в соседний город, где должен был изучать теологию. Но он решил, что это уж слишком, и стал пропускать одну

* Герой настоящей главы, получивший имя Джон уже в зрелом возрасте, большую часть жизни прожил в Англии. В английском произношении фамилия Psalmanazar звучит как Салменезер. — *Примеч. ред.*

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

лекцию за другой, слоняясь по улицам и транжиря присылаемые матерью деньги.

Спустя некоторое время он попытался подыскать место учителя, но безуспешно. Тогда-то он и вступил на долгий путь мошенничества и подлогов: он стал выдавать себя за ирландского пилигрима, гонимого на родине и страстно желающего добрать-ся до Рима. На самом же деле он отправился домой, к матери, выпрашивая по пути подавание у священ-нослужителей и богатых путешественников, — и на эти деньги роскошно устраивался в ближайшем трактире. В конце концов он добрался до материн-ского дома, но оттуда его сразу же отправили на поиски отца, который якобы обретался где-то на Рейне. Прежними уловками Псалманасар добрался до Рейна и разыскал отца. Но увы! тот оказался настолько беден, что не мог помочь ему ничем, кроме совета. Совет же его был таков: отправиться во Фландрию, Голландию и Брабант и найти там место учителя—или самому продолжить образова-ние.

Приключения Псалманасара, судя по мемуарам, были бесчисленны, скрашивал же он невзгоды преж-ними способами. Между тем тоска охватывала его все больше и больше, и, наконец, он решает возвра-титься домой. В Кельне он встречает одного из офицеров курфюрста, и тот уговаривает его завербо-ваться в армию. Армию он вскоре вынужден оста-вить: слишком уж был он нежен для тягот солдат-ской жизни. Позже, в «Истории Формозы» он заявлял, что вынужден был уйти из армии потому, что был некрещеным японцем. Тем не менее ему удалось завербоваться вновь, на сей раз в полк герцога Мекленбургского, которому он представился японцем по имени Салманасар (так звался один из библейских персонажей из 4 Книги Царств: 17,3). Сказавшись язычником, он спорил со своими товари-щами о религии, об их верованиях, а во время службы поворачивался спиной к присутствующим и

ИСТОРИЯ ФОРМОЗЫ

лицом к солнцу и бормотал бессвязную чепуху, — по его словам, молился на своем родном языке.

В 1702 году его полк перевели в Слейс, где губернатором был шотландец, бригадир Джордж Лоудер, у которого гостил его родственник, Иннес, капеллан шотландского полка, расквартированного в том же городе. До губернатора дошел слух о японском язычнике, и Лоудер пригласил его к себе вместе с несколькими офицерами и Иннесом. Псалманасар вновь затеял спор о религии, и ему удалось взять верх над одним из гостей, священником Исааком д'Амальви. Иннес заинтересовался Псалманасаром и пригласил его пожить у себя, уверенный, что сможет обратить язычника. К тому времени Псалманасар уже устал от военной службы и сопутствующей ей стесненности в средствах и решил позволить Иннесу «обратить» себя. Дело в том, что капеллан пообещал Псалманасару вызволить его из армии и увезти в Англию.

Отвечая на расспросы о прошлом и об обстоятельствах, в силу которых он оказался в Слейсе, Псалманасар сочинил историю о том, как миссионеры увезли его с Формозы и доставили в Авиньон, где тщетно пытались обратить в католичество. Псалманасар бежал и подался в армию, дабы скрыться от их навязчивых забот и нравочений. Иннес, однако, поймал Псалманасара, попросив его перевести отрывок из речи Цицерона на формозский язык. Псалманасар выполнил требуемое; спустя некоторое время Иннес дал ему перевести тот же отрывок и обнаружил в этих двух переводах множество расхождений. Вместо того, чтобы разоблачить обманщика, Иннес присоединился к нему и поддержал все его дальнейшие мистификации. Именно Иннесу принадлежала мысль о том, что Псалманасару лучше выдавать себя за жителя Формозы, чем за японца.

После «обращения» в христианство Иннес устроил крещение Псалманасара, Джордж Лоудер был крестным отцом и даже дал новообращенному свое имя.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Псалманасар стал пользоваться его именем, опуская фамилию. Иннес тем временем написал епископу Лондона, доктору Комптону, о своем «новообращенном» язычнике. Епископ похвалил Иннеса и пригласил его в Лондон вместе с Псалманасаром, чтобы тот обучил формозскому языку нескольких лиц, которые затем отправятся на этот остров обращать в христианство тамошних жителей. Иннес стал торопить Псалманасара, чтобы тот поскорее выдумал свой новый язык, ведь правда могла вот-вот выплыть наружу.

В 1703 году Псалманасар вместе с Иннесом прибыл в Роттердам, где Джордж был введен в общество. Многие, однако, весьма скептически отнеслись к его рассказам о приключениях, и тогда Псалманасар принялся есть сырое мясо, корни и травы, утверждая, будто это обычные кушанья жителей Формозы. Затем Псалманасар и Иннес отправились в Англию; через Хэридж они прибыли в Лондон, где были приняты епископом Лондонским. Лондонцы были настроены не менее скептически, чем жители Роттердама, и Псалманасару при подробных расспросах едва удалось избежать разоблачения. Наибольшее подозрение вызвала его светлая кожа, но Псалманасар сумел объяснить это принадлежностью к избранному классу Формозы: он не более и не менее как сын короля!

Иннес сгорал от нетерпения, желая извлечь выгоду из своего обмана: он убедил Псалманасара перевести на «родной» язык катехизис и написать историю Формозы. Благодаря своим исключительным лингвистическим способностям Псалманасар овладел шестью языками, в том числе и латинским, на котором он и задумал написать «Историю Формозы». Используя книгу Варениуса «Описание Японии» и труд Кандидия «Сообщение об острове Формоза», он принялся за работу и завершил ее за два месяца, несмотря на то, что его без конца отвлекали всяческие почитатели. Книга была затем переведена на

ИСТОРИЯ ФОРМОЗЫ

английский язык неким Освальдом и незамедлительно, в 1704 году, опубликована под названием «Историческое и географическое описание Формозы, составленное Джорджем Салманасаром, уроженцем вышеозначенного острова, ныне обитающим в Лондоне». Ему немедленно бросил вызов иезуит отец Фонтеней, проведенный на Формозе 18 лет. Второго февраля они встретились на публичном заседании Королевского общества, и Псалманасар вышел победителем; ему даже удалось убедить членов общества в том, что Формоза принадлежит Японии, а не Китаю, как утверждал Фонтеней.

Книга Псалманасара — весьма убедительное и искусное художественное произведение. Рассказывая о своих путешествиях, он пишет о том, как на Формозу прибыл под видом японца иезуит отец де Род, который хотел обучать местных жителей латыни. Отец Псалманасара нанял его учителем к сыну. Иезуит учил мальчика четыре года, а затем убедил его отправиться вместе с ним в Европу. Псалманасара прoderжали пятнадцать месяцев в Авиньоне, пытаясь обратить в христианство, но ему удалось бежать до того, как в дело вмешалась инквизиция. Далее следовало весьма искаженное описание его подлинных путешествий и военной службы; завершалось повествование встречей с преподобным Иннесом и обращением в англиканство.

Его описание Формозы было донельзя нелепым. Он заявил, например, что ежегодно в жертву верховному божеству приносили 18 000 мальчиков, не достигших девятилетнего возраста. Чтобы восполнять такие потери, жители Формозы вынуждены были придерживаться полигамии, имея по нескольку жен в зависимости от своего положения и состояния. Он упорно настаивал на том, что Формоза принадлежит Японии. Для захвата острова японцы прибегли к своего рода тактике троянских коней: паланкинам с солдатами. Самым невероятным в этих выдумках было полное их несоответствие рассказам прибывав-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

ших с Формозы миссионеров. Да и Георг Кандидий, чью книгу Псалманасар положил в основу своего повествования, утверждал, что, кроме риса и фруктов, иных жертвоприношений ему видеть не приводилось. И все же люди предпочитали кроваво-жадные басни, сочиненные Псалманасаром, — вроде тех, что грабителей и убийц вешают вверх ногами и стреляют в них из лука до тех пор, пока не пронзят все тело стрелами; за другие преступления виновных сжигают заживо, отрубая руки и ноги, бросают на съедение собакам и так далее и тому подобное. Кандидий же, напротив, писал, что жители Формозы — миролюбивый, добродушный народ и преступлений там, похоже, вовсе нет.

Псалманасар населил Формозу слонами, носорогами, верблюдами, львами, тиграми, крокодилами, волками, дикими буйволами и прочими несообразными животными. Он снабдил книгу гравюрами с изображением великолепных золотых храмов и жителей Формозы в костюмах разных сословий. Язык их, по его описанию, весьма похож на японский, на самом же деле между этими языками нет ни малейшего сходства, и весьма удивительно, что никто не стал оспаривать подобное утверждение. Завершалась книга резким выпадом против миссионеров-иезуитов: Псалманасар заявлял, что христианство стало на Формозе запрещенной религией из-за методов, которыми пользовались миссионеры для обращения язычников. Поскольку многие в ту пору были настроены весьма враждебно по отношению к иезуитам, читателям эта критика пришлась по вкусу.

Епископ Лондонский и несколько его друзей отправили Псалманасара на полгода в Оксфорд для подготовки второго издания книги и оплатили его расходы. Он и там наделал немало шума; его беседы с оксфордцами были опубликованы уже после его смерти. На вопрос о том, что происходит с телами 18 000 принесенных в жертву мальчиков, последовал ответ, что их съедают священники. Псалманасар

ИСТОРИЯ ФОРМОЗЫ

заявил, что на Формозе практикуется людоедство, хотя сам он этот обычай не одобряет и полагает, что с ним должно быть покончено. Он утверждал, что ему и самому приходилось есть человеческое мясо и что он нашел его безвкусным и жестким. Пробыв полгода в Оксфорде, Псалманасар возвратился в Лондон и узнал, что Иннес получил пост Главного капеллана британских войск в Португалии — как признание его заслуг в деле обращения «формозца»! Псалманасар был взбешен и открыто обвинял Иннеса в «неодолимом пристрастии к вину и женщинам...»

В 1705 году вышло в свет второе издание «Истории...». В предисловии автор отвечал на возражения, вызванные некоторыми сведениями, приведенными в первом издании. Псалманасар объяснял ошибки и неточности давностью событий и тем, что покинул Формозу в весьма юном возрасте. Но от своих утверждений он не отрекся и даже включил в книгу свои беседы с читателями за время, прошедшее после выхода первого издания. Памятуя свои оксфордские откровения, Псалманасар добавил ряд жутких подробностей о каннибализме.

Довольно долго, примерно до 1728 года, о Псалманасаре почти ничего не было слышно. Затем он вновь объявился, но на этот раз полный раскаяния в своем обмане. В беседах с друзьями и знакомыми он впервые затронул вопрос о достоверности «Истории Формозы...» и прочих своих трудов. Он признался, что все в них — сплошной вымысел, что это он сам изобрел «формозский» язык и что все подробности об острове не более чем плод его воображения. Псалманасар решил все это предать гласности в своих мемуарах, однако они были опубликованы лишь посмертно. Но читателям не пришлось ждать разоблачений так долго: вскоре стала распространяться молва, что Псалманасар вовсе не тот, за кого себя выдает. Окончательная ясность была внесена в 1747 году, когда Псалманасара попросили написать главы о Китае и Японии для «Полной систематиче-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

ской географии» Боуэна, и он описал Формозу в точности по Кандидию.

Псалманасар безжалостно карал себя за обман. Написав «Всеобщую историю книгопечатания» для Сэмюэла Палмера, он настоял на том, чтобы почести достались одному Палмеру. Идея книги действительно принадлежала Палмеру, так же как и первоначальный набросок, однако завершить начатое он предоставил Псалманасару. К сожалению, Палмер скончался раньше, чем была дописана рукопись, и Псалманасару пришлось искать кого-нибудь, кто оплатил бы расходы по ее выпуску. Граф Пембрук проявлял интерес к книге, пока Палмер был жив, но Псалманасару помогать не желал. Прежде они были в дружеских отношениях, но затем граф от него отвернулся после его нелепого заявления, будто жители Формозы изучают греческий язык. Псалманасару тем не менее удалось помириться с Пембруком, ссылаясь на то, что он уже покаялся в своих грехах. Позднее Пембрук оплатил все расходы на книгу, на которой стояло имя Палмера.

В своих мемуарах Псалманасар и словом не обмолвился о том, что еще кто-либо, кроме Александра Иннеса, причастен к его выдумкам, — возможно, потому, что не хотел подвергать опасности репутацию честных людей, веривших ему. Он упомянул, между прочим, о своем пристрастии к наркотикам, в том числе к настойке опия, которую принимал неизменно сорок лет от десяти до двенадцати чайных ложек утром и вечером. Это стало сказываться на его здоровье, но Псалманасару, к счастью, удалось уменьшить дозу до 10—12 капель на стакан пунша.

В 1752 году Псалманасар составил завещание, которое подтвердил в 1762 году, будучи «в здравом уме, но слаб телом». Душеприказчицей он назвал своего «достойного и благочестивого друга Сару Револинг» — к ней должно было отойти его имущество, гардероб, рукописи и все причитающиеся ему деньги. «Мемуары» следовало продать с аукциона

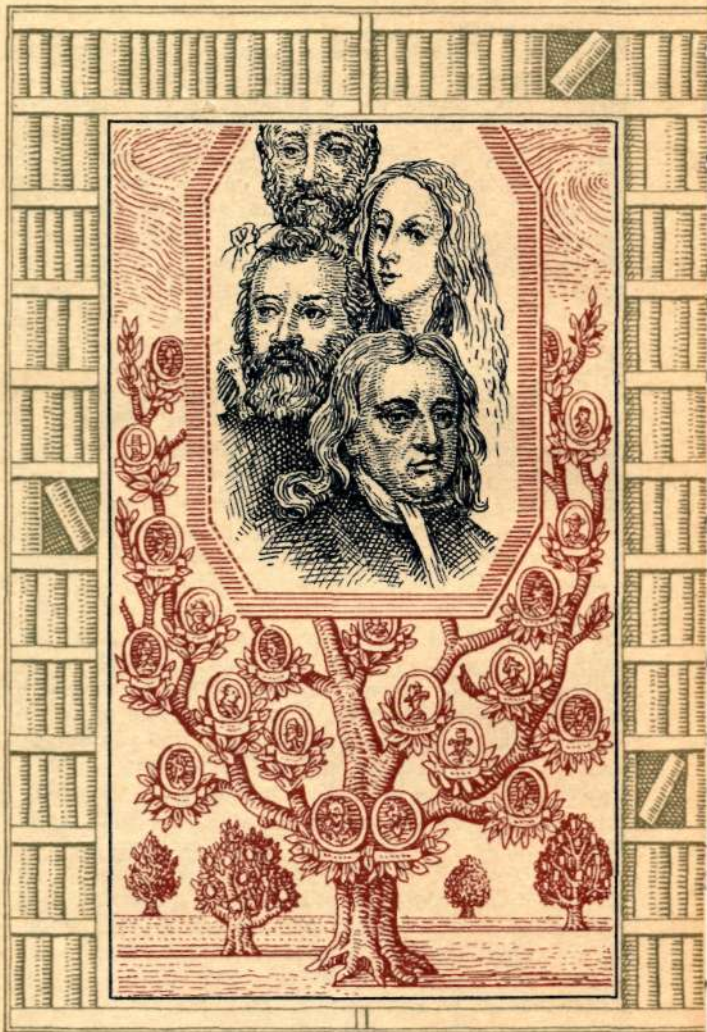
ИСТОРИЯ ФОРМОЗЫ

как можно дороже, чтобы покрыть задолженность за квартиру и оплатить расходы на похороны. Он просил похоронить его в дальнем углу общинного кладбища в самом дешевом гробу без крышки, чтобы ничто не отделяло его прах от земли, коей будет предано тело. Он умер спустя шестнадцать месяцев, 3 мая 1763 года, в своем доме на Айронмангер-роу. «Мемуары» Псалманасара, опубликованные двумя годами позже, вновь вызвали к нему интерес, хотя смерть его осталась совершенно незамеченной. Книга не пролила свет на то, кем он был, кто были его, родители, откуда он родом. Он вспоминал свое детство в Авиньоне, учение у францисканцев, иезуитов и доминиканцев, а затем нищенскую жизнь до поступления на военную службу. Он описывал и свою мошенническую карьеру в Англии, а последующие десять лет назвал «растраченными в самой бесстыдной праздности, суетности и сумасбродствах». Затем он объяснял, почему раскаялся и посвятил последние годы ученой и благочестивой жизни.

Личность Псалманасара всегда была окутана тайной, и завесу ее не удалось приподнять и сегодня. Он вознамерился одурачить весь свет — и круг замкнулся на том, что он сознался в обмане и во искупление вины провел остаток дней в раскаянии и притом в крайней нужде. С точки зрения здравого смысла вряд ли можно назвать такой шаг разумным, поскольку Псалманасар мог без труда уйти в тень и писать под другим именем, а зарабатывая писательским трудом, он бы наверняка жил безбедно. Быть может, он не смог совладать со своей совестью, но как бы там ни было, дорожка, на которую он вступил в свои юные годы и которая прямоком вела к Тайберну *, неожиданно повернула в другую сторону, и в конце жизни он пользовался уважением таких людей, как Сэмюэл Джонсон, — тот часто посещал Псалманасара на склоне лет. Этот человек родился, жил и умер, так и оставшись совершенной загадкой.

* Место казни в Лондоне. — *Примеч. ред.*

Два европейца — француз Дени Врэн Люка и немец Фридрих Вагенфельд — люди необычайно способные, коим удавалось — по крайней мере, некоторое время — дурачить литературный мир.

ДВА ЕВРОПЕЙЦА

Два европейца, давшие название этой главе, — француз Дени Врэн-Люка и немец Фридрих Вагенфельд, люди необычайно способные, коим удавалось — по крайней мере, некото-

рое время — дурачить литературный мир.

К началу XIX века автографы приобрели особую ценность и стали предметами коллекционирования; дамы тех времен любили похвастаться ими, щеголяя своим знакомством со знаменитостями. Фирма Сотби стала устраивать аукционы, где автографы прославленных современников шли за баснословные деньги; автографы знаменитостей прошлого стали модны позднее. Среди страстных коллекционеров середины XIX века был известный геометр и астроном Мишель Шаль, возглавлявший кафедру геометрии Королевского Политехнического института в Париже. Шаль завоевал завидную репутацию знатока старинных рукописей и автографов, его заслуги были даже отмечены почетной медалью Королевского общества. В 1850 году Мишель Шаль стал членом Парижской Академии наук и тем самым вошел в элиту французского научного мира. Трудно понять, как такого знатока могли ввести в заблуждение подделки Дени Врэн-Люка. Он был, пожалуй, наиболее поразительным из всех литературных мистификаторов, причем изумляют не столько сами его творения, сколько их несметное число и то, что все эти бесчисленные подделки принимали за подлинники.

Дени Врэн-Люка родился в 1818 году в Шатомене, в семье крестьянина: благодаря отцу он получил все преимущества, которые дает образование. Свои познания Врэн-Люка углублял в общедоступной библиотеке, посвящая весь свой досуг чтению и занятиям. Вскоре он начал работать в адвокатской конторе, но в 1852 году покинул родной город и уехал в Париж в надежде найти место либо у какого-нибудь издателя,

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

либо в Национальной библиотеке. Однако ему пришлось довольствоваться службой у некоего Летелье, владельца фирмы, имевшей дело с редкими рукописями. Врэн-Люка с жаром взялся за работу, даже свободное время проводил в местных музеях и библиотеках, изучая старинные рукописи и документы. У его патрона было весьма доходное побочное занятие: для тех, кто, обуреваемый тщеславием, жаждал титулов и почестей, Летелье составлял родословные — разумеется, за большие деньги. Врэн-Люка быстро сделался докой в подобных подделках, особенно хорошо ему удавалось старинное письмо, кроме того он научился в совершенстве подделывать любые подписи. Так, для маркиза Дюпра он подделал документы, подтверждавшие его родство с кардиналом Дю Пра, жившим в XIV столетии; документы эти изучили и признали подлинными виднейшие французские специалисты.

После смерти Летелье Врэн-Люка получил по завещанию скромную коллекцию автографов; новый владелец решил распродать ее, предварительно сняв с каждого документа копию. Но, подумав, он стал продавать эти копии как подлинники; копии хорошо расходились, а подлинные ценности остались в его руках. Удавшийся обман, а также опыт, приобретенный им за годы работы у Летелье, открывали для Врэн-Люка новые возможности пустить в ход свое исключительное дарование, и в 1861 году он решает завязать знакомство с Мишелем Шалем.

В Академии наук Мишель Шаль оказался в довольно затруднительном положении. Его предшественник, граф Либри, спешно покидая свой пост, прихватил с собой изрядное количество старинных книг и рукописей, к несчастью, являвшихся собственностью Академии. Шаль счел своей обязанностью и делом чести начать все сначала и собрать коллекцию старинных редкостей возможно более обширную — так что Врэн-Люка появился на сцене очень кстати. Он заявил, что знает одного старика — обладателя

ДВА ЕВРОПЕЙЦА

сказочно богатой коллекции автографов, писем и рукописей, некогда принадлежавших графу де Буажурдену, который в 1790 году эмигрировал в Америку, но в пути потерпел кораблекрушение. Старик нуждается, поэтому время от времени ему приходится кое-что продавать из бумаг, и Врэн-Люка взялся быть посредником при продаже. Шаль принял вполне понятные меры предосторожности, выяснив, например, существовал ли вообще граф де Буажурден: оказалось, существовал. Врэн-Люка решил сыграть на тщеславии Шаля: он заявил, что сам не уверен в подлинности документов, но полагается на суждение Шаля, ведь он крупнейший авторитет во всей Франции! Немного позднее он позволил себе зайти еще дальше: сообщил Шалю об отказе старика продавать документы, зная наперед, что Шаль нипочем не отступится.

Врэн-Люка быстро добился желаемого: Шаль стал просить его доставить все бумаги, какие только удастся раздобыть, и Врэн-Люка отправился попытаться уговорить старика переменить решение, что ему, разумеется, удалось. И вот Врэн-Люка принял пачку за пачкой изготавливать фальшивые бумаги, письма, рукописи и продавать своему ни о чем не ведающему благодетелю. Впрочем, он неизменно следил, чтобы в каждой порции бумаг, передаваемых Шалю, был хотя бы один подлинный старинный документ.

В 1867 году Шаль сделал доклад в Академии, посвященный ее основанию, и прочитал два письма: одно от поэта Рутру к Ришелье и другое — ответ Ришелье. Письма, подтверждающие теории Шаля относительно создания Академии, произвели сенсацию, слушатели встретили их с восторгом; оба письма были, конечно, подделаны. Расчет Врэн-Люка был точен: история основания Академии много лет была предметом догадок и споров, а письма разрешали их со всей очевидностью. Врэн-Люка всегда предлагал свои подделки обдуманно: он до-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

тошно изучал психологию того, кому собирался их сбывать, и выведывая его интересы и пристрастия.

Врэн-Люка встречался с Шалем регулярно раз в неделю, и последний, как правило, доверительно рассказывал ему обо всех критических замечаниях, высказанных о его «находках». Обычно через неделю Врэн-Люка приносил письмо или письма, подтверждающие подлинность прежних подделок. Несмотря на это, Врэн-Люка у многих вызывал подозрения, что ставило Шаля в положение весьма щекотливое. Ему приходилось продолжать поддерживать Врэн-Люка, дабы самому не прослыть невеждой среди тех, у кого он пользовался авторитетом. Мишель Шаль умолял Врэн-Люка отыскать что-нибудь сенсационное, чтобы заставить критиков умолкнуть раз и навсегда. И вот в том же году Шаль прочитал в Академии два письма, «доказывавшие», что закон всемирного тяготения был открыт не Ньютоном в 1687 году, а в 1652 году Паскалем. Эта новость вызвала бурные отклики по обе стороны Ла-Манша; многие утверждали, что письма фальшивые, однако не меньшее число людей верило в их подлинность. Академию наводнили письма от знаменитостей со всего света, подтверждающие аргументы в пользу Паскаля; и любую критику в адрес Врэн-Люка незамедлительно отражали письма, подтверждающие его правоту. Примером может служить подделанное им письмо Галилея к Паскалю, датированное 1641 годом; в нем Галилей упоминает, между прочим, что плохо видит и что зрение его становится все хуже и хуже. Затем появились письма Галилея от 1643 года, и эти новые находки вызвали самые резкие возражения. Во-первых, отмечали, что Галилей всегда писал письма по-латыни либо по-итальянски, а не по-французски, как в этих находках; во-вторых, указывали, что Галилей был слеп уже в 1637 году. Врэн-Люка принялся спешно защищать свои позиции, заявив, что в то время Галилей еще не был слепым, а страдал от переутомления глаз

ДВА ЕВРОПЕЙЦА

и временной потери зрения. Он придумал объяснение и тому, что письма были написаны по-французски. Любой ученый муж, — возражал он своим критикам, — знал по меньшей мере два языка, и письма, как правило, писал на родном языке адресата. Далее, сомнения вызвали письма, якобы написанные в 1652 году Паскалем Роберту Бойлю. Оказалось, что почерк Паскаля в исполнении Врэн-Люка отличался от известных образцов; и вновь было найдено самое простое объяснение: Врэн-Люка утверждал, что с годами почерк сильно меняется и что именно такие изменения как раз и обнаруживает почерк Паскаля.

В 1869 году некий Вернер обвинил Врэн-Люка в том, что он пиратски извлекает фрагменты из сочинений различных авторов и затем помещает их в свои «письма», — при этом упоминались труды Вольтера, Фомы Аквинского и Декарта. Тогда было решено послать во Флоренцию подпись Галилея для сличения с оригиналом. Подпись оказалась совершенно отличной от оригинала.

К тому времени Врэн-Люка подделал почти тридцать тысяч писем, автографов и всего того, что, по его мнению, могло принести прибыль, но финал его карьеры был, без сомнения, близок, и в середине 1869 года его «находками» занялась группа экспертов. Врэн-Люка всегда с особой осторожностью и тщательностью выбирал чернила, в приготовлении которых достиг совершенства. Его чернила давали точно такие же химические реакции, как и чернила редких старинных рукописей. Это значительно усложнило задачу экспертов, но в сентябре того же года Мишель Шаль вынужден был признать справедливыми обвинения в мошенничестве, выдвинутые комиссией против Врэн-Люка. Самым убедительным свидетельством против него самого и псевдоспециалистов, подтверждавших подлинность его находок, было то, что все его подделки были написаны великолепным современным французским языком на прекрасной новой бумаге. Поскольку в Европе бума-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

га появилась только в XIV веке, специалистам следовало бы усомниться в подлинности представленных Врэн-Люка писем от таких персонажей, как Клеопатра и Мария Магдалина, которым было, вероятно, куда как трудно не только изъясняться по-французски, но и вдобавок писать на том материале, который еще не был изобретен! Шаль отказывался, однако, верить, что Врэн-Люка был единственным автором всех подделок, и утверждал, что одному человеку не под силу создать такое невероятное множество документов. Графологи тем не менее вскоре убедили его, что все бумаги написаны одной и той же рукой. Врэн-Люка был арестован, предстал перед судом и сразу во всем признался; однако большую часть вины он переложил на Мишеля Шаля. Врэн-Люка заявил, что Шалю следовало бы серьезней отнестись к делу, за которое он взялся—не мог же признанный специалист не заметить, что бумаги поддельные. Он просил суд о снисхождении—и не без успеха. Штраф в 25 фунтов и два года тюремного заключения—так было наказано мошенничество, принесшее ему четверть миллиона франков, или 6000 фунтов, сумму весьма внушительную.

Дальнейшая судьба Мишеля Шаля довольно плачевна: слава его померкла, хотя друзья, помня его прошлые заслуги, остались ему верны. Однако того положения и признания, которыми он пользовался до знакомства с Врэн-Люка, ему достичь уже было не суждено.

Если прикинуть, сколько документов подделал Врэн-Люка, окажется, что за восемь лет, на протяжении которых он изготовлял свой товар, Врэн-Люка каждый божий день должен был подделывать не менее восьми рукописей. Для одного человека это неправдоподобно много: Врэн-Люка подделывал письма Паскаля, Шекспира, Рабле, римских императоров, апостолов, Платона, Плиния, Сенеки, Помпея, Лазаря, Марии Магдалины, Клеопатры, Беды

ДВА ЕВРОПЕЙЦА

Достопочтенного и, как мы уже знаем, Галилео Галилея.

Одно из писем Клеопатры, написанное по-французски, гласит:

«Наш сын Кесарион здоров. Надеюсь, вскоре он уже сможет перенести путешествие в Марсель, где, я полагаю, он будет отдан учиться — и потому, что в месте этом прекрасный воздух, и потому, что там изучают множество чудесных вещей. Прошу, сообщите мне, сколько ты еще пробудешь в этих краях».

Список подделок Врэн-Люка в книге Бордые и Мабиля «Une fabrique des faux autographes» * занимает 17 страниц, но представлено лишь 381 письмо, ибо Мишель Шаль отказался показать всю коллекцию. Интересно и то, как Врэн-Люка ухитрился вложить в поддельные письма свой патриотизм. Так, закон всемирного тяготения «открыл» у него француз, Александр Великий с большой похвалой отозвался о Галлии и т. д.

Врэн-Люка нашел и другую, тоже весьма доходную сферу деятельности, где ему удалось собрать богатый урожай: он снабжал редкие книги надписями их «прежних владельцев», как правило, очень известных в стране людей, таких, как, например, Лафонтен и Рабле. Врэн-Люка продал Шалю пятьсот подобных «бесценных» сокровищ.

Даже после окончательного разоблачения Врэн-Люка вел себя совершенно невозмутимо и заявлял, что никому не причинил никакого вреда; более того, он сохранил для истории события и имена, которым грозило забвение. В течение нескольких лет он просвещал и занимал публику: все внимали новым открытиям, ждали подтверждения новых теорий, которые выходили из стен Академии. Благодаря ему Мишель Шаль приобрел широкую известность и добился славы. То, что его подделки стоили Шалю 6000 фунтов, пожалуй, только подливало масла в

* «Фабрика фальшивых автографов» (фр.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

огонь, ибо удар по карману тоже воспринимается нами весьма болезненно.

После освобождения из тюрьмы Врэн-Люка применял свои обширные познания на более честном поприще. Он стал коллекционером, и занятие это не только доставляло ему удовольствие, но и давало средства к существованию. Остаток жизни он провел в безвестности.

Фридрих Вагенфельд родился в 1810 году в Германии. С девятнадцати до двадцати двух лет он изучал философию и теологию в Геттингене и за эти годы понял, что в мировой истории существуют серьезные пробелы, в частности, в истории финикийской цивилизации. Он тщательно изучил труд Евсевия «Praeparatio Evangelica» * и встретил там ссылку на некий греческий перевод истории финикийцев, написанной Санхонйатонем, сделанный якобы Филоном Библиским. Из архивов и записей о нескольких финикийских городах Санхонйатон собрал воедино все сведения по древней истории Финикии до эпохи троянских войн.

В свое время этот памятник исследовали специалисты и признали его подлинным свидетельством истории Финикии. К сожалению, Евсевий цитировал лишь немногие отрывки из перевода Филона, которых хватало только на то, чтобы разжечь любопытство исследователя, в частности такого, как Вагенфельд. Особый интерес для Вагенфельда заключался в том, что в книге цитировалась работа, местонахождение которой было неизвестно, да и неясно было, сохранилась ли она вообще. Перевод, вероятно, был утерян, и это натолкнуло молодого ученого на мысль «найти» утраченную ценность. Итак, Вагенфельд приступил к делу и, не долго думая, сам написал эту книгу, сочинив таким образом «Историю Финикии». Задача оказалась не из легких, поскольку сочинитель должен был не только с особой скрупулезно-

* «Евангельское приуготовление» (лат.).

ДВА ЕВРОПЕЙЦА

стью собрать нужные факты, но и сохранить присущий тому времени витиеватый стиль и, разумеется, обладать достаточными знаниями и способностями, чтобы выполнить этот поистине грандиозный труд. Для молодого и неопытного человека затея была крайне рискованной.

Прежде чем выпустить свое творение в свет, Вагенфельд решил заблаговременно подготовить почву, и 18 октября 1835 года написал немецкому историку Г. Х. Пертцу письмо от имени некоего Жоана Перейро, рыцаря из Опорто. В письме говорилось, что в монастыре Санта Мария де Мериньяо, расположенном между реками Дуэро и Миньо, найдено девять книг перевода Филона, и все они в превосходном состоянии. «Перейро» просил, чтобы о его открытии поведали миру, и 30 октября 1835 года Пертц покорно поместил сообщение об открытии в ганноверской «Цайтунг». В ноябре этого же года Вагенфельд от имени «Перейро» сочинил второе письмо; к нему прилагалась и сама «рукопись» с убедительной просьбой к Вагенфельду не публиковать находку целиком, а только краткое ее изложение. В письме Перейро ссылался на то, что монахи требуют денег. На вопрос, почему рукопись послали именно ему, Вагенфельд отвечал, что племянник Перейро помогал ему в изучении португальского языка и с тех пор они подружились. Теперь же этот молодой человек обратил внимание своего дяди на Вагенфельда как на посредника.

20 декабря Вагенфельд написал в издательскую контору братьев Хаан в Ганновере, подписавшись девичьей фамилией матери — Вильде. В письме он утверждал, что эта и ряд других рукописей были найдены в шкафу в комнате, где квартировал Перейро. Затем Вагенфельд предпринял еще один шаг: он обратился к ученому-востоковеду Г. Ф. Гротефенду с просьбой написать предисловие к публикации этого краткого изложения греческой рукописи. Гротефенд согласился, хотя Вагенфельд, с сожалением, преду-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

ведомил его, что не сможет прислать ему подлинник. Он, однако, выслал Гротефенду две средневековые рукописи: экземпляр «Sachsenspiegel»*, рукописи XIV века на нижненемецком языке, и «Гимн непорочной деве», сочинение «Бедного Конрада». Это как бы подтверждало обоснованность притязаний Вагенфельда, и ученый с великой охотой взялся за предисловие.

В середине апреля Вагенфельд послал Гротефенду краткое изложение текста рукописи вместе с факсимиле «оригинала». Гротефенд написал предисловие, датированное 24 мая 1836 года, и с радостью безоговорочно признал старейшую из дотоле известных историю финикийцев, чем придал необычайный вес «находке» Вагенфельда. Гротефенд пошел еще дальше, предположив, что те или иные финикийские легенды послужили одним из источников Книги Бытия. Особый восторг у него вызвал рассказ о том, что царь Иорам приказал высечь на колонне храма Мелькарта в Тире повествование о походе финикийцев на Цейлон, а также сведения о военной мощи различных городов Финикии и ее колоний и описания стран, с которыми торговала Финикия. Впоследствии землетрясение разрушило колонну, и Санхонйатон переписал тексты с ее обломков. Этот список под названием «Плавание Иорама» Вагенфельд «перевел» слово в слово на немецкий язык и включил в восьмую книгу. Вагенфельд также обнаружил, что финикийский летописец Санхонйатон был сыном Кусабаса и внуком Окалатона, двух летописцев царя Иорама, и что история Финикии была написана им в IX веке до н. э. Вагенфельд перечислял всех царей Сидона и Библа за много десятилетий, и это надумило Гротефенда создать таблицу, включавшую 36 царей обоих городов. Более того, на основании переданного ему текста он составил таблицу военных и морских ресурсов Финикии и колоний. Гротефенд,

* «Саксонское зеркало» (нем.).

**Sanchuniathon's
Urgeschichte der Phönizier**

in einem Auszuge

aus der wieder aufgefundenen Handschrift

von

Philo's vollständiger Übersetzung.

Nebst Bemerkungen

von

Fr. Wagenfeld.

Mit einem Vorworte

von

Dr. G. F. Grotefend,

Director des Lycæums zu Hannover.

Mit einem Facsimile.

HANNOVER.

Im Verlage der Hahn'schen Hofbuchhandlung.

1836.

Санхониатон. «История Финикии». С предисловием
Г. Ф. Гротенфенда. Титульный лист

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ
 без сомнения, был восхищен грандиозной находкой и посвятил ей немало времени.

У Гротефенда, однако, был сын Карл, не разделявший веры отца в это «открытие». В 1836 году он опубликовал памфлет «К вопросу о Санхонйатоне», где привел всю переписку по поводу возможной находки, включая два письма по-латыни от «Перейро», семь писем Вагенфельда, в том числе за подписью «Вильде», посланные в ганноверское издательство Хаанов, а также письмо Вагенфельда к Гротефенду. Публикация писем стала первым шагом к разоблачению подделки. Некий доктор Шмидт из Бремена решил побеседовать с Вагенфельдом, и в ответ на его просьбу показать ему рукопись Вагенфельд заявил, что уже возвратил все рукописи Перейро. Позднее Шмидту было сказано, что рукописи все еще находятся у Вагенфельда, но тот их никому не показывает. Сомнение вызвало и то, что Санхонйатон зачем-то изменил место своего рождения, город Верит, указанный у Порфирия, на Библ, куда его по ошибке перенес Вагенфельд. Шмидт хотел узнать и то, каким образом упоминание о буддизме, зародившемся в VI в. до н. э., попало в книгу, написанную в IX в. до н. э. А Карл Гротефенд заявил, что один из его друзей сообщил ему из Португалии, что в этой стране нет монастыря Св. Марии де Меринья, как нет и имени Перейро: по-португальски должно быть Перейра.

Невзирая на все обвинения, Вагенфельд продолжал упорствовать в своем обмане, хотя здравый смысл должен был подсказать ему, что пора бы остановиться; в 1837 году он опубликовал свою версию греческого перевода Филона Библиского с параллельным латинским текстом. Работа называлась: «*Sanchoniathonis Historiarum Phoeniciae Libros Novem Graece versos a Philo Byblio edidit lathineque versione donavit F. Wagenfeld. Breae, 1837, ex officio Caroli Schunemann*»*.

* «Переложенная на греческий язык Филоном

ДВА ЕВРОПЕЙЦА

Для человека его возраста подобная книга объемом в 205 страниц была величайшим достижением—и кропотливейший трудом, вложенным в нее Вагенфельдом, можно лишь восхищаться. Но увы! Труды эти пропали впустую, так как К. О. Мюллер выступил в «Геттингенских ученых записках» с критикой книги, ставя под сомнение ее подлинность. Это выступление раз и навсегда решило вопрос о «находке»; правда, в конце статьи Мюллер выразил свое восхищение столь талантливой работой. Особенно удачно, по его мнению, Вагенфельд сумел воспроизвести дух и стиль сочинителей древности, нередко в своих писаниях переплетавших правду и вымысел; в завершение Мюллер выразил надежду, что Вагенфельд проявит свой незаурядный талант в делах более достойных и плодотворных. Вскоре после этого была опубликована работа Гезениуса «Памятники финикийского языка и письменности», где автор утверждал, что никогда до конца не верил в подлинность открытия Вагенфельда—Перейро и что последующая критика все для него прояснила.

Благое пожелание Мюллера—чтобы Вагенфельд честно использовал свой талант, упало, видимо, на неплодородную почву. Вагенфельд неожиданно исчез с литературной сцены; поговаривали, что он пристрастился к вину. Однако в 1845 году он вновь заявил о себе, выпустив собрание «Bremens Volkssagen» *, а в 1846 году—книгу «Kriegsfahrten der Bremen» **. Но этот труд оказался последним: в том же году Вагенфельд умер, ему было всего 36 лет. Вагенфельд создал себе поистине заметную репутацию, решившись на одну из самых дерзких подделок и проявив исключительное мастерство, которое он нелепо растратил ради бесплодной цели.

Библиским Финикийская История Санхонйатона, в девяти книгах, переведенная на латынь и изданная Ф. Вагенфельдом. Бремен, 1837, в типографии Карла Шунемана» (лат.).

* «Бременские народные сказания» (нем.).

** «Военные походы жителей Бремена» (нем.).

Уильям Лоубер был одним из выдающихся ученых XVIII века.
Но... он люто ненавидел Джона Мильтона.

ИЗ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Эта глава посвящена приключениям и злоключениям двух джентльменов, один из которых был удачлив, а другой — нет; правда, своими литературными мистификациями они преследовали совершенно разные цели. Первый, Чарлз Джулиус Бертрам, хотел только одного: создать себе имя в литературе и добиться определенного признания. Второй, Уильям Лоудер, воспользовался своими литературными способностями для того, чтобы злобно обрушиться на давно умершего прославленного поэта, — увы, его злоба обратилась против него самого.

Чарлз Джулиус Бертрам был одним из немногих мистификаторов, которым удалось избежать разоблачения при жизни. Бертрам утверждал, что нашел рукописную историю Римской Британии, написанную якобы в XV столетии Ричардом Вестминстерским. Подделка «Истории» Бертрама, в общем, доказана не была, и многие верили в подлинность находки еще долгое время после того, как фальсификация Бертрама была разоблачена. Бертрам родился в 1723 году в семье красильщика шелка. В 1743 году семья переселилась в Данию, годом позже отец Бертрама обосновался в Копенгагене и занялся торговлей бельем. Бертрам испросил разрешения поступить в университет и был принят достойным образом, несмотря на то, что был англиканской веры. За время учебы он сблизился с Грамом, членом тайного совета Дании и королевским библиотекарем.

В 1747 году Бертрам вступил в переписку с доктором Уильямом Стьюкли, знаменитым английским антикваром; однажды в письме к нему Бертрам вскользь упомянул, что у одного из своих друзей видел любопытную рукопись — историю Римской Британии, написанную монахом Ричардом из Ве-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

стминстера. Стьюкли поначалу не очень заинтересовался сообщением, затем неожиданно попросил Бертрама прислать ему отрывок из рукописи, что тот охотно исполнил. Стьюкли незамедлительно показал рукопись некоему Кейсли, хранителю Коттонской библиотеки, и спросил его, считает ли он рукопись подлинной. Кейсли заявил, что ей, по меньшей мере, 400 лет, и Стьюкли тут же обратился к Бертраму с просьбой заполучить рукопись полностью. Бертрам ответил, что сделать это необычайно трудно, но он постарается переписать рукопись и перерисовать приложенную к ней карту; проделав это, Бертрам в несколько приемов переслал копию рукописи Стьюкли. Копия включала также некие путевые заметки, дополняющие «Путеописание Антонина». Стьюкли несказанно обрадовался находке и заторопил Бертрама опубликовать ее, утверждая, что это «величайшее сокровище, коим мы можем похвастаться в сей области знания».

Бертрам тем не менее решительно отказывался от подобного шага. Трудно понять, зачем он подготовил рукопись и послал ее Стьюкли, если не собирался доводить дело до конца. Будучи в дружеских отношениях с Грамом, Бертрам наверняка не преминул использовать возможности, открытые перед ним другом; вполне вероятно, что подделка для него была лишь упражнением ума и он не собирался никого вводить в заблуждение. Когда же Стьюкли, видимо, неожиданно для Бертрама, принял его поддельную находку за подлинную, Бертрам, очевидно, почувствовал себя в ловушке. В то время дела его в Копенгагене шли весьма неплохо: получив на первых порах место учителя, он в скором времени добился должности профессора английского языка и литературы в Королевской морской академии. Именно из-за удачной карьеры Бертрам и отказывался публиковать подделку, ибо если бы обман раскрылся, будущее его бы погубило. В 1757 году Стьюкли снова стал убеждать Бертрама опубликовать находку:

ИЗ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

пусть ее увидит весь мир—и Бертрам согласился. Книга включила саму эту рукопись, подробный комментарий, а также труды Гилдаса и Ненния и была озаглавлена: «*Britannicarum Gentium Historiae Antiquae Scriptores tres: Ricardus Corinensis, Gildas Badonicus, Nennius Banchoensis*» *.

Стьюкли особенно заинтересовался вымышленным автором, которого Бертрам вначале именовал Ричардом Вестминстерским. И действительно, между 1450 и 1472 годами жил некий монах Ричард Вестминстерский; правда, Стьюкли был совершенно убежден, что на самом деле автором рукописи был не он, а Ричард из Сайренсестера, живший столетием раньше. В доказательство Стьюкли приводил найденные им документы, в которых говорилось, что Ричард из Сайренсестера жил когда-то в Вестминстерском аббатстве. Бертрам не спорил—он склонился перед более глубокими познаниями Стьюкли и переименовал имя автора на Ричарда Сайренсестерского. Нетрудно понять, почему Стьюкли предпочел Ричарда Сайренсестерского—тот был хорошо известным, признанным писателем, много путешествовал и посетил не одну библиотеку Англии и Европы. Но именно убеждение Стьюкли впервые заставило усомниться в подлинности работы. Когда ее пристально изучили и сравнили с другими трудами Ричарда Сайренсестерского, оказалось, что она не отличается столь же высокими литературными достоинствами, какими обладали уже известные сочинения этого автора.

Как раз перед тем, как Бертрам опубликовал свою книгу, Стьюкли прочел в Обществе собирателей древностей доклад о находке Бертрама. Это произошло 18 марта 1756 года; доклад назывался «Сообщение о Ричарде Сайренсестерском, монахе Вестминстерского аббатства, и его трудах». В следующем году Стьюкли опубликовал доклад вместе с

* «Три автора по древней истории британских племен: Ричард Сайренсестерский, Гилдас Батский, Ненний Бангорский» (лат.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

картой Римской Британии, которая, к сожалению, не совпадала с картой, составленной Бертрамом. Позднее Стьюкли подменил карту, чтобы она соответствовала той, что представил Бертрам, и добавил к ней алфавитный список географических названий, сопроводив его своей собственной интерпретацией современного расположения этих населенных пунктов. Сведения о Римской Британии обогатились более чем ста неизвестными ранее наименованиями городов, дорог и народов, а к пяти известным к тому времени провинциям прибавилась новая — Веспасиана. Более того, римское влияние распространилось дальше по стране, вплоть до Инвернесса на севере Шотландии. Выяснилось много нового о гонениях на христиан, и без того длинный список жертв пополнился еще семнадцатью тысячами мучеников. Походы императоров и легатов, разграбление городов, строительство крепостных стен и дорог — все это описывается весьма искусно и с большим знанием предмета и излагается на латинском языке, не уступающем по своим литературным достоинствам известным образчикам тех времен, к которым относили находку. Стьюкли несказанно обрадовался успеху книги Бертрама, особенно когда все ученые литераторы одобрили ее и стали использовать как источник для собственных работ.

Трудно представить себе, какую путаницу суждено было внести в историю нашего острова этой подделке. Многие историки, следуя за Бертрамом и используя его книгу в своих исследованиях, немало нового внесли в собственные труды. Дж. Уиткер в своей «Истории Манчестера» так писал об открытии: «Подлинность работы не нуждается в доказательствах. Ни один, даже самый изощренный знаток древностей на протяжении четырнадцатого и трех последующих веков не смог бы подделать столь искусно малейшие подробности эпохи Рима». Книга Бертрама ввела в заблуждение даже Гиббона, и тот использовал сведения из нее в своем бессмертном труде о

ИЗ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Риме и римлянах. Гиббон признавал, что из рукописи он почерпнул немало сведений и отметил, что Ричард Сайренсестерский обнаружил глубокое знание античности, совершенно необычное для монаха XIV столетия. Нижеследующий отрывок из Гиббона уже не должен вызывать большого доверия:

«При римском протекторате в нескольких частях этой большой провинции выросло девяносто два крупных города, среди которых тридцать три выделялись особыми привилегиями и значительностью».

Примером неразберихи, которую внесла рукопись Бертрама, может служить то, что вымышленные названия римских поселений все еще попадают на географических картах, поскольку книга Бертрама использовалась как источник этих названий. Сколько же городов, гордых своим римским происхождением и латинскими названиями, не имеют никаких оснований для такой гордости? Круг ученых, введенных в заблуждение Бертрамом, включает генерала Роя, доктора Лингарда, Лаппенберга, Стюарта, автора «Caledonia Romana *», и сэра Уильяма Смита, в чьем «Атласе античного мира» приведена карта Британии, хранящая следы безудержной фантазии Бертрама в области картографии.

Правда, не все были до конца убеждены в подлинности этой находки. Рейнолдс в своем комментарии к Антонину утверждает, что Ричард Сайренсестерский, должно быть, слишком полагался на воображение, когда писал свой труд, но, видимо, и Рейнолдс не подозревал, что речь идет о совсем недавней подделке. Карл Векс, немецкий исследователь, тверже всех был уверен, что рукопись эта подделана. Он доказал, что встречающиеся в тексте цитаты из произведений Тацита взяты из самых последних изданий. Бертрам, однако, нашел убедительное тому оправдание: он заявил, что, переписывая рукопись, вносил туда исправления.

* «Римская Каледония» (лат.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Серьезные сомнения в подлинности рукописи возникли отнюдь не только до середины XVIII столетия. В 1866 и 1867 годах «Джентлменз мэгэзин» опубликовал ряд статей за подписью Б. Б. Вудворда, библиотекаря Виндзорского замка. Вудворд изучил небольшой отрывок, посланный Бертрамом Стьюкли и помещенный им в факсимильном издании «Сообщения о Ричарде». Вудворд заявил, что манера, в которой написан этот отрывок, не имеет ничего общего с манерой XIV столетия и представляет собой смесь стилей разных исторических периодов и, несомненно, современных стилей тоже. Сравнив рукопись с известными образцами письма Ричарда Сайренсестерского, Вудворд обнаружил, что они резко различаются и почерком, и словарным составом, и фразеологией. Вудворд обнаружил также, что латынь, на которой написана работа Бертрама, схожа с той, которая была в ходу в то время, когда была найдена рукопись. Многие слова были употреблены в современном значении, которое не могло быть известно в XIV веке: например, «static» — римское поселение (station) или «supplementum» — приложение (supplement) или дополнение.

В который раз мнение специалистов оказывалось ошибочным: Кейсли безоговорочно верил в подлинность рукописи — он заявил об этом, когда Стьюкли попросил его высказать свое мнение; сэр Ф. Мэдден, изучив образец, приведенный в одном из писем Бертрама к Стьюкли, особо отметил характерные черты письма, укрепившие его убеждение в том, что рукопись подлинная. Мнение Мэддена, хранителя Отдела рукописей Британского музея, конечно, имело больший вес, чем мнение Вудворда, особенно при том, что ему уже противоречили доводы Кейсли. На сторону Бертрама склоняло и то, что впоследствии исследователями было обнаружено несколько дорог, не упоминаемых ранее нигде, кроме рукописи Бертрама. Нашел ли Бертрам упоминание об этих дорогах в доселе неизвестном историческом источни-

ИЗ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ке, или исследователи сами повинны в некоторой недобросовестности — неизвестно, да и вряд ли мы когда-нибудь выясним истину. Но то, что в Копенгагене не было обнаружено никаких следов оригинала рукописи — это, разумеется, говорит не в пользу Бертрама. Несмотря на статьи Вудворда, многие продолжали верить, что «История Римской Британии» — подлинный документ, написанный Ричардом Сайренсестерским, и продолжали им пользоваться как источником в собственных исторических сочинениях. Доктор Джэйлз позднее опубликовал перевод этой работы как одну из «Шести английских хроник» в серии «Библиотека древностей» Генри Бона.

Стьюкли умер, так и не заподозрив обмана, и потому мы не в праве предположить, будто история с рукописью — затянувшаяся шутка Бертрама. Благодаря своей исторической находке, Бертрам приобрел известность и занял высокое положение в литературных кругах. «История» была его единственной мистификацией; завоевав успех, Бертрам стал писать под собственным именем. В 1749 году он опубликовал «Рассуждение о великолепии английского языка», в 1750 — «*Rudimenta Grammaticae Anglicanae*»*, в 1751 вышла «Этика в воззрениях различных авторов», за которой через два года последовала самая значительная его работа — «Королевская англо-датская грамматика». Вновь его имя появилось в печати семь лет спустя, на сей раз то был датский перевод английского сочинения «О величайших преимуществах благочестивой жизни»; затем в 1765 году он опубликовал еще одну, последнюю работу — «Статистический отчет о датской армии». Знаменитый, с безупречной репутацией, уважаемый всеми литератор умер в 1765 году в возрасте 42 лет. Чарлз Джулиус Бертрам был воистину удачливым мистификатором, но чего теперь стоит история нашего острова?

* «Начала английской грамматики» (лат.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Уильям Лоудер был одним из выдающихся ученых XVIII века. Он родился в Шотландии, окончил Эдинбургский университет и 11 июля 1695 года получил степень магистра. В юности, когда он однажды наблюдал игру в гольф в Брансфилде, в окрестностях Эдинбурга, с ним произошел несчастный случай. Неверный удар игрока покалечил ему ногу, кость была сломана, а лечили его так небрежно, что ногу пришлось ампутировать. После окончания университета Лоудер получил место ассистента профессора Эдема Уотта, преподавателя латинского языка и литературы в Эдинбурге. Лоудер стал широко известен как знаток латинского языка, он был также весьма сведущ по части древней и современной литературы. Но у Лоудера был серьезный изъян: он люто ненавидел Джона Мильтона и из ненависти попытался доказать, что «Потерянный рай» — плагиат. Не найдя убедительных тому доказательств, Лоудер вступил на путь фальсификации, чтобы достичь своей цели.

К работам Мазениуса и Гроция, которые, несомненно, читал Мильтон и которые скорее всего повлияли на его творчество, Лоудер добавил новые строки. Эти строки он взял из сделанного Хогом латинского перевода поэмы Мильтона, труда весьма мало известного, и потому, по мнению Лоудера, вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову туда заглядывать. Вот один из отрывков, избранный Лоудером для подобной операции:

Beast now with beast 'gan war, and fowl
with fowl,
And fish with fish; to graze the herb
all leaving
Devour'd each other; nor stood much
in awe
Of man, but fled him; or, with
count'nance grim
Glar'd on him passing.

Зверь вышел против зверя; птицы, рыбы,
Остервенясь, гнездовья покидали,

ИЗ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Дабы пожрать друг друга; человек
 Их боле не страшил, ему вослед
 Глядели мрачно или прочь стремились.

Перевод этого отрывка, сделанный Хогом, был вставлен в поэму Мазениуса «Саркотис», и на латыни это теперь звучало так:

Quadrupedi pugnat quadrupes, volucricque
 Et pisces cum pisce ferox hostilibus
 Proelia saeva gerit; jam pristina
 Jam tondere piget viridantes gramine
 Alterum et alterius vivunt animala letho,
 Prisca nec in gentem humanam reverentia
 Sed fugiunt vel si steterant, fera bella
 Fronte truci torvosque oculos jaculantur
 С четвероногим воюет четвероногое,
 С рыбами рыбы нещадно оружием
 Злобные схватки ведут; вот уже
 Прежний они, неохотно травы зеленые
 Вот уже гибель одних жизнью становится
 И к человеку почтенье прежнее боле
 Тотчас же прочь убегают, с ним встретясь,
 Диким грозят и бросают свирепые взгляды.

Со стороны Лоудера это был весьма дерзкий поступок: ведь он должен был понадеяться, во-первых, что никто не заглянет в перевод Хога, и, во-вторых, что никто не прочтет в оригинале поэму Мазениуса. Однако риск не оправдался: достопочтенный Джон Дуглас, впоследствии епископ Солсберийский, не поверил обвинениям Лоудера и решил сам выяснить истину. И вот в 1750 году появилась

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

его публикация «Мильтон, освобожденный от обвинения в плагиате», которая разоблачила Лоудера перед всем светом и неопровержимо доказала, что Лоудер искажил почти все цитаты и вставил в них отрывки из перевода Хога.

Почему же Лоудер так ненавидел Мильтона и почему хотел его скомпрометировать, и, наконец, что заставило его отважиться на такое рискованное предприятие? Причина его ненависти к бедному Мильтону была не только злосчастной, но и совершенно случайной. Будучи школьным учителем, Лоудер заинтересовался одной из книг, служивших пособием в школах Шотландии. Это был латинский перевод библейских псалмов, сделанный Джорджем Бьюкененом, когда он томился в застенках испанской инквизиции. Этим переводом пользовались уже добрую сотню лет, однако Лоудер был убежден, что для младших классов гораздо больше подошел бы перевод Артура Джонстона, так как перевод Бьюкенена слишком сложен для понимания учеников. И Лоудер, на свои средства издав перевод Джонстона, предложил Генеральной Ассамблее пресвитерианской церкви Шотландии новое издание, которое, по его мнению, можно было использовать в шотландских школах наряду с переводом Бьюкенена. Генеральная Ассамблея приняла это предложение и порекомендовала перевод Бьюкенена только для старших классов и университетов.

Но Лоудеру не повезло с этим изданием. Не успела книгу принять Генеральная Ассамблея, как появилась публикация «Письмо джентльмену из Эдинбурга» за подписью «Бьюкененофил», псевдоним некоего Джона Лава. Лав критиковал и самого Лоудера, и его издание, и причины, по которым он выпустил книгу. Глубоко уязвленный нападками, Лоудер немедленно ответил на них в 1741 году статьей «Явственная клевета, или Подвергнутый снятию катаракты Псевдо-Бьюкененофил, сиречь скромный и беспристрастный ответ на злобную и

ИЗ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
бесстыдную ложь». Тогда Лав выпустил следующий памфлет, вновь обрушившись на Лоудера и изданный им перевод. Другой неприятностью был выход в свет еще одного перевода Джонстона, опубликованного Уильямом Бенсоном, который, как и Лоудер, не сомневался в превосходстве книги Джонстона. Неудачей было и то, что Бенсон чересчур щедро расточал похвалы Джонстону и чересчур резко критиковал Бьюкенена. В литературных кругах Шотландии поднялась настоящая буря, которая превратилась в схватку между почитателями того и другого перевода. Лоудер был весьма обеспокоен подобным поворотом событий, он предчувствовал, что если страсти не улягутся, все труды его пропадут даром. Особенно волновала его финансовая сторона дела, ведь он опубликовал книгу на собственные средства, а при его ничтожном учительском жаловании было бы обидно пустить столько денег на ветер. Лоудер решил написать Александру Попу и попросить его оценить достоинства обеих книг и их пригодность для школы. Поп не ответил Лоудеру, но в своей «Дунсиаде» высмеял и Бенсона, и Джонстона и пристрастие первого ко второму противопоставил свое восхищение Мильтоном. На фоне Мильтона Джонстон — автор куда менее крупный — выглядел смешно, и книга его была изъята из школ. Оскорбленный Лоудер по непонятной причине обратил свой гнев против Мильтона, чье имя Поп использовал лишь для того, чтобы больнее уязвить Бенсона. Книга была изъята. Лоудер понес немалые убытки, и это, несомненно, подлило масла в огонь. С тех пор как после смерти Уотта его обошли при назначении преемника, Лоудер все больше ожесточался. Он решил уехать из Шотландии и поселился в Лондоне. Желчный, обиженный Лоудер вознамерился запятнать репутацию того, кто, по его мнению, был повинен в его падении, если не в полном крахе, — несмотря на то, что бедный Мильтон давно уже умер.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Следующие четыре года Лоудер непрерывно строил козни против Мильтона, всеми средствами пытаясь очернить поэта и его творения. В 1747 году ему это, казалось бы, удалось: в публикации за подписью «Зоил» в «Джентлменз мэгэзин» он утверждал, что «Потерянный рай» Мильтона — плагиат, и ссылаясь при этом на появившийся в 1654 году «Саркотис» Якоба Мазениуса. В последующих статьях Лоудер продолжал обвинять Мильтона в намеренных заимствованиях из сочинений Гроция — а именно «Adamus Exsul» * — и «Poemata Sacra» ** Эндрю Рэмзи (1633 год). «Зоил» цитировал произведения восемнадцати различных поэтов, в основном современных, писавших на латинском языке, и решительно утверждал, что Мильтон всем им обязан своей славой, — от «Bellum Angelicum» *** Таубманна (1604 год) до «Triumphus Pacis» **** Каспара Стафорсция, — в подтверждение приводились лучшие строки из этих творений. Выпад возымел свое действие и столь сильное, что Ричард Ричардсон ответил на него памфлетом «Зоиломастикс *****», или Защита Мильтона от всяческих гнусных обвинений мистера Уильяма Лоудера», вышедшим в 1747 году. Ричардсон отметил, что отрывки, на которые ссылается Лоудер, не встречаются в печатных изданиях Гроция и Стафорсция, но, похоже, взяты из латинского перевода «Потерянного рая», выполненного Хогом. Работа Ричардсона была написана раньше, чем к аналогичным выводам пришел Дуглас, однако издана она была лишь после того, как Дуглас обнародовал плоды своих изысканий.

В 1749 году Лоудер, собрав воедино все свои материалы о Мильтоне, опубликовал их под общим

* «Изгнание Адама» (лат.).

** «Священные поэмы» (лат.).

*** «Война ангелов» (лат.).

**** «Триумф мира» (лат.).

***** Бич против Зоила. Это выражение перифразирует прозвище, каким сам себя наделил Зоил: «Гомеромастикс», т. е. бич против Гомера. — *Примеч. ред.*

Джон Мильтон. «Потерянный рай». Иллюстрация Г. Доре

заглавием «О подражании и заимствованиях Мильтона из современных поэтов в „Потерянном рае“». Публикацию, казалось, приняли всерьез, полагали даже, что предисловие написал доктор Джонсон, который дружески встретил Лоудера и поддержал его, когда тот впервые приехал в Лондон. Джонсон и в самом деле считал Лоудера своим подопечным. Впрочем, он был возмущен не менее остальных,

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

включая и издателей Лоудера, когда обман в конце концов был раскрыт. Из двенадцати отрывков, якобы взятых из трагедии Гроция «Изгнание Адама», десять написал и вставил в оригинал сам Лоудер, да и те, как пишет Босуэлл, лишь отдаленно напоминают соответствующие места из «Потерянного рая».

Доктор Джонсон добился у Лоудера признания и даже вынудил Лоудера написать под его диктовку письменное извинение Дугласу; называлось оно «Письмо к преподобному Дугласу о защите оным Мазениуса, от Уильяма Лоудера». Письмо, датированное 1750 годом, содержало изрядный перечень подтасованных строк, в конце же Лоудер пытался уверить, будто вся история была задумана им как шутка. В 1751 году Лоудер был вынужден написать епископу Кентерберийскому, а затем и опубликовать свой «*Delectus auctorum sacrorum Miltono facem praelucentium*» *. За свой обман Лоудер подвергся жестокой критике, так же как доктор Джонсон за содействие ему. Беспощадно расправились с Лоудером в двух работах: «Пандемониум, или Новая адская вылазка, Филалетесом ** некоему созданию по имени Уильям Лоудер в угоду предпринятая» и «Рост зависти... касательно нападок Лоудера на личность Мильтона», обе они вышли в 1751 году. Их авторы безжалостно объясняли обман бедностью Лоудера.

Лоудер был разорен, но не повержен, и в 1754 году появилась еще одна его работа, несколько отличная по подходу, но с новыми нападками на Мильтона, которые, по его утверждению, оправдывали его прежние подделки. В книге под названием «Карл I оправдан» Лоудер заявлял, что подделывал различные отрывки из Гроция именно для того, чтобы обман был обнаружен и обвинение Мильтона в

* «Выбор священных авторов, Мильтону просиявших» (*лат.*).

** «Правдолюбец» (*греч.*) — псевдоним, которым Лоудер подписал статью «Явственная клевета...» (см. выше, с. 110). — *Примеч. ред.*

Джон Мильтон. «Потерянный рай». Иллюстрация Г. Доре

подобных же грехах приобрело большую силу. На сей раз Лоудер обвинил Мильтона в том, что тот прибегнул к подделке в «Eikon Basilike»*: он якобы добавил к тексту взятую из «Аркадии» Сидни молитву (так называемую молитву Памелы), желая создать впечатление, что она вставлена королем. Лоудер заявил, что Мильтон намеренно привлек внимание к явному плагиату и тем самым скомпрометиро-

* «Изображение царя» (лат.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

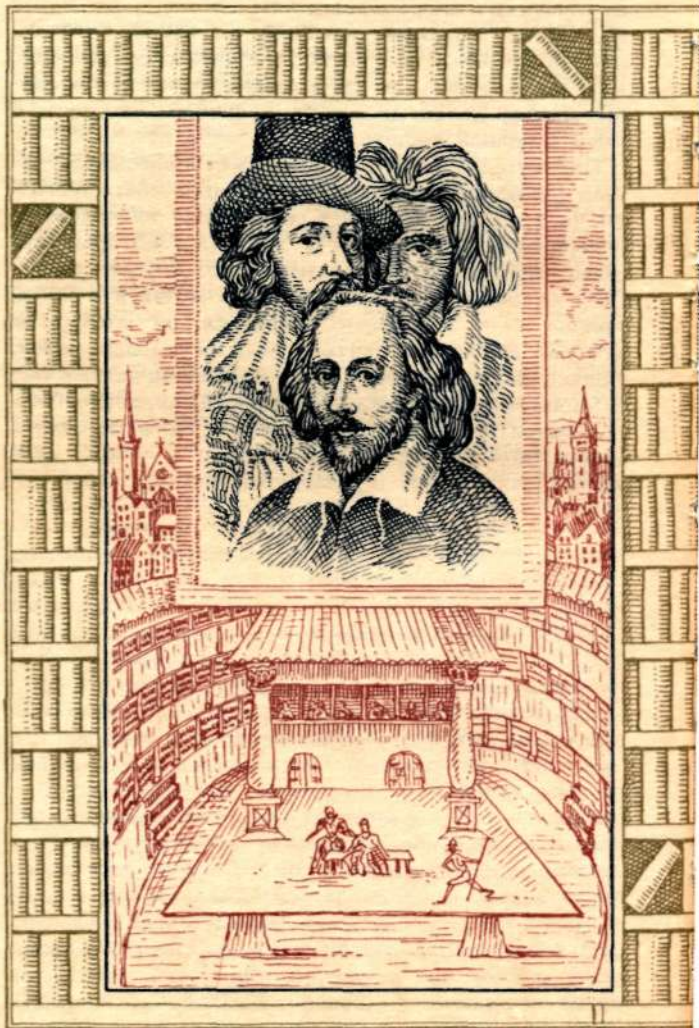
вал короля. Лоудер также утверждал, что Мильтон, пользуясь своим влиянием, заставил типографа Дугарда вставить молитву. Лоудер в своем обвинении сослался на авторитетный труд доктора Т. Бёрча «Жизнь Мильтона» 1738 года издания, где действительно содержится подобное обвинение. Однако из второго издания книги доктор Бёрч изъял это утверждение, признав, что конкретных доказательств у него не было и обвинение было основано исключительно на слухах. Источником такого обвинения послужили три письма, два из которых были опубликованы в «Оправдании Карла I» Т. Вэгстаффа в 1697 году: первое — от некоего доктора Джилла Чарлзу Хэттону; в нем упоминалось, что типограф Кромвеля, Хиллз, говорил ему, будто Мильтон оказывал нажим на Дугарда. Второе письмо было от некоего доктора Фрэнсиса Бернарда, который утверждал, что слышал эту историю. Третье письмо было от доктора Бернарда доктору Гудоллу и содержало ту же историю; это письмо Вэгстафф в своей книге не упоминает. Интересно и то, что в первом издании книги Вэгстаффа нет ссылки ни на одно из указанных писем. Совершенно очевидно, что иных свидетельств о причастности Мильтона к этой истории, кроме слухов, распространенных Хиллзом, не было, хотя и вправду оказалось, что в ранних изданиях «Eikon Basilike» молитва Памелы отсутствует. Впервые она была включена в издание 1648 года, но как она попала в текст и кто в том повинен, так и не ясно.

Лоудер потерпел поражение, и публику уже не интересовало, что еще он скажет. Его последняя попытка подорвать репутацию человека, который давно уже умер и не мог постоять за себя, окончательно провалилась. Лоудер исчез с литературной сцены и в конце концов обосновался в Вест-Индии, а позднее открыл среднюю школу на Барбадосе. Это начинание, как и все прочие в его жизни, было обречено на полный провал, и несчастье почти окончательно сломало его дух и поставило на коле-

ИЗ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ни. После недолгих скитаний он решил открыть мелочную лавку в Рубеке и купил себе рабыню, которая помогала ему на этом последнем его поприще. Лоудер дожил до весьма преклонного возраста и умер в полной нищете.

Поразительно, что ученый с блестящим литературным дарованием и прекрасной будущностью опустился до того, что обрушил свою злобу на человека, совершенно неповинного в грехах, в которых его обвиняли. Распаленный ненавистью, Лоудер сам навлек на свою голову позор и бесчестье и в конце концов был вынужден удалиться со сцены, на которой вполне мог сыграть одну из ведущих ролей. Родись он сегодня, ему, с его навязчивой ненавистью к Мильтону, наверняка прописали бы курс лечения у психиатра и скорее всего излечили бы и вернули к нормальной жизни, где бы он смог в полной мере использовать свой недюжинный литературный талант.

... не был ли Шекспир своего рода ширмой для другого писателя, который по каким-то причинам пожелал остаться неизвестным?

ШЕКСПИР,
БЭКОН, МАРЛО —
КТО ЖЕ?

Вряд ли стоит в книге о литературных подделках обсуждать, Шекспир или нет написал те пьесы, что подписаны его именем. Тут мне следует проявить необычайную осмотри-

тельность, ибо я не имею ни малейшего желания вносить что-либо новое в долголетние споры. Интересующая нас проблема заключается в том, не был ли Шекспир своего рода ширмой для другого писателя, который по каким-то причинам пожелал остаться неизвестным.

Частная жизнь Шекспира — или, вернее, ее отсутствие — излюбленный аргумент в этих спорах. Хорошо известно, что Шекспир появился на литературной сцене лишь в 1592—1593 годах, то есть сразу после смерти Кристофера Марло, причем оба они были одного возраста. Недостаточная, по-видимому, образованность Шекспира тоже была козырем в руках скептиков, по мнению которых, проявить в пьесах такие обширные познания мог лишь человек весьма образованный. О юности Шекспира известно немного; мы знаем, что он спешно женился в восемнадцатилетнем возрасте и к 21 году был уже отцом троих детей. Известно, правда, что писать он начал лишь в тридцать лет, а для человека, жившего во времена Елизаветы, это уже было солидным возрастом. Так что же мы все-таки знаем о детстве и юности Шекспира? Крещен он был в приходской церкви в Стратфорде-на-Эйвоне 26 апреля 1564 года. Точная дата его рождения неизвестна, многие считают, что он родился 23 апреля, но тут возможна и ошибка, связанная с датой смерти Шекспира: 23 апреля 1616 года. Отец его был перчаточником, но порой торговал и разным сельскохозяйственным товаром: ячменем, лесом, шерстью. Мало знаем мы и о том, где Уильям учился, хотя известно, что в Стратфорде была бесплатная средняя школа. Ходил ли в эту

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

школу юный Шекспир, мы тоже не знаем, однако денежные дела отца к 1557 году расстроились, и маловероятно, что Шекспиру, а ему в то время было 13 лет, позволили продолжать учение, когда денег в семье и так было в обрез. Следующее упоминание о Шекспире относится ко времени его женитьбы на Анне Хэтеуэй, то есть к восемнадцати годам. Брак был заключен 28 ноября 1582 года. Со свадьбой торопились, поскольку невеста была беременна; записи показывают, что первого ребенка, девочку по имени Сусанна, крестили 26 мая 1583 года. В феврале 1585 года Анна снова родила, на этот раз близнецов, которых назвали Хэмнет и Джудит. В 1584 году Шекспир покинул Стратфорд — должно быть, не без оснований — с репутацией необузданного пьяницы, да еще подозреваемого в браконьерстве. Далее след его теряется, и лишь в 1592 году он снова заявляет о себе, уже как актер и драматург; затем снова исчезает и появляется только в 1594 году, когда после чумы и связанных с ней волнений вновь открываются театры. Именно в этом, 1594 году Шекспир становится заметной фигурой в труппе лорда-камергера, с которой потом был связан до самой смерти. Сотрудничая с этой труппой, Шекспир писал в среднем по две пьесы в год, что, разумеется, совсем не мало. В 1596 году он вернулся в Стратфорд-на-Эйвоне, где купил дом, расплатился со всеми отцовскими долгами и даже обзавелся гербом. И все же он по-прежнему не расставался с Лондоном — большую часть времени он жил в Саутворке — и лишь в 1610 году окончательно поселился в Стратфорде, где вел жизнь истинного джентльмена и даже принимал участие в общественных делах города. Умер Шекспир 23 апреля 1616 года, похоронили его в алтарном приделе приходской церкви. Как ни странно, после Шекспира не осталось ни одного письма или рукописи. Найдены всего четыре его подписи — на завещании, на показаниях в небольшом судебном деле и две на документах, связанных с покупкой

Малоизвестное изображение Шекспира

дома. Руку Шекспира пытались подделать не единожды, но всякий раз обман раскрывался.

В 1769 году некий Герберт Лоренс опубликовал книгу под заглавием «Жизнь и приключения Здравого смысла», в которой высказал любопытное предположение, что вовсе не Шекспир был автором приписываемых ему пьес. Лоренс был убежден, что пьесы эти принадлежат перу Фрэнсиса Бэкона. Но теория эта не привлекла особого внимания ни тогда, ни позже, в 1852 году, когда в «Чемберс джорнэл» появилась статья Дж. С. Харта «Кто писал пьесы

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Шекспира?». Лишь в 1856 году в книге Уильяма Генри Смита «Бэкон и Шекспир: исследование, трактующее об актерах, театрах и драматургах во времена Елизаветы» впервые было высказано определенное — в пользу Бэкона — мнение на этот счет. Смит утверждал, что о жизни Шекспира известно необычайно мало и вряд ли этот человек обладал культурой, необходимой, чтобы сочинить пьесы, известные теперь под его именем. С другой стороны, Бэкон обладал не только необходимой культурой и широкой эрудицией, но и опытом поэта и драматурга. Смит полагал, что Бэкон писал анонимно, дабы не уронить достоинства государственного деятеля. Тридцатью годами позже спор перекинулся через Атлантику: судья Нэтэниэл Холмс опубликовал «Авторство Шекспира», также пытаясь приписать заслугу создания пьес Бэкону. За этими публикациями последовал ряд других, каждая из них вносила в спор свою лепту. Но, увы, ни один автор не мог подкрепить свои утверждения убедительными доказательствами.

Позднее авторство стали приписывать Кристоферу Марло, который не только был современником Шекспира, но даже родился с ним в один год. Их имена связал американец Келвин Хоффман — более двадцати лет он собирал данные, доказывающие, по его утверждению, что именно Марло был автором приписываемых Шекспиру сочинений. Я не причисляю себя к восторженным поклонникам пресловутого Барда, однако это вовсе не означает, что я разделяю аргументацию Хоффмана. Лично я был бы удовлетворен куда более, будь у меня уверенность, что Кристофер Марло не писал этих пьес.

Результатом двадцатилетних поисков Хоффмана стала его книга «Человек, который был Шекспиром». Хоффман странствовал по Германии, Дании, Франции, изучал могилы и затхлые склепы: можно представить себе вырвавшийся у него крик отчаяния, когда он открыл склеп лорда Уолсингема, рассчиты-

Фрэнсис Бэкон

вая найти там подтверждения своей гипотезы, — и не нашел ничего. Люди по самой своей природе оказались, видимо, главным препятствием на пути его поисков — к кому бы он ни обращался, ответ был один: «Какая разница?» За исключением жителей Стратфорда-на-Эйвоне, да и то скорее озабоченных возможной потерей выгодной приманки для туристов, интереса к спору высказывали мало. Простому человеку было почти или вовсе безразлично, кто

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

был автором пьес, написанных, как его учили в школе, Шекспиром; пьес, которые, по всей видимости, уже настолько ему надоели за годы учения, что он и знать о них не желает и, едва переступив порог школы, тут же выкидывает все это из головы.

Заметив, что в сочинениях обоих авторов есть сходные отрывки, Хоффман принялся за сравнение. Он отыскал множество мест, которые почти, а в некоторых случаях и полностью, совпадали:

«Эдуард II»

Епископ: О государь —

Эдуард: Ты государем не зови меня; прочь с глаз моих.

Акт V, сцена I

Из Овидия

Спит, как всегда, Луна
с Эндимионом.

«Ричард II»

Нортумберленд: О государь —

Ричард: Не государь я твой. Злокозненный хулиитель.

Акт V, сцена I

«Венецианский купец»

Эй, тихо! Спит Луна
С Эндимионом.

Хоффман сравнивал с шекспировскими произведениями Кида, Грина, Пила, но обнаружил, что если между пьесами Шекспира и Марло большое сходство, то стиль упомянутых авторов сильно отличается от шекспировского. Далее Хоффман утверждал, что смерть Марло была подстроена лордом Уолсингемом, чтобы избавить Марло от неизбежного ареста по обвинению в безбожии.

Недолгая жизнь Марло была бурной, и краткий пересказ ее объяснит, отчего арест его был неизбежен. Марло родился 6 февраля 1564 года в Кентербери, в семье сапожника; из всех детей выжило пять, он был старшим. Его незаурядные способности проявились уже в самом раннем возрасте; он добился присуждения стипендии в Королевской школе при Кентерберийском соборе, где впоследствии учились такие знаменитости, как Хью Уолпол и Сомерсет Моэм. Марло проучился там два года; за это время он проявил блестящие способности, что позволило

ШЕКСПИР, БЭЖОН, МАРЛО — КТО ЖЕ?

ему снова получить стипендию, на этот раз в колледже Тела Христова в Кембридже. Семнадцать лет он поступил в университет, для юноши елизаветинских времен, пожалуй, уже довольно поздно. Стипендию ему выдали при условии, что он будет изучать богословие, хотя это и не был теологический колледж. Одним из наставников Марло в колледже был Фрэнсис Кетт, в 1589 году сожженный на костре за ересь; вполне вероятно, он и повинен в том, что в конце концов Марло склонился к безбожию.

Стипендию Марло назначили на шесть лет: за годы, проведенные в Кембридже, он завел знакомство с самыми разными людьми, в том числе из богатых семей, с которыми он забывал о своей бедной юности в Кентербери. В 1584 году Марло получил степень бакалавра искусств, но в «Ordo Senioritatis» * он был лишь сто девяносто девятым из 231 выпускника: успех довольно скромный для того, кого считали блестящим студентом. Позднее считалось, что в университете он усердно занимался лишь теми предметами, которые его интересовали.

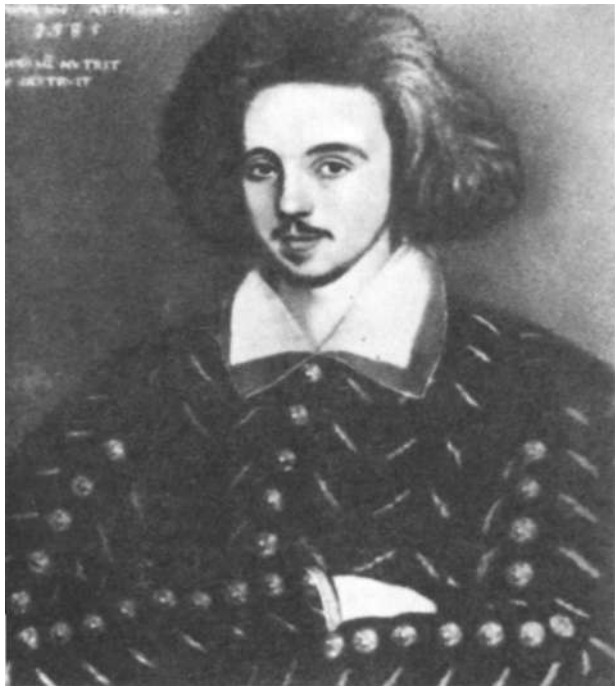
Во время второго и последующих лет учебы в университете он позволял себе длительные таинственные отлучки, и только благодаря вмешательству Тайного Совета, заступившегося за Марло в последний год обучения, университет позволил ему держать экзамен на степень магистра, которую он получил в 1587 году. Марло подружился с Уолсингемами из Скэдбери, родственниками тогдашнего министра. Был он дружен и с сэром Уолтером Рэли и связан с кружком, известным позднее как «Школа атеизма Рэли». Дружба с Уолсингемами вовлекла его в интриги и шпионаж; некоторое время он даже был агентом в католической семинарии близ Реймса, излюбленном месте собраний британских католиков, надеявшихся увидеть на троне католичку Марию.

* «Реестр выпускников» (лат.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Окончив университет, Марло жил в праздности — большую часть пьес он написал еще во время учения в Кембридже. Марло нередко бывал замешан в разных историях, несколько раз попадал в тюрьму, а в 1589 году даже был арестован по подозрению в убийстве, но вскоре освобожден. В 1593 году был арестован и его приятель-драматург Томас Кид, при обыске у него обнаружили некоторые бумаги, еретически «отрицающие божественность Иисуса Христа». Под пытками Кид сознался, что бумаги принадлежат Марло и он их прихватил по ошибке. Ордер на арест Марло был уже подписан, но до того, как его успели арестовать, он был убит при таинственных обстоятельствах. Относительно его смерти выдвинуто несколько любопытных версий, и одна из них: Рэли из страха, что под пыткой Марло разоблачит его, подослал убийц. Версия же Хоффмана такова: Марло вовсе не умер, все было подстроено так, чтобы он мог скрыться и избежать неминуемой гибели. Хоффман считает, что Марло сбежал в Италию, где зажил в свое удовольствие, сочиняя пьесы и сонеты, приписываемые теперь Шекспиру. Произведения эти, очевидно, отсылались тому, кто спас Марло, его покровителю сэру Фрэнсису Уолсингему. Уолсингему сначала приходилось переписывать пьесы — ведь почерк Марло могли узнать, — а затем он должен был обойти театры, чтобы найти того, кого можно было бы выдать за автора пьес. Ему повстречался актер на небольшие роли по имени Уильям Шекспир, который более чем охотно согласился стать «автором» этих пьес.

Доводы Хоффмана, что только человек образованный и много путешествовавший мог написать такие пьесы, как «Укрощение строптивой», «Два веронца», «Венецианский купец», не лишены оснований, а большое сходство между поэмами Марло «Геро и Леандр» и Шекспира «Венера и Адонис» делает эти доводы еще более вескими. Даже специалисты признают, что трактовка сюжета в обеих поэмах почти

Портрет неизвестного юноши, ровесника К. Марло и, вероятно, студента колледжа Тела Христова (1585)

одинакова. Я могу понять Хоффмана, поскольку и сам считаю, что Марло вполне мог написать одну или две пьесы, а может быть и более, ведь многие из них издавались анонимно и были собраны вместе только в фолио 1623 года, то есть через несколько лет после смерти Шекспира. «Тит Андроник», к примеру, по стилю гораздо ближе Марло, чем Шекспиру. Не следует забывать и о том, что авторство Шекспира в отношении семи других пьес,

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

ранее признававшееся, впоследствии было решительно отвергнуто. Вот эти пьесы:

Локрин (1595), У. Ш.

Сэр Джон Олдкасл (1600), Уильям Шекспир.

Томас, лорд Кромвель (1602), У. Ш.

Лондонский блудный сын (1605), Уильям Шекспир.

Пуританка (1607), У. Шекспир.

Йоркширская трагедия (1608), У. Шекспир.

Король Джон (1611), У. Ш., изданная также в 1591 году анонимно*.

Все эти пьесы подписаны именем или инициалами Шекспира, что как-никак предполагает его авторство, и если все же они написаны не им, трудно поверить, что он не высказал никаких возражений, когда пьесы появились в печати. Написал он их или нет?

И если не он, то кто же, и почему их приписывают Шекспиру?

По словам Хоффмана, издатель Шекспира обратил внимание на то, что в рукописях Шекспира никогда не было ни помарок, ни ошибок, что довольно необычно, но зато подтверждает версию Хоффмана, будто Уолсингем переписал все эти пьесы. Однако возможно и иное объяснение: Шекспир был необычайно старателен и в угоду издателю переписывал рукописи. Рукописи эти, разумеется, не сохранились. Написал Марло эти пьесы или нет, мне неизвестно — но в одном я совершенно уверен: если пьесы, подписанные именем Шекспира, писал действительно Шекспир, то находился он под сильным влиянием Марло; если же целый ряд работ был им присвоен, то при сложившихся обстоятельствах едва ли следовало ожидать каких-либо возражений.

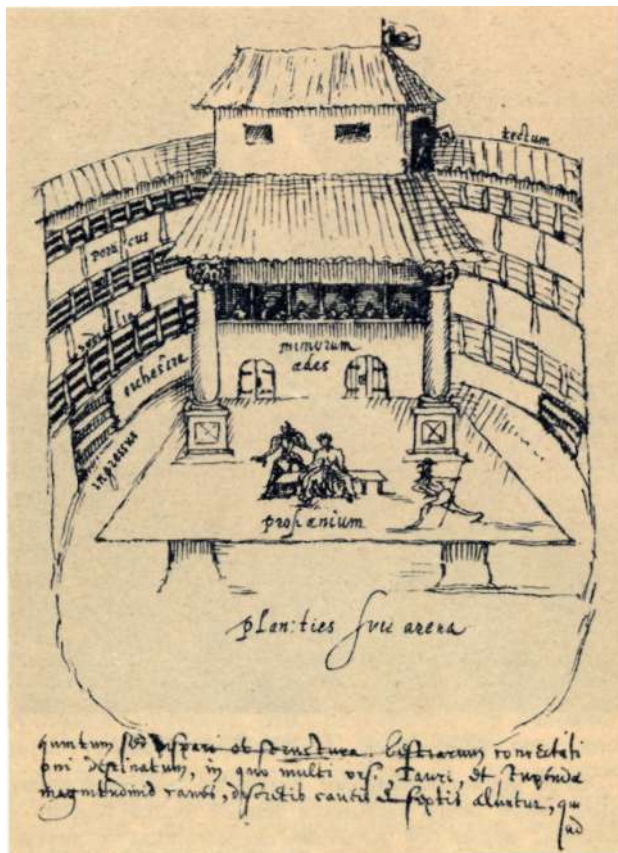
* В отечественной литературе три из этих пьес известны под названиями: «Трагедия Локрина», «Жизнь и смерть Томаса Кромвеля», «Пуританская вдова». — *Примеч. ред.*

Эдвард де Вер, 17-й граф Оксфордский

Хотя предполагаемыми авторами шекспировских пьес чаще всего называли людей ранга Марло и Бэкона, время от времени выдвигались и другие имена. В 1912 году брюссельский профессор Селестен Дамблон опубликовал книгу «Lord Rutland est Shakespeare» *, в которой утверждал, что Шекспир на самом деле 15-й герцог Ратленд; то же писал в 1907 году и немецкий исследователь Карл Бляйб-

* «Шекспир — это лорд Ратленд» (фр.).

Театр времен Шекспира

трой. В 1919 году появился еще один «автор», на сей раз в образе лорда Дерби; о нем написал профессор Абель Лефранк в книге «Sous le masque

ШЕКСПИР, БЭКОН, МАРЛО — КТО ЖЕ?

de "William Shakespeare": William Stanley, VI-e Comte de Derby» *.

В 1920 году Дж. Т. Луни выдвинул предположение, что автором шекспировских пьес был граф Оксфордский; работа вышла под названием: «Шекспир, узанный в Эдварде де Вере, семнадцатом графе Оксфордском». В действительности же нет никаких доказательств, что кто-либо из названных «претендентов» вообще написал хоть строчку стихов. Разумеется, у Шекспира есть свои приверженцы, и они с той же уверенностью, что и сторонники Бэкона и прочих, могут доказывать свою правоту, но неопровержимых доказательств нет и, очевидно, не будет ни у тех, ни у других.

Почему же такие люди, как Готорн, лорд Пальмерстон, Марк Твен, Эмерсон, Джеймс и Диккенс, утверждали, что Шекспир не писал пьес и стихов, ему приписываемых? Отчего никто не говорит, что Лэнгленд не писал «Петра Пахаря», что Чосер не был автором «Кентерберийских рассказов» и что «Потерянный рай» Мильтона повторяет Книгу Бытия, поскольку обе они повествуют об Адаме и Еве? Не знаю, может быть, такие предположения и существуют, но, во всяком случае, они не столь категоричны, как утверждения антишекспирианцев. Все-таки здесь есть что-то загадочное!

* «Под маской Уильяма Шекспира: Уильям Стенли. VI граф Дерби» (*фр.*).

Ныне я убежден, что „Оссан“ Макферсона — великое оригинальное творение...

ОССИАН
И «ФИНГАЛ»

«Ныне я убежден, что „Оссиан“ Макферсона— великое оригинальное творение, написанное именно в то время, когда и было опубликовано— в 60-е годы XVIII столетия, и что

гэльский вариант 1807 года— один из многих переводов».

Так в 1872 году в предисловии к сборнику гэльских баллад, озаглавленному «Leabhar na Feinne» *, писал Дж. Ф. Кемпбелл о «Сочинениях Оссиана», якобы собранных, переведенных на английский язык и изданных в 1763 году Джеймсом Макферсоном.

Джеймс Макферсон родился в Ратвене, в округе Баденох, близ Инвернесса, 27 октября 1736 года. Его определили в приходскую школу, но мальчик так рано обнаружил незаурядные способности, что отец его, близкий родственник главы клана, решил дать сыну самое лучшее образование: он был уверен, что тот достигнет предела его желаний— сана приходского священника. Для бедного шотландского фермера не было ничего выше сей ученой профессии. В шестнадцать лет Джеймс поступил в Королевский колледж в Абердине, а затем еще год в Эдинбургском университете изучал богословие. Правда, ему не удалось получить степень в Абердине, так как пробыл он там недолго. Учебный год удлиннили, и Джеймс не смог позволить себе продолжить занятия.

Сочинять стихи Макферсон начал рано— он говорил, что за годы учения написал 4000 стихотворных строк. В те годы среди прочего появилось и прелестное стихотворное сочинение «Горец», которое он позднее пытался скрыть из-за близкого сходства с «Оссиановой» поэмой «Фингал». Отклики на поэму были многообразны, так, один критик даже назвал ее «сплетением высокопарности и нелепостей». Издатели же говорили, что поэма была нарасхват.

* «Книга фениев» (гэльск.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

По возвращении в Ратвен в 1756 году Макферсон (ему тогда было двадцать лет) получил в ведение приют—для приходского священника он был еще слишком молод. Правда, приют был единственным в округе от Спеймаута до Лорна, так что должность эта была довольно заметной, и Макферсон пользовался уважением соседей, друзей и родственников. Но в конце концов ему прискучила монотонная жизнь, он ушел из приюта и стал—хотя и ненадолго—частным учителем Томаса Грэма, сына лэрда (шотландского помещика) Бэлгауэна, позднее известного как лорд Линдок. Именно тогда Макферсон и познакомился с Джоном Хьюмом, автором «Дугласа», и доктором Александром Карлайлом из Инвереска. Этим двум джентльменам он нередко читал наизусть гэльскую поэзию; на Хьюма это произвело столь сильное впечатление, что он попросил Джеймса перевести на английский язык фрагмент под названием «Смерть Оскара». Услышав перевод, Хьюм и Карлайл пришли в восторг и стали требовать новых и новых переводов. Макферсон решил доставить им это удовольствие и написал еще 16 стихотворений, выдав их за фрагменты большой поэмы. Хьюм настаивал на издании стихов, Макферсон поначалу отказывался—для вида, но в конце концов уступил, и в 1760 году стихотворения были опубликованы под заглавием «Отрывки из древней поэзии, собранные в Горной Шотландии и переведенные с гэльского, или шотландского гэльского языка». По словам Макферсона, он почти дословно перевел шотландские легенды, передававшиеся из поколения в поколение. Он не ошибся, переведя стихи ритмизованной прозой, которую совершенствовал и в последующих своих произведениях; возможно, именно благодаря ей сочинения его имели такой успех. В предисловии к книге Макферсон упомянул большую эпическую поэму, повествующую о войнах Финна, или Фингала.

Книга произвела настоящую сенсацию, литературный мир встретил ее с восхищением. Хью Блэр,

THE
POEMS
OF
OSSIAN,
THE
SON OF FINGAL.

TRANSLATED BY
JAMES MACPHERSON, Esq.

To which are prefixed,
DISSERTATIONS ON THE ERA AND POEMS OF OSSIAN.

Imray's Edition.

We may boldly assign Ossian a place among those, whose works are
to last for ages.

BLAIR.

And shalt thou remain, aged Bard! when the mighty have failed?
But my fame shall remain, and grow like the oak of Morven; which
lifts its broad head to the storm, and rejoices in the course of the wind.
BERRATHON.

VOL. I.

EMBELLISHED WITH SUPERB ENGRAVINGS.

GLASGOW:
Printed by Chapman and Lang,
FOR J. IMRAY, BOOKSELLER.
1799.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

страстный поклонник новоизданных гэльских стихов, организовал подписку, чтобы Макферсон мог продолжить путешествие в горы Шотландии и собрать наиболее изысканные образцы гэльской поэзии. Макферсон не преминул воспользоваться подобной щедростью и осенью 1760 года отправился в путешествие по Шотландии с сотней фунтов стерлингов в кармане. Он посетил западный Инвернесс, острова Скай, Уист и Бенбекьюла, собирая рукописи и устные предания, которые он перевел с великодушной помощью Александра Морисона с острова Скай и почтенного А. Гэлли из Брэй-Баденоха. Вскоре после того он возвратился на остров Малл, где ему удалось собрать еще некоторые материалы. После длительных поисков Макферсон объявил, что обнаружил эпическую поэму о жизни Фингала. В 1762 году поэма была издана под заглавием «Фингал, древняя эпическая поэма, в шести книгах, и некоторые другие стихи, сочиненные Оссианом, сыном Фингала; переведенные с гэльского языка». Поэма была мастерски написана мелодичной ритмизованной прозой, напоминавшей его прежние «Отрывки из древней поэзии», и описывала вторжение в Ирландию Сварана, короля Лохлина (Дании), и победу над ним Фингала. Мнение критиков не было единодушным, особенно в Англии, где многие сочли поэму подделкой. Но широкая публика полюбила книгу, и поэма быстро разошлась не только на Британских островах, но и во многих других странах. К критике Макферсон отнесся пренебрежительно, а когда его попросили представить подлинник рукописи, он отослал своим лондонским издателям Бекету и Де Хондту в Стренде несколько новых рукописей. Оповестив об этом широкую публику, Макферсон предложил издать новые рукописи, если найдется достаточно подписчиков, но таковых не нашлось, и рукописи были ему возвращены.

Герой «найденной» Макферсоном поэмы, Фингал — король древнего государства Морвен на западном

«Фингал» Оссиана. Шмуцитул

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

берегу Шотландии, живший в третьем веке, современник римских императоров Севера и Каракаллы. Макферсон утверждал, что поэмы к тому времени, как он их услышал и записал, возродились и пересказывались более пятнадцати веков. Герои поэмы идеализированы: Фингал и его воины величественны, доблестны, благородны, им ни в малейшей мере не свойственны ни жестокость, ни бесчеловечность. Невольно напрашивалось сравнение с английским королем Артуром и рыцарями Круглого стола. Фингал не знал поражений ни у врагов, ни у прекрасных дам; любовных историй в поэме не счесть, юноши славно погибали в боях, а возлюбленные горестно их оплакивали.

Несмотря на резкую критику, Оссианова «Фингала» приняли те, чье мнение весомее прочих, — читатели. О таком успехе Макферсон и не помышлял, новые и новые издания книги пользовались все большим спросом. Вскоре и читатели на континенте пожелали увидеть и прочесть «Фингала»; появились переводы на немецкий, французский, испанский, итальянский, голландский, датский, русский, польский и шведский языки. Стихи эти взволновали самого Гёте, и он перевел многие из них, чтобы прочесть своим друзьям. Гёте зашел столь далеко, что ввел упоминание о «Поэмах Оссиана» в своего «Вертера», где они в сердце юноши вытесняют Гомера. Все это принесло Макферсону невиданную известность, и скорее всего — именно похвала Гёте. Позднее Гёте понял свою ошибку и стал отзываться об Оссиане с презрением. Еще один пример популярности поэмы Оссиана — сын шведского короля Бернадота был назван Оскаром в честь сына Оссиана. Позже он унаследовал шведский престол под именем Оскара I. Имена героев Оссиана вошли в моду, у ног гордых родителей играли многочисленные Оскары и Мальвины, что, по моему мнению, ничуть не хуже бесчисленных Шайеннов и Мэвериков, расплодившихся в наши дни благодаря популярности некоторых телегероев.

ОССИАН И «ФИНГАЛЬ»

В происхождении Фингала, впрочем, разобраться было не так-то просто. В те времена, к которым относится действие поэмы, между горцами и населением западных островов Шотландии и Северной Ирландии различий было немного. Но с Фингалом все обстояло иначе: ирландцы утверждали, что Фингал—на самом деле Финн Мэкуул, прославленный ирландец, вождь фианов, убитый в сражении при Лифигере в 283 году; шотландцы же уверяли, что Фингал был королем Морвена. И в тех, и в других краях сохранились сказания о своем собственном легендарном «короле Артуре». Был герой Макферсона Финном или Фингалом, вопрос весьма спорный; вполне вероятно, что в основу книги легла не одна легенда.

Желая умножить свой успех, Макферсон совершил ошибку, опубликовав в 1763 году еще одну эпическую поэму: «Темора, древняя эпическая поэма, в восьми книгах, и некоторые другие стихи, сочиненные Оссианом, сыном Фингала; переведенные с гэльского языка». Публикацию Макферсон снабдил особым пояснительным текстом, в котором утверждал, что материал для поэмы был собран во время путешествий по горам и западным островам Шотландии. В пояснительный текст Макферсон включил и отрывок из «оригинала», дабы развеять все сомнения в подлинности работы. Именно в этом отрывке и обнаружили впоследствии многие огрехи и современные слова и выражения. Вольности, допущенные Макферсоном в этой поэме, сослужили ей дурную службу, стиль ее грешит чрезмерной напыщенностью. «Темора» потерпела полный провал, и многие из тех, кто еще сомневался, подлинна ли поэма «Фингал», теперь твердо уверились, что оба произведения—фальсификация. Доктор Джонсон ни на минуту не усомнился, что поэмы поддельны, и будучи спрошен, мог ли их написать его современник, ответил: «Да, сэр; многие современники, многие современницы и даже многие современные дети!»

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Правда, объяснить презрительное отношение Джонсона к эпосам о Фингале и Теморе довольно трудно. Можно понять, что он был убежден в том, что имеет дело с фальсификацией, но отчего он так упорно отрицал какие бы то ни было литературные достоинства этих произведений, остается загадкой; ведь, невзирая на их неясное происхождение, поэмы читала и любила широкая публика. Вкусы Джонсона должны были отличаться необычайной ограниченностью, если он не в состоянии был оценить неподдельное чувство и литературное мастерство этих творений. Возможно, его раздражение вызвали восторги друзей, а может быть, причиной была его известная неприязнь ко всему, что шло из Шотландии, напоминая тем самым о Лоудере: доктор Джонсон не забыл историю тринадцатилетней давности и то возмущение и насмешки, которые последовали за разоблачением подделок Лоудера-мистификатора. Уильям Хэзлитт, напротив, не был настроен столь критически, скорее его можно было назвать непоколебимым приверженцем Оссиана: однажды он написал о «четырех первостепенных поэтических явлениях разных эпох—Гомере, Библии, Данте и, да позволено будет добавить к ним, Оссиане». Макферсон принял все возможные меры предосторожности, чтобы скрыть поддельность «Теморы», он перегрузил поэму вступлением и примечаниями, занявшими в каждой из книг сотни страниц, но проку от его стараний было немного.

Самая первая «находка» Макферсона, «Смерть Оскара», которую он показал и прочел Хьюму, как оказалось впоследствии, отличалась от закрепленной в традиции известной легенды о смерти Оскара. В версии Макферсона Оскар и Дермид были ближайшими друзьями и сражались бок о бок на поле брани. Оба полюбили одну и ту же девушку, дочь Дарго, и решили драться из-за нее. Оскар убил Дермида, а затем пошел к девушке и попросил ее показать свое искусство стрельбы из лука. Он

ОССИАН И «ФИНГАЛЬ»

прикрепил к дереву щит, а когда девушка пустила стрелу, Оскар встал перед щитом, и стрела пронзила его. Сраженная горем девушка покончила с собой, и влюбленных похоронили вместе. Об этом поединке не рассказывается нигде, кроме перевода Макферсона, меж тем как найдено немало вариантов иного описания смерти Дермида и Оскара: Дермид и Оскар были друзьями, но Дермид прогневил Фингала, тайно бежав с девушкой, предназначенной Фингалу в невесты. Дермида спасло вмешательство Оскара, но Фингал решил отомстить и послал Дермида выследить и убить свирепого и опасного вепря, наводившего ужас на Бен Гулпин. Спину вепря покрывала ядовитая щетина, но Фингал ничего не сказал об этом Дермиду. Дермид убил вепря и вышел живым из тяжелого испытания, тогда его попросили пройти по туше и шагами измерить длину чудовища. Щетина сквозь подошву вонзилась в ногу Дермида, и он умер. Оскар же позднее погиб в сражении, которое положило конец царствованию фианов. Каирбар, король Эрина, задумал посягнуть на власть фианов, и в долине Гавры дал им решительное сражение. Каирбар и Оскар встретились в рукопашной схватке, и каждый нанес смертельный удар, но Каирбар умер мгновенно, а Оскар, прежде чем отойти в мир иной, о многом успел поведать нам, и поведать в стихах.

Когда Макферсону в противовес его утверждениям представили эту историю, он тут же прибегнул к увертке и заявил, что было два Оскара: один, сын Оссиана, был убит в битве при Гавре, другого, сына Карута, сразила стрела, выпущенная из лука его возлюбленной. Макферсон пошел еще дальше: он допускал, что поэма не принадлежала перу Оссиана, а была лишь подражанием его стилю и манере. В легенде действительно есть и другой Оскар, но он сражается на стороне врага, Каирбара, и тоже погибает при Гавре от руки первого Оскара, прежде чем тот был убит. Дермид упоминается во многих

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

легендах, но всегда как любовник жены Фингала Гранни, и он всегда погибает во время охоты на вепря. «Смерть Оскара» появилась в начале карьеры Макферсона — тогда еще собирателя и переводчика поэзии горцев — и ввела в полное заблуждение Хьюма, который не только сам пришел от нее в восхищение, но и заразил им множество своих друзей в Эдинбурге. Вскоре и сам Макферсон перебрался в Эдинбург — он еще по-прежнему давал частные уроки, — и когда его попросили продолжить свои переводы, он охотно откликнулся к полному восторгу ученых мужей шотландской столицы. Так появилась его эпическая поэма «Фингал».

Предисловие к «Фингалу» полностью излагало сюжет поэмы: Сваран, король Лохлина, командовал кораблями, которые покинули берега Дании, чтобы вторгнуться в Ирландию. Высадившись на берег, армия Сварана встретила с ирландской армией под предводительством Кухулина, и та вскоре была обращена в бегство. Фингал прослышал о вторжении и поспешил на помощь своим союзникам — ирландским друзьям кельтам. Он быстро собрал флот и двинулся к берегам Ирландии, где разбил армию Сварана и изгнал ее с ирландской земли. Известно, что Макферсон еще до того, как сообщил о своей находке, в Эдинбурге изложил сюжет Дэвиду Юму. Он сказал, что знаком со старым деревенским врачом из Локабера, который знает поэму наизусть, и даже примерно определил длину поэмы в девять тысяч строк — но объявил миру о великой находке только после своего путешествия по Шотландии на деньги подписчиков.

По книгам Макферсона разбросаны подлинные фрагменты из Оссиана, которые ему в самом деле удалось обнаружить, так что подделка не избежала прикосновения подлинника. Всякий раз, однако, Макферсон нарушал цельность отрывка, давая его лишь в обрамлении своих строк, разрывая подлинные строки на фрагменты и используя их по своему

ОССИАН И «ФИНГАЛЬ»

разумению. Он водворил Фингала в ту эпоху, когда Британия была под властью Рима, в его поэме шотландцы — и те боролись против могущественной Римской империи. Подобно Бертраму, Макферсон повлиял на суждения Гиббона, когда тот писал «Закат и падение Римской империи»:

«Фингал, чью возрожденную славу вместе со славою других героев и бардов воспело на нашем языке это недавно изданное творение, в то достопамятное время, как свидетельствует поэма, предводительствовал каледонцами, не покорился мощи Севера и одержал блистательную победу на берегах Каруна...»

Римляне были всего лишь эпизодом в жизни Фингала, основными его противниками были викинги под предводительством двух королей: Старно и Сварана. Задача эта для Фингала была, пожалуй, нелегкой и каверзной, ведь корабли викингов появились у британских берегов лишь около 787 года, то есть примерно через 400 лет после того, как римляне их покинули. Магнус Босоногий, прототип макферсонова Сварана, умер еще позже, в 1103 году, и все же ухитрился в 211 году победить Каракаллу!

Слава Макферсона не померкла бы так скоро, не пытайся он множить ее столь рьяно — за два года им написано было два эпоса. Вскоре уже немногие верили в их подлинность, а в определенных кругах их безоговорочно отвергали, считая поддельными. В 1764 году Макферсон спешно покинул литературную сцену и отправился во Флориду как секретарь Джорджа Джонстона. В феврале 1763 года Испания уступила Флориду Англии, и Джордж Джонстон был назначен на пост губернатора. Он, в свою очередь, предложил Макферсону должность секретаря в сочетании с постом Президента Совета и начальника таможни. Макферсон уехал из Англии в Пенсеколу на два года, но лишь небольшую часть этого времени он провел на службе у Джонстона. Вскоре по приезде во Флориду они поссорились, и

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Макферсон ушел со службы. Его пост давал 200 фунтов годового дохода, и ему назначили эту же сумму по возвращении в Англию, при условии что он посвятит свою литературную деятельность политике. И в то же время от него постоянно требовали оригиналы, с которых он делал переводы своих поэм; многие, в том числе Джонсон, предлагали, чтобы он собрал все рукописи воедино, дабы их изучили специалисты, выяснили их подлинность и раз и навсегда покончили с разногласиями. Однако Макферсон оставался глух ко всяким советам и замечаниям.

В 1762 году английский священник доктор Уорнер начал первую атаку на «Фингала» в памфлете, вышедшем в свет через три месяца после издания поэмы. Начал он так: будучи англичанином, он судит совершенно беспристрастно и может выразить непредвзятое мнение о работе. Затем он перечислял ряд серьезных ошибок, допущенных Макферсоном. Вождь или король, воспетый в эпосе под именем Фингала, был на самом деле Финн, ирландский герой; нет ни одного свидетельства о вторжении в Ирландию из Скандинавии до нападения на нее датчан столетия спустя после времени действия поэмы: ирландские историки дали точное описание жизни и смерти Кухулина, по их свидетельствам, он жил в иное время, чем Фингал. В заключение Уорнер заметил, что Макферсон внес в ирландскую историю полную неразбериху. Даже на континенте раздалось голоса критиков, отрывки из «Фингала» начали сопоставлять с отрывками из других произведений. Так, «Обращение к солнцу» в «Картоне» напоминало строки из речи Сатаны к солнцу в мильтоновском «Потерянном рае»; жалобы Оссиана на слепоту оказались схожими с ламентациями Мильтона; описание павшей Балкуты, по-видимому, навеяно определенными отрывками из Исаяи. Эта критика появилась в «Журналь де саван» в ноябре 1762 года; тот же журнал продолжил нападки в 1764 году серией

ОССИАН И «ФИНГАЛ»

статей некоего «М. де С», обвинявшего Макферсона в том, что он выдумал совершенно иной ход истории, для того чтобы поместить туда описываемые им события. М. де С. тем не менее высоко оценивал поэтический дар Макферсона, а творение его назвал великолепным. Однако автор статей считал необходимым, чтобы Макферсон раскрыл, какие источники он перевел в своей работе, поскольку, по его мнению, Макферсон перепутал все на свете, изменив имена действующих лиц и названия мест до неузнаваемости.

В 1766 году Чарлз О'Конор в своих «Рассуждениях об истории Ирландии» резко обрушился на Макферсона за небрежное обращение с ирландской историей, но особенно за то, что Макферсон обвинял в небрежности ирландских историков. О'Конор перечислял те же ошибки, что и доктор Уорнер: несовпадение времени жизни Кухулина и Фингала (Финна), упоминание о вторжениях в Ирландию отнюдь не в то время, когда они действительно происходили. О'Конор отметил и то, что Макферсон не силен в географии: Мойлена оказалась в Ольстере вместо графства Кингс, а Тара (Темора) в Ольстере вместо Мита.

Доктор Джонсон, как я уже упоминал, был одним из самых рьяных критиков Макферсона и доставлял ему массу неприятностей. Он высмеял все притязания Макферсона и высказывал открытую неприязнь к его трудам. Даже путешествие в Шотландию, по общему мнению, Джонсон предпринял исключительно для того, чтобы отыскать улики против Макферсона. Джонсон, впрочем, это отрицал, хотя и признал, что кое-что относящееся к делу им было найдено. Он встретился на Гебридах со священником, неким Макквином, уверившим Джонсона, что красота поэм Макферсона не идет ни в какое сравнение с истинной красотой гэльских преданий. Когда позднее Босуэлл обратил внимание Джонсона на слышанную им поэму, необычайно сходную с

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

фрагментом из поэмы Макферсона, Джонсон отозвался на это в свойственном ему духе:

«Но, сэр, я всегда именно это и утверждал. Он выискивал имена, истории, фразы, более того, обрывки старых песен и сплел из всего этого свои собственные сочинения, и теперь всю эту мешанину он всему свету выдает за переводы древних поэм».

В «Путешествии к Западным островам» Джонсон отзывается о поэмах Оссиана с презрением и нетерпимостью:

«Я думаю, они и не существовали в форме, отличной от той, что мы лицезрели. Ни издатель, ни автор так и не смогли предъявить подлинник, да и никому другому это не удастся. Мстить разумному скептицизму, отказывая ему в объяснениях, — высшая степень высокомерия, еще неизвестного миру; упрямая дерзость — последнее прибежище виновности. Будь у него рукописи, отчего бы их не показать, но откуда им у него взяться? К тому же вещь эта слишком длинна, чтобы сохраниться в памяти, да и язык этот не имел письменности. Без сомнения, он вставил в поэму имена, известные из народных преданий, и, возможно, перевел несколько расхожих баллад, если таковые еще можно сыскать в Шотландии. Собранные вместе, эти имена и образы заставляют легковерного читателя вообразить — да еще с помощью слепого каледонского фанатизма, — будто он уже раньше слышал целиком всю поэму».

Макферсон, узнав, что книга доктора Джонсона будет включать приведенные выше порочащие его слова, был несказанно возмущен. Он просил издателя, чтобы тот потребовал от Джонсона убрать из книги подобные высказывания до того, как она выйдет в свет, в противном случае Макферсон угрожал неприятностями как издателю, так и самому доктору Джонсону. Но издатель известил его, что книга уже напечатана и вышеуказанные оскорбления изъять невозможно. Макферсон пришел в ярость и написал Джонсону, что только преклонный возраст и

ОССИАН И «ФИНГАЛ»

неомощность доктора спасают его от обращения, которого достоин всякий клеветник и бесчестный лжец. К письму прилагалось объяснение, должностующее быть помещенным в книгу в противовес упоминавшимся оскорблениям. Джонсон с полным пренебрежением отнесся к письму Макферсона, и книга вышла такой, как и была задумана. Тогда Макферсон отправился к Бекету, своему прежнему издателю, и тот поместил в газетах следующее объявление:

«К публике

В последней своей публикации доктор Джонсон утверждает, что ПЕРЕВОДЧИК ПОЭМ ОССИАНА якобы «так и не смог предъявить подлинник, да и никому другому это не удастся». Настоящим я удостоверяю, что оригиналы «Фингала» и других поэм Оссиана в 1762 году были на несколько месяцев выставлены в моей лавке на обозрение любопытствующим. Публика получила возможность ознакомиться с ними; более того: предложения опубликовать оригиналы поэм Оссиана были доведены до сведения читателей по всему Королевству, в газетах были помещены соответствующие объявления. Желающих, однако, оказалось немного, и я, убедившись, что для издания стихов достаточно средств собрать не удастся, вернул рукописи владельцу, в чьих руках они находятся и по сей день.

Томас Бекет,
Адельфи»

Но Джонсон остался так же глух и к свидетельству Бекета, как и к гневу Макферсона. А Макферсона настолько оскорбило подобное отношение, что он послал официальный вызов Джонсону, на который тот охотно ответил, подтвердив свое мнение, что противник его негодяй, шарлатан и мистификатор.

После этого Джонсон купил массивную дубовую трость длиною в шесть дюймов с набалдашник-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

ком диаметром в три дюйма; палка, по его словам, была необходима ему для защиты: пусть только вздумают на него напасть. Ссора Джонсона с Макферсоном стала в те дни притчей во языцех, она была подхвачена газетами и журналами, поддерживающими ту сторону, в правоту которой они верили.

Макферсон хорошо помнил свои юные годы и то, как обращались с кельтами англичане. Он решил проследить роль кельтов во времена, когда цивилизация еще только коснулась Британских островов, и это стало, пожалуй, одним из самых первых исследований в области кельтской археологии и литературы.

Свои открытия Макферсон обнаружил в 1771 году в работе, озаглавленной «Введение в историю Великобритании и Ирландии», которая обернулась настоящим прославлением кельтов. Критики набросились на книгу, сочтя ее проявлением кельтской наглости, а один из них даже назвал кельтов «ордами дикарей». В следующем году Джон Уитикер выступил против Макферсона со своей «Подлинной историей тех, кто считает себя британцами». Тем не менее книга Макферсона выдержала три издания, и Гиббон пользовался ею как историческим источником.

Следующим рискованным выходом Макферсона в печать был перевод «Илиады», выполненный, по его словам, за три месяца. Шотландские друзья убедили Макферсона, что его переводы с гэльского «Фингала» и «Теморы» как нельзя лучше подготовили его к подобному труду. Перевод был издан в 1773 году, и если в Шотландии его хвалили, то в Англии его встретили ледяным молчанием. Макферсону ставили в упрек вольности в обращении с оригиналом, порицали за употребление высокопарных выражений — за которые его «прекрасную, плавную речь» хвалили в Шотландии.

Макферсон, окончательно став литератором, посе-

ОССИАН И «ФИНГАЛ»

лился в Лондоне и упорно работал над новым историческим сочинением под названием «Подлинные документы, раскрывающие тайную историю Великобритании со времени Реставрации и до восшествия на престол Ганноверской династии, с приложением фрагментов из жизни Якова II, описанной им самим»; книга вышла в свет в 1775 году. Ранее Макферсона просили продолжить «Историю Великобритании» Юма: несмотря на большой успех книги, доведена она была только до периода Революции. Юм, однако, не очень радовался выбору преемника; в письме к одному из друзей он писал, что Макферсон — это «самая антиисторическая голова во вселенной». Макферсон с жаром взялся за эту новую рискованную затею, не щадя сил собирал материалы, проверял каждый попавший в его руки источник.

Его «Подлинные документы...» — в предварительной публикации — тори встретили с восторгом, а литературный мир — с удивлением. Макферсона обвинили в том, что он выставил предков самых знатных людей Англии предателями и изменниками. Основной же труд последовал вскоре после этого и назывался «История Великобритании со времен Реставрации до восшествия на престол Ганноверской династии».

Юм был глубоко оскорблен и заявил, что более мерзкой книги он в жизни своей не видел. Несмотря на это, книга имела успех, и за передачу авторских прав на нее Макферсон получил 3000 фунтов стерлингов.

Затем он нашел себе уютное местечко — от имени суда осуществлял надзор за газетами, получая 600 фунтов в год. К тому времени он был неплохо обеспечен и теперь добивался определенного общественного положения в столице. Он переехал в дом в Вестминстере, там он жил, будучи в Лондоне, но при желании мог удалиться в собственную виллу на Патни Коммон. Он даже заказал свой портрет

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Рейнолдсу. Макферсон все еще утверждал, что поэмы Оссиана подлинны, несмотря на бесчисленные уговоры отказаться от этого утверждения.

В 1778 году некий джентльмен по имени Уильям Шоу отправился в путешествие по горной Шотландии с намерением составить словарь гэльского языка. Он был одним из немногих приверженцев Макферсона и надеялся, что сам найдет подлинные оссиановы легенды, а быть может, и отыщет новые гэльские легенды или даже рукописи, не попавшиеся Макферсону во время его путешествия. Он намеревался засвидетельствовать все найденное им у священников и мировых судей, чтобы покончить с прежними недоразумениями, а доктору Джонсону представить убедительные доказательства и заставить его взять обратно свои обвинения. Шоу провел в Шотландии целых полгода, исколесил весь горный Северо-Запад и острова, исследовал долины, пересекал горные хребты, расспрашивал и немощных, и старых, и слепых, ублажая их виски, табаком, а иногда и деньгами, в надежде услышать ту поэзию, которой он так жаждал. Вернулся Шоу совершенно разочарованным: он нашел и услышал немало чудесных стихов о Финне Мэкуэле, немало сказок и удивительных легенд — но весьма мало, а по сути, вообще ничего, о Фингале и Оссиане. Затем Шоу отправился в Ирландию продолжить поиски и там обнаружил много древних ирландских рукописей, и вновь — ничего о Фингале или Теморе.

Тогда и он осознал, что Макферсон провел и его, и многих других, и решил предать свои изыскания огласке. Вскоре Шоу выпустил памфлет «Изучение подлинности поэм, приписываемых Оссиану» и тут же встретил бурю критики и оскорблений. Он был обвинен даже в том, что встал на сторону доктора Джонсона из корыстных побуждений. Однако нет никаких оснований сомневаться, что Шоу был честным человеком, который не только вначале безоговорочно верил Макферсону, но и не пожалел

ОССИАН И «ФИНГАЛЬ»

своих сил, исколесив вдоль и поперек всю Шотландию, единственно лишь для того, чтобы доказать его правоту.

Но увы, сам того не желая, Шоу доказал обратное, а именно то, что Макферсон, как и подозревали уже давно многие вокруг, был фальсификатором.

Макферсон не вмешивался в последовавший за публикацией спор, он предпочел остаться в стороне, предоставив своим страстным почитателям выступить в его защиту. Правда, сам он оказался перед дилеммой. Красотой и совершенством поэм, приписываемых Оссиану, восторгалась вся Европа—и теперь уже было почти доказано, что это мистификация и автор ее сам Макферсон. Признай он поэмы своими, он встал бы в один ряд с лучшими поэтами того времени, ведь автора поэм уже причислили к гениям. И все же он не мог признать их мистификациями и пожать лавры сочинителя, поскольку в этом случае его противники немедленно отпраздновали бы победу, особенно же—главный враг его доктор Джонсон.

И вот Макферсон отделяется намеками, вроде следующих: «Скажу без всякого тщеславия: помоему, я способен писать сносные стихи, и уверяю моих противников, что не стал бы переводить то, чему не смог бы подражать».

Последнее предисловие к поэмам в издании 1773 года он начал так:

«Хотя талант автора и не увеличился за те одиннадцать лет, что поэмы находятся в руках читателей, язык его мог улучшиться. Ошибки в слоге легко допустимы в двадцать четыре года, теперь же его избавит от этого опыт более зрелого возраста, а некоторое буйство воображения смирят приобретенная с годами здравость суждений. Сообразно с этими мыслями автор просмотрел весь труд с вниманием и аккуратностью и надеется, что внесенные исправления довели его до степени, исключая дальнейшие улучшения».

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Строки эти не лишены некоторого лукавства, ведь их легко можно отнести как к Оссиану, так и к Макферсону, и все же относятся они скорее всего к последнему.

В 1776 году в малоизвестном журнале «Раддименз уикли мэгэзин» появилась коротенькая, без подписи автора, биография Макферсона, где о поэмах Оссиана говорилось следующее:

«Благоприятный прием, коим публика встретила некоторые образчики кельтской поэзии, воодушевил Макферсона, и в конце 1761 года он преподнес читателям труд более солидный: «Поэму о Фингале» и прочие поэтические произведения; в следующем году Макферсон в завершение добавил публикацию «Теморы» и оставшихся фрагментов из Оссиана ... самые суровые критики отметили, что в их строках звучало величие гения автора или переводчика...»

Многие считают, что автор этой биографии — сам Макферсон, поскольку он и прежде не раз умудрялся петь себе дифирамбы в анонимных письмах в газеты, подписанных псевдонимами, такими, например, как «Беспристрастный».

В 1785 году Босуэлл отметил, что интерес к спору иссяк и, по его мнению, это вполне закономерно — любые страсти в конце концов умирают естественной смертью. К тому времени и сам Макферсон, по-видимому, потерял интерес к спору, он устремился к иным целям — ему теперь было не до Оссиановых поэм.

Во время американской войны за независимость он поступил на службу к лорду Норту и принялся писать пропагандистские статьи, восхваляющие стиль командования своего патрона, пытаясь убедить англичан, что «на фронте все в порядке». В 1776 году, когда тринадцать колоний издали свою знаменитую декларацию, Макферсона попросили написать ответ, который пришлось бы по душе народу Британии.

И Макферсон сделал это в публикации «Права

ОССИАН И «ФИНГАЛ»

Великобритании — против требований Америки», которая выдержала много изданий подряд, была принята с воодушевлением и, к радости лорда Норта, имела необычайный успех. Служба правительству обеспечила Макферсону в дальнейшем пенсию: 600 фунтов в год, согласно одному источнику, и 800 фунтов — согласно другому.

Затем он занял выгодную должность лондонского агента некоего набоба Аркотского, который незадолго до того вступил в пререкания с Ост-Индской компанией и прервал с ней все связи. Этот пост Макферсон получил с помощью своего родственника, Джона Макферсона, который служил у того же набоба и был послан в Лондон защитить его интересы в тяжбе с компанией. Макферсон помог родственнику подготовить «Письма Мохаммеда Али Хана, набоба Аркотского, совету директоров». Для Джона Макферсона поездка в Лондон завершилась успешно, и впоследствии он был назначен генерал-губернатором вместо Уоррена Гастингса. По предложению Джона Джеймс Макферсон и стал лондонским агентом набоба. На новом посту он необыкновенно разбогател и решил, что ему пора заполучить место в парламенте; в 1780 году обычным порядком он был избран младшим членом парламента от Кемелфорда, графство Корнуолл. В 1784 году, когда Питт Младший одержал победу на выборах, Макферсон стал старшим членом парламента от того же избирательного округа и сохранял это место в течение шестнадцати лет, до конца своей жизни; за это время он ни разу не выступил в палате — воистину бессловесный член парламента. После смерти Уайтхеда в 1785 году Макферсон был среди кандидатов на вакансию поэта-лауреата, но тут ему не повезло, почетное место досталось Томасу Уортону.

Последние годы жизни Макферсон провел на родине; он купил большой участок земли в Баденохе и построил дом на холме с видом на Спей. Он вел

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

праздную жизнь среди родных и близких на любимой им земле. Но даже горячая любовь к родным местам не смогла побороть его тщеславия— хотя он родился и умер в Баденохе, он завещал похоронить себя в Вестминстерском аббатстве; там он и лежит в южном нефе, почти бок о бок со своим злейшим врагом, доктором Сэмюэлом Джонсоном.

Умер Макферсон 17 февраля 1796 года в возрасте 59 лет.

Нападая на Макферсона, Джонсон несколько раз затрагивал его нравственность, и завещание Макферсона вполне подтверждает справедливость обвинений Джонсона. Холостяк Макферсон оказался отцом пятерых детей разных женщин. Своим детям он оставил немалое состояние, а их матерям назначил солидное годовое пособие.

Старший сын, Джеймс, унаследовал его поместье и, в свою очередь, оставил его дочери Макферсона Энн.

Несмотря на утверждения и увещевания Босуэлла, яростные споры продолжались и после смерти Макферсона. В 1797 году Общество Горной Шотландии решило назначить комиссию под председательством Генри Маккензи для изучения всего связанного с притязаниями Макферсона. По всему северо-западному горному краю и островам были разосланы письма всем тем, от кого можно было ожидать хоть каких-либо сведений. Адресатов просили указать, слышали ли они когда-либо, как рассказывали или пели на гэльском языке поэмы Оссиана или иные древние поэмы, и если да, то приобрести, если возможно, их копии и послать комиссии для изучения.

Если же адресат знает кого-либо, кто снабжал материалами Макферсона, то просить его показать ему перевод поэм, чтобы выяснить, насколько он точен.

В ответ полился поток сведений, которые комиссия изучила с величайшим вниманием. Доклад об итогах

ОССИАН И «ФИНГАЛЬ»

исследований был опубликован в 1805 году и свидетельствовал:

1) Что грандиозная легенда о Фингале и его сыне, певце Оссиане, существует в Шотландии с незапамятных времен, что выразительная, волнующая поэзия Оссиана нередко и в обилии встречается в горах Северо-Запада и что до сих пор есть или до недавнего времени было множество тех, кто помнит наизусть немало стихов Оссиана.

2) Что хотя ряд найденных фрагментов явно был положен Макферсоном в основу его творений и иногда они даже совпадают дословно с соответствующими частями работы Макферсона, не было найдено ни одного стихотворения с тем же самым названием или содержанием, что у Макферсона.

3) Что хотя комиссия склонна полагать, что Макферсон, вставив собственные отрывки, восполнил пробелы и связал текст, опустив или сократив отдельные эпизоды, отшлифовал язык и сделал поэму величественней и изысканней, члены комиссии вынуждены признать, что теперь уже невозможно определить, как далеко зашли эти вольности; ибо у Макферсона были преимущества, которыми комиссия не обладает: свои розыски она провела сорок лет спустя, и поиски поэзии Оссиана осложнены значительными переменами, происшедшими за это время в Шотландии.

Ряд переданных в комиссию фрагментов подтверждал, что некоторые стихи Оссиана были подлинными. Полагали, что гэльские версии «Обращения к солнцу» в «Картоне» и «Каррик-Туре» — также подлинники, однако позднее окончательно было доказано, что найденные и посланные комиссии рукописи оказались в Шотландии лишь благодаря Макферсону или его друзьям.

В 1800 году Малькольм Лэйнг, родом с Оркнейских островов, написал и опубликовал «Историю Шотландии». Изучая изданные ранее труды, он обратился и к «Фингалу», однако в приложении к своей книге

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

полностью отрицал подлинность поэм Оссиана, с уверенностью настаивая на их современном происхождении и утверждая, что «авторитетных источников» поэм Макферсона просто не существует в природе.

Правда, Макферсон и его работы покорили Лэйнга, и в 1805 году, после длительного их изучения и исследования, он выпустил новое издание «Поэм Оссиана» в двух томах с комментариями, где сравнивал отдельные места поэм с творениями современных авторов.

Особенно близкое сходство он усматривал с мильтоновским «Потерянным раем».

Но завершился спор лишь в 1886—1887 годах, после появления в «Селтик мэгэзин» серии статей, написанных редактором журнала Александром Макбейном.

Выводы Макбейна были таковы:

«1) Историческая канва поэм убедительно показывает, что сочинитель их был совершенно несведущ в истории древних кельтов. Многие собственные имена — чистой воды выдумка, даже имя Фингал вызывает сомнения.

2) Жизнь, описываемая в творениях Оссиана, полностью расходится со всем тем, что нам известно об обычаях и нравах кельтов.

3) Очевидно сходство поэм с «Горцем» — сочинение это Макферсон опубликовал в 1758 году, но позднее пытался скрыть.

4) Гэльские стихи, без сомнения, переведены с английского, а не наоборот, как того следовало ожидать».

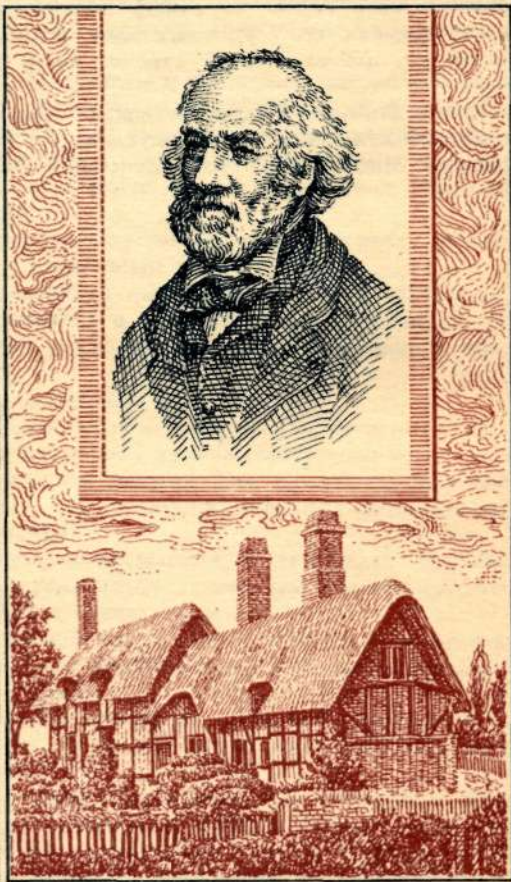
После смерти Макферсона был обнаружен написанный его рукою английский вариант поэм, но никаких следов подлинника — гэльской рукописи или гэльского варианта, записанного во время путешествия, — найдено не было. Приверженцы Макферсона утверждали, что рукописи поэм утеряны или случайно погибли, когда он был во Флориде; против-

ОССИАН И «ФИНГАЛ»

ники же придерживались мнения, что вышеупомянутых рукописей не было и в помине. И тем не менее, кто бы ни написал эти поэмы, неоспоримо одно: «Фингал» был одной из самых популярных книг своего времени, его с удовольствием читали тысячи людей не только в этой стране, но и во всем мире.

Поэмы эти немало способствовали возрождению кельтской культуры, начавшемуся около 1750 года работами Макферсона, Грэя, Мейсона и Эванса.

Приговор всех компетентных палеографов был единодушен:
Кольер — фальсификатор...

БИБЛИОФИЛ,
КОТОРЫЙ
СБИЛСЯ С ПУТИ

Джон Пейн Кольер впервые взялся за перо в восемнадцать лет и не оставил сочинительства и в девяносто. Отец его, Джон Дайер Кольер (1762—1829), литератор,

друг Колриджа и Лэма, издавал «Ежемесячный реестр и критическое обозрение». Джон Пейн родился 11 января 1789 года на Брод-стрит в Лондоне, но детство провел в Лидсе. Из его «Дневника старца» нам известно, что Джон никогда не ходил в школу, а получил домашнее образование и благодаря отцу постоянно вращался в литературной среде. Отец был дружен с книготорговцем Томасом Роддом и иногда, направляясь к нему в магазин, брал с собой сына. Вскоре эти посещения зажгли интерес молодого Кольера к книгам, и он стал собирать библиотеку. Первым его приобретением было «Искусство логики» Уилсона, книга, датированная 1551 годом. Кольер очень дорожил этой книгой, проводил за ней целые часы, перечитывая от корки до корки. Именно благодаря этой книге он и сделал открытие, что пьеса «Ральф Пьян Буян» написана раньше, чем «Иголка матушки Гёртон», считавшаяся самой ранней комедией на английском языке*.

В 1804 году Кольер пошел по стопам отца и поступил в штат газеты «Таймс» репортером судебной хроники, но вскоре перешел в «Морнинг кроикл». В 1809 году отец Кольера ушел из «Таймс» и стал редактором «Ежемесячного реестра и критического обозрения». Место Кольера-старшего в «Таймс» предложили Кольеру-младшему, и тот с готовностью его принял. Впрочем, он не считал, что ремесло газетчика станет делом всей его жизни, он

* Комедия «Ralph Roister Doister» Николаса Юдола была написана в 1551 г.; автор пьесы «Иголка матушки Гёртон», появившейся в 1556 году, неизвестен. — *Прим. ред.*

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

тешил свою душу честолюбивыми помыслами о коллегии адвокатов. Чтобы попасть в это сословие, 31 июля 1811 года он поступил учиться в Миддл-Темпл; однако и тут он обманулся в своих ожиданиях, о чем говорит написанный в 1815 году сонет:

«Прощай», — сколь часто я стиху шептал!
 Прощай, гармонии певучий взлет,
 Что на земле — божественным слывет,
 Как долго юность ты мою питал!
 Сюда, усилия тяжкие ума,
 Плетение словесного тумана;
 Законнических лабиринтов тьма
 Теперь надежда моего кармана.
 В сумятице улик искать изъяна!
 Важнейшее открытье наших дней,
 Для искреннего сердца — оскорбленье!
 С улыбкой говорю в душе моей:
 Отдать подачкам гнусным предпочтенье?
 Нет, пусть нужда, чем в золоте круженье.

В 1816 году Кольер женился на Марии Луизе Пайкрофт, которая родила ему шестерых детей. В 1819 году — тогда он еще работал в «Таймс» — Кольер в своем сообщении неверно передал речь, произнесенную Джозефом Хьюмом в Палате общин, — в ущерб Кэннингу. 15 июня Кольер был вызван в Палату и взят под стражу. Правда, на следующий день покаянное письмо привело к незамедлительному прощению, после сурового выговора от спикера и уплаты штрафа. В том же году в свет вышла первая книга Кольера «Критика виднейших адвокатов, в том числе выступающих в Суде Королевской скамьи, суде общегражданских исков, суде лорда-канцлера и суде по делам казны», подписанная *Amicus Curiae**. В книге осуждалось, и отнюдь не бездоказательно, ведение дел некоторыми адвокатами, в частности Скарлетом, Мэриетом, сэром Сэмюэлом Шеппардом и сэром Сэмюэлом Ромилли. Несмотря на попытки сохранить анонимность, имя автора вскоре стало известно, и позднее на форзаце

* «Друг Суда» (лат.).

THE
 POETICAL DECAMERON,
 OR
 TEN CONVERSATIONS
 ON
 ENGLISH POETS AND POETRY,

PARTICULARLY OF THE
 Reigns of Elizabeth and James I.

BY J. PAYNE COLLIER,
 OF THE MIDDLE TEMPLE.

“So long they read in those antiquities,
 That how the time was fled they quite forgate.”
Spenser F. G. B. II. c. 10.

IN TWO VOLUMES.
 VOL. I.

PRINTED FOR
 ARCHIBALD CONSTABLE AND CO. EDINBURGH;
 AND HURST, ROBINSON, AND CO. CHEAPSIDE, LONDON.

1820.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

своего экземпляра Кольер написал: «Глупо, легкомысленно и губительно для моих видов на будущее, если таковые имелись».

Следующий удар по его планам был нанесен в 1821 году, когда у Кольера возникли разногласия с редактором газеты «Таймс» Т. Барнсом. Кольеру пришлось уйти из газеты и вернуться в «Морнинг кроникл» репортером судебной хроники, а также литературным и театральным критиком и автором передовых статей. Адвокатура стала реальностью для него лишь в феврале 1829 года, когда он уже потерял интерес к этой профессии; он даже отказался от поста полицейского судьи, предложенного ему в 1832 году, а позднее, в 1848 году — и от назначения в суд графства, выхлопотанного ему лордом Кемпбеллом.

В 1820 году Кольер опубликовал «Поэтический Декамерон, или Десять бесед об английской поэзии и поэтах, в особенности о тех, кто жил в эпоху Елизаветы и Якова I»; оказалось, что Кольер знал удивительно много о почти неизвестных поэтах елизаветинской эпохи. Книга стала сенсацией и составила ему имя в литературном мире, том самом, который притягивал Кольера еще со времен его давних встреч с Роддом. Правда, дружеские чувства между ними были в некотором смысле односторонними, так как впоследствии этот книготорговец не преминул воспользоваться неопытностью Кольера. Как-то раз Кольер спросил его мнение об одном из своих приобретений, тиндейлевском неполном экземпляре «Евангелия от Матфея», купленном им во время путешествия по Голландии. Как выяснилось позднее, книга датировалась 1526 годом; по предположению Кольера, это был первый английский перевод Нового завета. Кольер пополнил им свою растущую коллекцию и не вспоминал о книге до 1832 года, когда вдруг решил выяснить у Родда, чего она стоит. Кольер признался другу, что не имеет понятия, представляет ли эта книга вообще какую-то цен-

БИБЛИОФИЛ, КОТОРЫЙ СБИЛСЯ С ПУТИ ность. Родд заявил, что книга эта малоинтересная предложил взамен две-три книги стоимостью около трех фунтов. Кольер согласился, и Родд тут же продал «Евангелие» некоему Т. Гренвиллу за 50 фунтов. Кольер не рассердился на приятеля за обман, видимо, его утешило то, что сам он заплатил за нее всего флорин*.

За «Поэтическим Декамероном» последовали многочисленные работы, в том числе переводы из Шиллера. Но самым внушительным трудом было двенадцатитомное издание «Старых пьес» Додсли, выходявших с 1825 по 1827 год. Позднее Кольер еще более упрочил свою литературную репутацию, опубликовав «Историю английской драматической поэзии до времен Шекспира и летопись театра до Реставрации», издание вышло в трех томах в 1831 году и содержало много новых ценных сведений, в том числе первые литературные мистификации Кольера. Второе издание вышло в 1879 году, причем издатели отказались изъять подделки, обнаруженные к тому времени. Работа привлекла к Кольеру внимание лорда-канцлера, герцога Девонширского — книга была посвящена герцогу, и за оказанную честь Кольеру было вручено 100 фунтов. К тому времени Кольер получил место у Ричарда Хиберы, который предложил Кольеру составить аннотации к ряду книг своей великолепной библиотеки. Кольер с радостью согласился; плодом его трудов стал «Каталог Хиберовской коллекции раннеанглийской поэзии и драмы, старинных баллад и текстов, редких и занимательных книг по английской, шотландской и ирландской истории, а также французских рыцарских романов...»; каталог был выпущен в 1834 году как Часть IV в составе «Bibliotheca Heberiana»**. Повидимому, Кольер писал не переставая, — он не только выпускал книги, но еще и сотрудничал в газете. Столь напряженная работа, как видно, скоро

* монета в два шиллинга. — *Прим. ред.*

** «Библиотека Хиберы» (*лат.*).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

стала ему в тягость, о чем красноречиво свидетельствует отрывок из «Дневника старца», относящийся к 1834 году:

«У человека, который взялся украшать общедоступную и партийную газету передовыми статьями о наблюдаемых изо дня в день событиях общественной и частной жизни объемом не менее чем по пятьдесят колонок в три месяца, и так год за годом, вряд ли найдется достаточно времени для литературных занятий».

Герцог Девонширский, покоренный трудами Кольера, предложил ему стать его библиотекарем и литературным консультантом; на этом посту Кольеру предстояло заняться принадлежавшей герцогу богатейшей библиотекой драматических произведений. Должность была весьма почетной, более того, герцог ввел Кольера в Клуб Гаррика. Вскоре после того лорд Фрэнсис Гоор, граф Элзмиер, позволил ему свободно пользоваться великолепной коллекцией книг и документов, хранившихся в Бриджуотер-Хаус. Получив доступ к столь замечательному собранию, Кольер чрезвычайно заинтересовался жизнью и трудами Уильяма Шекспира. Он посвятил Барду несколько книжиц, например, «Новые сведения о жизни Шекспира, в письме к Томасу Эймьоту... 1835» и «Новые подробности о трудах Шекспира, в письме к почтенному А. Дайсу... 1836». В письме перечислялись стихотворения, найденные лишь недавно и известные, по утверждению Кольера, только в рукописном виде. В работе упоминались пьесы «Ричард Второй», «Зимняя сказка», «Цимбелин», «Макбет», «Венецианский купец», «Много шума из ничего» и «Отелло». Вскоре Кольер выпустил еще одну работу: «Дальнейшие подробности о Шекспире и его трудах, в письме к почтенному Джозефу Хантеру... 1839» с упоминанием о «Венецианском купце», «Двенадцатой ночи», «Цимбелине», «Перикле» и «Буре». В это же время Кольер опубликовал «Каталог библиографический и крити-

БИБЛИОФИЛ, КОТОРЫЙ СБИЛСЯ С ПУТИ
ческий ранней английской литературы, охватыва-
ющий часть библиотеки в Бриджуотер-хаус... 1837». Было напечатано только пятьдесят экземпляров, да и те раздарил владелец библиотеки лорд Фрэнсис Эджертон. Позднее каталог был включен в «Библиографическое и критическое описание редчайших книг на английском языке... 1865», охватывающее все книги, хранившиеся в библиотеке Бриджуотер-Хаус, а также некоторые другие материалы.

1838 год был свидетелем основания Кэмденского общества, и Кольер вскоре стал его членом. Он вступил также в общество Перси и Шекспировское общество, организованные двумя годами позже, в 1840 году, и через некоторое время уже активно участвовал в подготовке публикаций всех этих трех обществ. Первая из них — «Король Джон. Пьеса в двух частях Джона Бейла... 1838», в 1840 году последовало «Наследие Эджертона. Документы общественного и частного характера, главным образом относящиеся к эпохе Елизаветы и Якова I...». В 1845 году Кольер стал казначеем Кэмденского общества и оставался на этом посту до 1861 года. Примечательно, что из шести книг, изданных Шекспировским обществом в первые годы его существования, пять вышли под редакцией Кольера, часть из них — анонимно. Первая книга — «Мемуары Эдварда Эллина, основателя Далидж-колледжа, с некоторыми подробностями о Шекспире, Бене Джонсоне, Мессинджер... 1841» — начинала серию из трех книг, содержащих документы, которыми располагал Далидж-колледж. Правда, позднее оказалось, что ценность их не так велика: впечатление испортили обнаруженные в них подделки. Две другие «далиджские» работы назывались: «Документы Эллина. Собрание документов, свидетельствующих о жизни и временах Эдварда Эллина, а также раннем английском театре и драматургии... 1843» и «Дневник Филипа Хенслоу с 1591 по 1609 год... 1845».

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Известность Кольера стремительно росла, и в 1841 году издательская контора «Уитикер и К"» предложила ему подготовить новое издание сочинений Шекспира. Кольер согласился, однако счел нужным предварительно подготовить почву, опубликовав «Основания для нового издания сочинений Шекспира с замечаниями о недостатках предыдущих изданий и самыми новейшими пояснениями к пьесам, стихам и биографии Поэта... 1841»; в 1842 году публикация эта была переиздана. В 1841—1844 годах вышли в восьми томах «Сочинения Уильяма Шекспира. Текст составлен на основании новейших сравнений прежних изданий, с вариантами, примечаниями, описанием жизни поэта и историей раннего периода английской сцены...». Издание высоко оценили, и оно считалось непревзойденным до выхода Кембриджского издания под редакцией Александра Дайса. В книгу, по-видимому, вошли и некоторые исправления в рукописях, «возможно, по давности относящиеся ко временам правления Карла I и первого фолио 1623 года, что хранится в Бриджуотер-Хаус».

В 1847 году Кольер, член Общества любителей древностей с 1830 года, был избран на пост казначея Общества, а в 1849 году стал его президентом. Когда в 1847 году была назначена Королевская комиссия по изучению состояния; Британского музея, Кольера попросили взять на себя обязанности ответственного секретаря; председателем комиссии стал граф Элзмиер. Кольер решил уйти из «Морнинг кроникл», чтобы посвятить все свое время новой работе. Как секретарь комиссии Кольер всячески противился идее Паницци о создании рукописного каталога фондов Британского музея. Кольер придерживался мнения о бесспорных преимуществах печатного каталога и в подтверждение своей мысли представил образцы таких каталогов. Однако Паницци безжалостно выявил в них многочисленные грубые ошибки, что глубоко задело Кольера; он немедленно написал председателю, перечислив девять преимуществ пе-

БИБЛИОФИЛ, КОТОРЫЙ СБИЛСЯ С ПУТИ

чатного каталога, и, в свою очередь, раскритиковал план Паницци. Вскоре после этого Кольеру пришлось написать второе письмо, теперь уже в ответ на возражения, выдвинутые Паницци. Но Паницци был несокрушим и выиграл сражение; Кольер, однако, прожил достаточно долго и застал появление знаменитого печатного каталога 1881 года—это событие принесло ему огромное удовлетворение. В 1850 году работа Кольера в Королевской комиссии завершилась, и он вернулся в Мейденхед, а 30 октября 1850 года получил пенсию по гражданскому листу за заслуги на литературном поприще.

Но и после ухода в отставку Кольер, похоже, не терял времени даром: в письме в «Атенеум», опубликованном в выпуске от 31 января 1852 года, он объявил, что стал обладателем экземпляра второго фолио Шекспира, датированного 1632 годом, с рукописными примечаниями по всему тексту, сделанными, как то стало ясно, в середине XVII века. В письме он утверждал, что в 1849 году, незадолго до смерти мистера Родда, ему случилось быть в книжной лавке, когда принесли сверток с книгами, которые, по словам Родда, были куплены для него на аукционе. Сверток тут же распаковали, и внимание Кольера привлекли две книги: одна—Итальянский словарь Флорио 1611 года, другая—довольно ветхая и потрепанная—неполный экземпляр второго фолио Шекспира. У Кольера уже был неполный экземпляр второго фолио, но он купил экземпляр Родда в надежде, что сможет найти в нем недостающие страницы и дополнить свой, бывший в несколько лучшем состоянии. И уже купив книгу—Кольер заплатил за нее 30 шиллингов, — он заметил на обложке надпись «Книга сия Го. Перкинса», впоследствии этот экземпляр стал известен как фолио Перкинса. Книгу доставили Кольеру домой, и он решил взглянуть, можно ли дополнить ее страницами свой собственный экземпляр; оказалось, что подходят только две страницы, да и те все в пятнах и

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

порваны. Кольер убрал книгу в шкаф и вспомнил о ней лишь год спустя, когда переезжал в другой дом и просматривал все подряд, отбирая, что взять и что нет. И вот, машинально просматривая книгу, Кольер вдруг наткнулся на рукописные заметки на полях; взглядевшись повнимательней, Кольер пришел к выводу, что, судя по почерку, эти изменения были внесены в текст не позже, чем при Протекторате. В своем письме Кольер представил несколько образцов, а в заключение объявил, что намерен отдать эту редкость на рассмотрение и в распоряжение Совета Шекспировского общества на очередном его заседании. В следующем номере «Атенеума» появилось еще одно письмо Кольера с новыми примерами—в нем Кольер заявлял, что представит книгу и на очередное заседание Общества любителей древностей.

Многие выразили желание увидеть этот замечательный том, но Кольер ни за что не хотел выпустить его из рук и даже не позволил как следует изучить его, невзирая на обещания, данные им в письмах в «Атенеум». Кольер утверждал, что там встречается иная пунктуация, вымараны некоторые отрывки, изменены сценические ремарки, в текст внесены поправки. Все это якобы проделал некто, к кому книга попала вскоре после публикации и у кого явно был доступ к более достоверным источникам, чем у прежних редакторов. Собственно дополнения составили девять полных строк, вставленных в девяти разных местах. В 1852 году Кольер выпустил книгу, вобравшую в себя всю работу этого воображаемого редактора, под заглавием: «Замечания и поправки к тексту пьес Шекспира. Из ранних рукописных исправлений в экземпляре фолио 1632 года, принадлежащем Дж. Пейну Кольеру... 1853». О книге прекрасно отзывались в «Атенеуме» (8 января 1853 года) и других журналах, но знатоки Шекспира встретили ее довольно прохладно; так, Сингер, Дайс и Холливел в ответ на эту публикацию разразились

БИБЛИОФИЛ, КОТОРЫЙ СБИЛСЯ С ПУТИ резкой критикой. С. У. Сингер, например, в 1853 году опубликовал статью «В защиту текста Шекспира», в ней автор впервые усомнился в подлинности не только самих поправок, но и всей рассказанной Кольером истории с книгой. Тем не менее в том же году Кольер выпустил второе издание, снабдив его предисловием, в котором обстоятельно описывал, как его фолио с поправками опознал некий мистер Пэрри, который якобы тоже был когда-то владельцем фолио 1632 года, по описанию точь-в-точь фолио Перкинса. Кольер утверждал, что с помощью Пэрри он смог проследить историю этого тома вплоть до времени его издания.

Вскоре Кольер опубликовал новое издание пьес Шекспира; текст печатался по старым изданиям, но с учетом поправок, найденных в фолио Перкинса. Кольер перенес в текст все без разбора рукописные поправки, притом никак не выделив их из остального текста. Но шекспироведы все еще не были склонны принять эти поправки и продолжали сомневаться в достоинствах новой интерпретации.

В 1855 году Кольер выпустил книгу «Семь лекций о Шекспире и Мильтоне. Прочитаны ныне покойным С. Т. Колриджем»; по словам Кольера, в основу книги легли записи, сделанные им на лекциях Колриджа в 1811 году. Однако вскоре после этого вышла книга «Литературная стряпня», в которой высказывалось сомнение в подлинности всех этих записей. Издатель книги (она вышла без подписи) утверждал, что таких лекций не было вовсе. Тогда 17 января 1856 года Кольер возбудил дело в Суде Королевской скамьи против издателя Рассела Смита, обвинив его в клеветнических нападках. 8 января Кольер поклялся, что все его утверждения и о лекциях Колриджа, и о фолио Перкинса — истинная правда. Дело слушал лорд Кемпбелл, который пришел к заключению, что суд не в праве вмешиваться в подобные конфликты, и отказался что-либо предпринять. Однако лорд Кемпбелл — как и Кольер — сотрудничал когда-то в

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

«Морнинг кроникл» и хорошо знал Кольера, поэтому он воспользовался возможностью заявить в суде следующее: «Я считаю, что утверждения мистера Кольера заслуживают доверия. И надеюсь, могу сказать без опасений, что имею удовольствие быть знакомым с этим джентльменом». Кольер был удовлетворен и дальнейших шагов не предпринял.

10 декабря 1857 года Кольер потерял жену, она умерла в возрасте 70 лет, а вскоре, 17 января 1858 года, умер и его покровитель, герцог Девонширский. До того времени фолио Перкинса ни разу не попадало в руки экспертов, и те не могли ни изучить его, ни удостовериться в его подлинности. Правда, несколько раз книга демонстрировалась, но только в присутствии самого Кольера. В июне 1853 года Кольер неожиданно решил подарить фолио герцогу. Но скоро он осознал свою ошибку: хранитель отдела рукописей, сэр Ф. Мэдден, выразил желание тщательно изучить так называемые исправления, и наследник герцога передал фолио в Британский музей. Эксперты Мэддена немедленно приступили к работе, и в июле 1859 года Гамильтон опубликовал результаты исследования в письмах в «Таймс», за которыми последовала публикация «Исследования подлинности рукописных исправлений в принадлежащем мистеру Дж. Пейну Кольеру экземпляре шекспировского фолио 1632 года». Гамильтон во всеуслышание заявил, что рукописные заметки — современная подделка, имитирующая почерк XVII века. Он обнаружил также, что рукописные исправления нередко соответствовали другим карандашным заметкам на полях, которые, безусловно, были современными. Эти карандашные пометы хоть и были стертые, оставили едва заметный след. Микроскопическое исследование, проведенное профессором Мэскилином, подтвердило, что под чернильными исправлениями «редактора» различимы следы карандаша. Но Кольер заявил, что не делал никаких помет: ни чернилами, ни карандашом — и вообще

БИБЛИОФИЛ, КОТОРЫЙ СБИЛСЯ С ПУТИ

отказался обсуждать этот вопрос. Более того, он снова принялся ссылаться на Пэрри, который якобы узнал фолио и найденные в нем исправления. Дабы проверить это утверждение, фолио снова показали Пэрри, который сразу же заявил, что это вовсе не то фолио, что некогда принадлежало ему, и не имеет с тем ничего общего. Затем Пэрри признался, что прежде, в 1853 году, он пришел к неверному заключению, когда Кольер показал ему факсимиле лишь одной неполной страницы, — и таким образом свое первое заявление он сделал даже не видя книги.

Гамильтон привел в книге гораздо больше подробностей, чем в письмах в «Таймс»: он доказал, что не только фолио Перкинса подложное, но и ряд шекспировских рукописей, в разное время, начиная с 1831 года опубликованных Кольером, также поддельны. Среди них рукописи и из Бриджуотер-хаус, и из Далидж-колледжа, и даже один документ, «найденный» в государственном архиве. Гамильтон выразил сомнение и в том, что человек с опытом и положением Родда станет продавать книги прежде, чем проверит их самым тщательным образом. Кольер тут же ответил пространным письмом, напечатанным в «Атенеуме», письмом неубедительным и ничемным, но полным резких выпадов. Впрочем, на это письмо отозвался distinguished доктор Г. Уэлзли, директор Нью-Инн-Холл в Оксфорде; 13 августа он прислал письмо, которое, казалось, подтверждало, что фолио куплено у Родда. Уэлзли писал, что находился в магазине Родда, когда принесли сверток с книгами, и что он действительно заметил неполный экземпляр фолио. Родд сказал ему, что для коллекционера книга не представляет особого интереса, но когда Уэлзли захотел ее купить, оказалось, что экземпляр уже отложен другим покупателем. Письмо это между тем не вносило полной ясности, а когда к Уэлзли обратились за разъяснениями, он отказался их дать, так что вполне вероятно, он имел в виду совсем другую

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

книгу. Тем временем поддельные находки Кольера рьяно защищала пресса. Г. Меривейл в «Эдинбург ревью» за апрель 1860 года решительно выступил на стороне «старого редактора», при этом, правда, не высказав особого желания защищать Кольера. С другой стороны, Т. Дж. Арнолд во «Фрейзерз мэгэзин» выступил и против Кольера, и против «старого редактора». Приговор всех компетентных палеографов, включая сэра Ф. Мэддена и Т. Д. Харди, был единодушен: Кольер — фальсификатор.

Теперь остается выяснить только одно: стал ли Кольер жертвой обмана—или же вся история его рук дело. Помимо исправлений на страницах фолио, несколько документов, найденных Кольером в разное время и в разных местах, также оказались фальшивыми. Неопровержимо доказано, например, что он поставил подпись Шекспира под неким подлинным письмом, найденным им среди рукописей в Далидж-колледже. Сколько всего подделок на совести Кольера, точно установить не удалось, но в Далидже в 1881 году было найдено, по меньшей мере, еще 16 подделок, и автором их был Кольер. В 1884 году окончательно доказали, что он вносил добавления и в дневник Эдварда Эллина; обнаружилось это при распродаже библиотеки Кольера, в которой оказалась копия дневника со вставками между строчек, сделанными рукой Кольера и соответствовавшими далиджским подделкам. Кольер же тем временем упорно молчал, даже когда в 1861 году ему был брошен вызов в работе доктора К. М. Инглби «Подробные рассуждения о противоречиях, связанных с достоверностью и подлинностью рукописных исправлений в творениях и биографии Шекспира, изданных мистером Дж. Пейном Кольером как плоды его исследований...».

Судя по всему, Кольера совершенно не волновал разгоревшийся вокруг него спор. Он продолжал библиографическую работу и в 1862 году опубликовал «Труды Эдмунда Спенсера. Выпущено (с биогра-

БИБЛИОФИЛ, КОТОРЫЙ СБИЛСЯ С ПУТИ фией Спенсера) Дж. Пейном Кольером» в пяти томах, великолепное издание с самой полной из всех выходивших прежде биографией поэта. В том же году в письме в «Атенеум» Кольер предложил план переиздания редкостей английской литературы в ограниченном числе экземпляров. Его идея должна была быть поддержана двадцатью пятью подписчиками, готовыми разделить затраты на издание. Но через день после публикации письма объявилось столько желающих, что Кольер тут же увеличил число подписчиков до пятидесяти. Таким образом, с 1863 по 1871 год Кольер издал множество редких образчиков английской поэзии и прозы XVI и XVII веков. Более того, он сумел найти время, чтобы подготовить двухтомник «Библиографическое и критическое описание в алфавитном порядке редчайших книг на английском языке, изученных Дж. Пейном Кольером за последние пятьдесят лет... 1865». Из всех работ Кольера эта оказалась самой практически значимой, в нее вошел весь Бриджуотерский каталог 1837 года. Кольер утверждал, что прочел все эти книги и что все отрывки переписаны его собственной рукой. За исключением редкого издания «Истории английской драматической поэзии», появившегося в 1875 году с многочисленными подделками Кольера, все его последующие публикации издавались частным образом.

Наиболее интересной из них был вышедший в 1871—1872 годах «Дневник старца», он состоял из четырех частей и охватывал период 1832—1833 годов. В дневнике было множество занятных литературных сплетен, простиравшихся вплоть до минувшего столетия. В 1874 году Кольер вновь вернулся к фолио Перкинса в книге «Трилогия. Беседа трех друзей об исправлениях в текстах Шекспира, найденных в фолио 1632 года, принадлежащем мистеру Кольеру и учтенных в последних изданиях сочинений Поэта... (1874)». Трое собеседников были Олтен, Кольер и Ньюмен, а цель работы —

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

показать, какое множество поправок внесли в рукописи разные издатели сочинений Шекспира, включая, в частности, Дайса и Сингера. Кольер пожелал «установить, каким образом и в какой мере Дайс и прочие воспользовались моим старым всеми бранимым томом для пояснений и улучшений в тексте шекспировских комедий, трагедий и исторических хроник».

В том же, 1874 году Кольер в очередном письме в «Атенеум» (28 марта 1874 года) сделал попытку доказать, что Шекспир — автор пьесы «Эдуард III», которую Кольер пытался вернуть к жизни. Он сам опубликовал пьесу в издании: «Эдуард Третий: историческая пьеса, приписываемая Эдвардом Кейпеллом Уильяму Шекспиру и, как то доказано Дж. Пейном Кольером, несомненно являющаяся творением Шекспира... 1874». В последний раз Кольер выступил редактором уже в ином издании «Пьес и стихотворений Уильяма Шекспира, с самым точным текстом и кратчайшими примечаниями... 1875—1878» в восьми томах; для каждой пьесы была сделана отдельная пагинация. Это было частное издание, предназначенное только для подписчиков, Кольер позволил напечатать всего лишь 58 экземпляров. В третий том Кольер поместил восстановленную им пьесу «Эдуард III», в седьмой — пьесу «Два благородных родича», в восьмой, последний, были включены «Йоркширская трагедия» и «Муседорус», а также «Жалоба влюбленного» и «Страстный пилигрим», приписываемые Шекспиру. Предисловие к этому изданию Кольер написал в день своего восьмидесятидевятiletия. Он прожил еще пять лет, и 17 сентября 1883 года умер у себя дома в Мейденхеде в почтенном возрасте — 94 года. В августе следующего года его личная библиотека, многие тома которой были снабжены его собственными пометами, была представлена к распродаже, и на многие из книг были назначены необычайно высокие цены. Возможно, самой крупной находкой в его коллекции был список дневника

БИБЛИОФИЛ, КОТОРЫЙ СБИЛСЯ С ПУТИ

Эдварда Эллина, который окончательно разоблачил Кольера как автора подделок. Кроме того, среди бумаг в его библиотеке нашли рукописи нескольких баллад XVII века, фрагменты которых оказались необычайно интересны, особенно в связи с творчеством Шекспира и Кристофера Марло. Тщательно изучив находки, исследователи обнаружили, что перед ними, вне всякого сомнения, искуснейшая мистификация, в которой отрывки из подлинных, хорошо известных в то время старинных баллад переплетались с другими, написанными, по всей вероятности, самим Кольером.

К чести Кольера следует заметить, что, помимо его трудов по изданию Шекспира, мало кто положил столько сил, чтобы вернуть из забвения имена авторов, куда менее известных. Он никогда не был особенно хорошим редактором, ценность его критических суждений также несравнима с той огромной энергией, которую он затрачивал. К сожалению, славу, обретенную благодаря заслугам перед английской литературой, Кольер принес в жертву подделкам, и ни один труд, вышедший из-под его пера, не избежал позорящих его подозрений. Все его утверждения и цитаты следует тщательно проверять, пристрастно изучая каждый том, побывавший у него в руках. Но особенное осуждение вызвало то, что он, литератор, во зло использовал материалы, которые предоставляли ему многие его друзья, трудившиеся на том же поприще. Кольер обладал безупречным характером, репутацией милого, добросердечного человека, но в сфере литературы он оказался тем гнилым яблоком, которое того и гляди испортит всю бочку. Кто знает, может быть, именно его пример толкнул Т. Дж. Уайза на долгий и в основном успешный путь литературных мистификаций, ведь Уайз начал свою деятельность как раз в ту пору, когда жизненный путь Кольера уже клонился к закату, и восприимчивый молодой человек наверняка был наслышан о его трудах.

Кто же он был, этот майор Байрон? Действительно сын лорда Байрона? Или обыкновенный самозванец?

МАЙОР БАЙРОН И ПОДДЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

Личность лорда Байрона мало интересовала меня до тех пор, пока я не получил должность главного библиотекаря в Хакнеллской публичной библиотеке. Город Хакнелл расположен недалеко от Ноттингема, рядом с Ньюстедским аббатством, в свое время родовым именем Байронов; оно было продано шестым бароном Байроном, т. е. самим поэтом. Когда-то Байроны построили здесь приходскую церковь, и в ней, под центральным нефом, находится их семейный склеп. Рядом с церковью — публичная библиотека, работая в которой, я почувствовал, что такое близкое соседство с родом Байронов начинает все больше занимать меня. Подобно многим другим, прежде я всегда полагал, что Байрон похоронен в Греции, где его настигла смерть, и только здесь я наконец узнал, что на самом деле его могила находится в Хакнеллской церкви. Тело поэта доставили на корабле в Англию в надежде, что здесь, на родине, его похоронят в Уголке поэтов в Вестминстерском аббатстве. Этим надеждам не суждено было сбыться — помешали громкие протесты наиболее пуритански настроенных соотечественников Байрона; гроб решили перевезти в Ньюстед и похоронить поэта в его родовом имении. Но Ньюстедское аббатство было уже в руках новых хозяев, и Байрону пришлось довольствоваться семейным склепом в Хакнеллской церкви, где и по сей день покоятся его останки *, буквально в ста ярдах от места моей работы. Фигура Байрона оказалась гораздо интереснее, чем я ожидал, и я прочитал о нем все, что было в библиотеке, где оказалась настоящая коллекция книг о Байроне; в частности, я наткнулся на изданную здесь в 1936 году книгу под названием «Где похоронен Байрон». Написал ее

* С 1963 года могила Байрона находится в Уголке поэтов Вестминстерского аббатства. — *Прим. пер.*

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

покойный викарий Хакнеллской церкви преподобный Барбер. В начале 1930-х годов преподобный Барбер присутствовал при вскрытии склепа Байронов и сам открывал гроб поэта. По свидетельству автора книги, тело Байрона прекрасно сохранилось и черты лица почти не утратили своей привлекательности. По изуродованной ступне лишней раз можно было убедиться в том, что в гробу действительно было тело Байрона.

Еще в самом начале моих исследований в области литературных подделок я задумывался над тем, не приходилось ли и Байрону становиться их жертвой; такой выбор казался мне очевидным, и я не ошибся. Проверая, верна ли эта догадка, я натолкнулся на имя майора Байрона, он же де Жибле и месье Мемуар, — под какими только именами он не выступал на протяжении своей деятельности. История этого человека представляет интерес не столько потому, что он был литературным мистификатором, сколько из-за удивительно упорного стремления доказать, будто он был сыном Байрона. Если верить его словам, в 1809 году лорд Байрон приехал в Испанию и там познакомился с графиней де Луна, в которую страстно влюбился. Вскоре после этой встречи они якобы тайно обвенчались. Венчание произошло в католической церкви незадолго до отъезда Байрона из Испании. В результате этого союза родился мальчик, которого, по ряду причин, воспитывали тайно. Когда же Байрон вернулся в Англию, он предпочел забыть о браке с испанской графиней. Итак, у испанской графини и лорда Байрона родился сын, но это событие избежало широкой огласки. Как утверждал майор Байрон, его мать, чтобы сохранить репутацию семьи, скрывала свое замужество и держала в тайне рождение сына. По словам майора Байрона, его отдали на воспитание строгому гувернеру, которому велено было воспитывать мальчика не в католической, как того можно было бы ожидать, а в протестантской вере. Затем

Мэри Шелли

его посылают в Швейцарию — там он продолжает свое образование, потом — в Париж, где он его завершает. Незадолго до смерти Байрона графиня якобы написала ему о том, что у них родился сын, но дошло ли это сообщение до Байрона, точно неизвестно. Вскоре после того, как юноша завершил образование, его мать умерла, оставив ему в наследство лишь свои бриллианты. Он писал, что тогда он «совершил паломничество по местам, которые стали

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

для меня священными оттого, что их посетил лорд Байрон. От могилы поэта я отправился в Миссолонги ... и далее на Восток, из града султана к порогам Нила, от горы Арарат к устью Ганга».

После нескольких лет путешествий он вернулся в Англию, где, по его словам, получил звание майора британской армии и был назначен командовать полком сипаев в Ост-Индии: В 1841 году майор отправился в Америку, где умудрился сразу же надеть долги и, пытаясь выпутаться из них, послал умоляющее письмо тогдашнему обладателю титула лорда Байрона, сетуя на затруднения и всячески подчеркивая свое происхождение, — но письмо его осталось без ответа. Тогда он написал Джону Марри, издателю произведений Байрона, и попросил у него в долг 500 фунтов для покупки фермы в Вайоминге. Ни на эту, ни на последующие просьбы о деньгах тот не откликнулся. Майор пытался одолжить денег у своей «сестры» Ады — дочери лорда Байрона, носившей тогда титул графини Лавлейс, но не получил от нее ничего, кроме холодного и насмешливого ответа.

В 1844 году майор решил вернуться в Англию и, приехав в Лондон, свел знакомство с писателем и книготорговцем Джоном Райтом. В то время Райт по заказу Джона Марри готовил к печати письма лорда Байрона, вошедшие в книгу Томаса Мура «Жизнь Байрона». Майору удалось узнать, что несколько писем слишком частного характера Райт отверг как неподходящие для публикации, однако их владельцу, Марри, он так их и не вернул. Вскоре Райт умер, и домохозяин распродал его имущество в счет долгов. Майору удалось приобрести не только эти письма, но и сделанные Райтом копии других байроновских писем, вошедших в книгу «Жизнь Байрона». Воспользовавшись случаем, майор начал собирать свою байроновскую коллекцию.

Правда, в 1845 году майора несколько отвлекло от этого занятия второе издание книги Шелли «Очерки, письма из-за границы, переводы и фрагменты»,

МАЙОР БАЙРОН И ПОДДЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

подготовленное Мэри Шелли. Вскоре после выхода книги Мэри получила предложение купить, если пожелает, ряд писем Шелли. Она попыталась сделать это через своего друга Томаса Хукэма, но владелец писем пожелал вести переговоры только с ней лично. Мэри Шелли, хотя и неохотно, дала согласие, и в конце концов они договорились встретиться в конторе Хукэма, владельцем писем оказался не кто иной, как майор Байрон. Он вручил ей несколько писем в обмен на 30 фунтов, впрочем, он настаивал, что это не плата за письма, а сумма, взятая в долг. Пока велись долгие переговоры, Мэри Шелли и не догадывалась, с кем имеет дело, но как только узнала, за кого себя выдает этот человек, тотчас же назвала его жуликом, мошенником и проходимцем. Все же она была не против купить и другие письма Шелли, если майору удастся их найти, правда, теперь она предложила твердую цену — 1 фунт за каждое письмо самого Шелли и два с половиной шиллинга за письмо, адресованное ему. Столь выгодное предложение дало майору возможность сочинять столько писем, сколько ему заблагорассудится: ведь Мэри Шелли твердо пообещала платить за них. Она покупала сочиненные им письма до тех пор, пока в сентябре 1846 года не узнала от Хукэма, что майор сохраняет копии всех материалов, которые продает ей. Хукэм как-то сумел завладеть копиями, но, когда майор потребовал их вернуть, оставил последнее слово за Мэри Шелли, и она настояла на том, чтобы Хукэм ни в коем случае не выпускал копий из рук, так как, купив оригиналы, она стала законным владельцем и писем, и копий. В ответ майор Байрон пригрозил опубликовать письма, и Мэри Шелли пришлось сделать все возможное, чтобы этого не допустить. В ней вдруг проснулась подозрительность — она догадалась, что многие из купленных писем и стихов поддельны. Однако, страстно желая заполучить все, написанное ее покойным мужем, она продолжала покупать то, что ей предла-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

гали, и даже требовала разыскивать еще и еще в надежде найти среди возможных подделок и подлинные материалы.

Все это время майор не забывал о своем дорогом «отце». Он разослал письма различным коллекционерам и прежним друзьям поэта с просьбой представить ему ненадолго любые письма Байрона, чтобы он мог включить их в биографию поэта, которую он тогда писал; при этом он неуклонно подчеркивал, что является сыном Байрона. Таким способом ему удалось собрать обширную коллекцию рукописей Байрона, помимо тех, что ему удалось заполучить после смерти Джона Райта. Не обошел майор вниманием и Джона Китса: он обратился к Джозефу Северну с просьбой прислать ему любые материалы, имеющие отношение к Китсу, особенно ему хотелось бы иметь автограф поэта. И Северн, несомненно, угодил ему: он попросту оторвал конец страницы, на которой было написано стихотворение «Изабелла», и послал майору, изуродовав тем самым подлинную рукопись Китса. Полученная майором часть содержала две строфы, с которых он сделал копии и продавал их как подлинники; одна из копий оказалась впоследствии в Бодлианской библиотеке. В подлиннике была строка, вычеркнутая Китсом, которую майор, не задумываясь, выпустил, и подделка таким образом стала очевидной.

В 1847 году, продолжая розыски материалов о Байроне, майор выпустил проспект подготавливаемой им к публикации биографии Байрона и разослал его в письмах, содержащих просьбы прислать ему интересующие его материалы:

В январе 1848 года выйдет в свет в 3 томах
королевское ин-октаво
ценою три гинеи
«Байрон и Байроны»,
расширенная биография покойного
Джорджа Гордона Ноэля, лорда Байрона,

Перси Биши Шелли

а также история семейства Байронов
начиная с эпохи Завоевания
до наших дней.
Джордж Байрон, эсквайр.

Далее в проспекте сообщались некоторые подробности о содержании будущей книги, включая обещание напечатать от шестисот до семисот ранее не

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ
опубликованных писем. В ответ на это обещание к майору хлынул новый поток материалов, которые он прилежно копировал, но возвращал ли он законным владельцам копии или оригиналы, так и не ясно. Тут мнения специалистов расходятся: одни считают, что он возвращал копии и продавал оригиналы, другие полагают, что он возвращал оригиналы, а копии оставлял себе.

Известие о готовящейся публикации книги майора дошло, наконец, до сестры Байрона, Огасты Ли. Она немедленно связалась с Джоном Марри и попросила сообщить ей подробности о книге — она о ней ничего не знала. Марри, вероятно, посоветовал ей не вступать ни в какие переговоры с майором, раз тот не испросил ее согласия как душеприказчицы Байрона. Но майор вскоре сам обратился к ней письменно с просьбой дать ему согласие и дозволение «свободно распорядиться всеми рукописями поэта, которыми располагает его сестра, почтенная миссис Ли». Вслед за этой просьбой он отправил ей корректуру книги, надеясь, что она одобрит его начинание. Просьбы майора привели миссис Ли в бешенство, она отослала Марри письма и корректуру, уполномочив его вернуть их майору и избавить ее от всякого участия в том, что она назвала «мерзкой чушью». В свою очередь, издательство «У. С. Опп и К°» объявило, что не станет печатать книгу, из-за смущающего обстоятельства, что многие письма и рукописи добыты составителем обманным путем и в действительности принадлежат Джону Марри. Издатели вернули материалы законному владельцу, так что попытка майора опубликовать письма отца окончилась плачевно.

Позднее, в том же году, он решил продать некоторые из своих подделок, используя в роли посредника свою весьма привлекательную жену. Ее отличали воспитание и хорошие манеры, и она вполне подходила для подобной миссии. Явившись к книготорговцу Уильяму Уайту, она предложила ку-

МАЙОР БАЙРОН И ПОДДЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

Джон Китс

пить у нее несколько автографов—писем Байрона, давая понять, что расстанется с ними чрезвычайно неохотно, исключительно в силу денежных затруднений. Некоторое время Уайт покупал письма у миссис Байрон, а в апреле 1849 года ему, в свою очередь, удалось их продать Джону Марри за 123 фунта, и тот, очевидно, нисколько не сомневался, что приобрел подлинники. Пристроив рукописи Байрона, миссис Байрон предложила теперь Уайту несколько сочиненных ее мужем писем Шелли. На этот раз Уайт обратился за советом к Эдварду Моксону, который посмотрел письма и посоветовал их купить, а потом через Томаса Хукэма предложить Мэри Шелли. Но с ней достичь соглашения не удалось: она слишком хорошо помнила проделки майора. К тому времени Уайт тоже успел кое-что прознать о деятельности майора, и когда таинственная посетительница явилась с очередным визитом, он приступил к ней с расспросами, откуда у нее эти рукописи. Миссис Байрон решила, что ее муж сумеет лучше все объяснить мистеру Уайту, и пообещала привести

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

его на следующий день. Свое слово она сдержала, майор появился в лавке Уайта и показал ему корректурные оттиски биографии Байрона. К концу беседы бедный книготорговец был уже в полной уверенности, что перед ним подлинные документы, и приобрел сомнительную привилегию обладателя 47 писем Байрона, нескольких писем Шелли и Китса (все это были подделки майора) и ряда книг, якобы написанных Байроном.

После этого майор Байрон решил переехать со своим семейством в Нью-Йорк и при помощи небольшого трюка сумел добраться в Америку бесплатно: он убедил капитана судна, что перед ним официальный представитель издательства Эпплтона и по прибытии в Нью-Йорк издательство полностью за него рассчитается. Однако когда капитан обратился в контору Эпплтона, ему пришлось убедиться, что его одурачили. Быстро обосновавшись на новом месте, майор объявил, что намеревается выпустить в свет «Неизданные произведения лорда Байрона, впервые публикуемые на основе писем, дневников и других рукописей, которыми располагает его сын, майор Джордж Гордон Байрон». Он заявил также, что собирается издать письма, которые Мур намеренно не включил в биографию Байрона и тем самым бросил тень на память его отца. Заявление майора немедленно подверглось нападкам в редакционной статье «Ивнинг миррор», которая настолько «польстила» майору, что тот решил предъявить иск за клевету: он потребовал с редактора Хайрема Фуллера 5000 долларов в возмещение морального ущерба. Редактор тут же ответил новой статьей, где не преминул рассказать читателям о том, как майор одурачил капитана «Гладиатора». Более того, Фуллеру удалось узнать, что несколько лет тому назад майор проживал в Нью-Йорке под фамилией Гордон. Он обратился также в Лондон к Джону Марри с просьбой прислать дополнительные сведения о майоре Байроне, но Марри ответил, что не знает об этом

МАЙОР БАЙРОН И ПОДДЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

человеке ничего, кроме того, что слышал или читал о нем.

Байрон начинал свое издательское предприятие, намереваясь выпускать книгу частями, будущие владельцы переплели бы ее сами по завершении серии. В первой части было 48 страниц, стоила она 25 центов, и критики отозвались о ней с похвалой. Они отметили главную цель книги — восстановить имя лорда Байрона и попытаться, в частности, верно истолковать его отношения с матерью. Вторую часть книги майор Байрон опубликовал в том же году, интригуяще оборвав ее на странице 96 на середине фразы. Туда вошли два стихотворения, одно из них называлось «Стихи к Сэм. Роджерсу», а другое — «Стихи к преподобному доктору Нотту». Как утверждал майор, оба стихотворения были написаны его отцом. Однако публикации серии на этом закончились, так как большая часть материалов была возвращена Джону Марри английским издательством «У. С. Опп и К°». Это был первый удар, который пришлось испытать майору, за ним последовал и другой: поданный им иск за клевету обернулся против него самого. Полностью разочарованный своей поездкой в Америку, где он надеялся разбогатеть и прославиться, в 1851 году майор вернулся в Англию.

Однако в 1852 году, когда были раскрыты его подделки рукописей Шелли и Байрона, разразился новый скандал, и майору пришлось снова спешно бежать в Америку. Произошло следующее: в 1850 году Уильям Уайт, увидев, что его переговоры с Мэри Шелли не удались, решил продать купленные у четы Байронов материалы. Он обратился к Сотби и Уилкинсону с просьбой устроить аукцион. Внимательно изучив письма, Сотби обнаружил, что это те же самые письма, что были на распродаже бумаг Чарлза Ходжеса в декабре 1848 года. На просьбу объяснить это совпадение Уайт ответил, что ходже-совские письма всего лишь копии тех, которые

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

находятся у Сотби. Удовлетворившись этим ответом, Сотби подготовил каталог для продажи. В 1851 году письма Шелли были проданы Моксону и Хукэму. Моксон купил 23 письма по цене от одного до трех фунтов каждое, а Хукэм — 11 писем на общую сумму 57 фунтов 15 шиллингов. В феврале 1852 года Моксон опубликовал «Письма Перси Биши Шелли со вступительной статьей Роберта Браунинга». Тут же несколько знатоков обнаружили в книге многочисленные подделки; в частности, сэр Фрэнсис Полгрейв установил, что одно из писем почти точная копия статьи, написанной его отцом о Флоренции и опубликованной в «Куотерли ревью» в 1840 году. Полгрейв обнаружил это случайно, находясь в гостях у лорда Теннисона; он перелистывал только что полученную книгу и узнал отрывок. Это было чистое совпадение — вряд ли Полгрейв стал когда-нибудь читать подобную книгу, но публикацию Моксона это сгубило. Посыпались вопросы, особенно интересовались тем, кто же подделывал письма. Вскоре после выхода книги в «Литерери газетт» появилось письмо, в котором спрашивалось: «...уверены ли вы в том, что письма, которыми нас порадовал мистер Моксон, подлинные?» А в марте 1852 года в «Атенеуме» появилась статья под названием «Литературные подделки», в которой утверждалось, что письма Шелли, за двумя или тремя исключениями, поддельны. Обвинение следовало за обвинением, и Моксон в конце концов был вынужден изъять все книги из продажи. Началось расследование: прежде всего проверили почтовые штемпели на письмах Шелли, а когда их сравнили со штемпелями на подлинных письмах, то удалось с точностью установить, что эти письма не могли быть посланы в указанное время или место.

Исследование писем Шелли возбудило подозрения и в отношении писем Байрона и некоторых писем Китса. «Литерери газетт» писала: «Мистер Моксон, желая прояснить сомнения, связанные с подлинно-

МАЙОР БАЙРОН И ПОДДЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

Портрет Шелли работы Дэвида Фэрриса. 1973

стью этих, судя по всему, мнимых воспоминаний о Шелли, изучил подлинные письма поэта; мистер Марри провел подобное исследование писем Байрона, приобретенных из того же источника; далее было обращено внимание на несколько писем, приписываемых Китсу, — всё это оказалось работой ловкого мошенника, выполненной на тронутой плесенью бумаге с искусно воспроизведенными почтовыми штемпелями».

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Марри написал Уайту, требуя у него объяснения по поводу писем, купленных у него в 1849 году. Уайт ответил в печати, пытаясь отвести от себя обвинения в покупке и продаже подделок. Обмен письмами между Марри и Уайтом принимал все более резкий характер, до тех пор, пока «Атенеум» не выступил на стороне Марри. Спустя несколько месяцев Уайт признал свое поражение и вернул деньги Марри за письма Байрона, а Моксону — за письма Шелли. Позднее, 4 марта 1853 года, Уайт передал все это собрание подделок в Британский музей как пример литературных диковин. Моксон, однако, не был удовлетворен компенсацией за потери, которые он понес при публикации поддельных автографов Шелли, ведь пострадал не только его карман: насмешки нанесли удар по его самолюбию. В то же время майор Байрон, хотя и было доказано, что именно он и есть автор подделок, не только не был призван к ответу, но даже получил разрешение на выезд в Америку со своей семьей. Предполагалось, что разоблачение подделок само по себе вынудит его покончить навсегда с мошенничеством.

Несколько лет о майоре Байроне ничего не было слышно, кроме того, что он жил некоторое время в Сент-Луисе, где вступил в Миссурийский кавалерийский полк. Затем он переехал в Нью-Йорк и в 1869 году снова рискнул появиться в литературном мире. В «Альбионе» вышла его статья «Воспоминания о лорде Байроне, написанные его слугой, ныне живущим в Соединенных Штатах». Большая часть статьи основывалась на письме, якобы полученном майором, теперь уже полковником, Байроном. Вскоре появилась и вторая публикация: «Неизданные письма лорда Байрона к Томасу Муру. Представлены в «Альбион» полковником Байроном». Туда вошло пять писем, причем полковник заявил, что у него имеются их рукописные копии. На самом деле все эти письма были опубликованы ранее в литературном ежегоднике «Кипсек» и адресованы не Томасу

МАЙОР БАЙРОН И ПОДДЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

Муру, а Киннерду. Затем 13 марта 1869 года в «Альбионе» появилось «Неопубликованное стихотворение лорда Байрона к Сэмюэлу Роджерсу, с примечаниями». Это стихотворение уже появлялось прежде в «Неизданных произведениях», затеянных майором в 1849 году, впервые же оно было напечатано во «Фрейзерз мэгэзин» в 1833 году. Затем майор опубликовал еще одну, якобы неизданную, поэму Байрона из двенадцати октав, которую он назвал «Женщина и Луна». Но ни поэма, ни стихотворение «Тишь», появившееся в заметке «Неопубликованное стихотворение Перси Биши Шелли», не были признаны подлинными. Последним в этой серии публикаций вышло «Неизданное послание лорда Байрона к Джону Марри», также поддельное.

Пока появлялись эти публикации, майор подготовил и затем предъявил лорду Уэнтворту, внуку поэта, свои претензии в надежде, что его все-таки признают сыном лорда Байрона. Лорд Уэнтворт согласился встретиться с майором и выслушать его, но, просмотрев все бумаги, притязания майора законными не признал. Майор не сдавался и, прежде чем вернуться в Лондон, поехал в Париж, где встретился с маркизой де Буасси (Терезой Гвиччолли), чтобы показать ей те же бумаги: он надеялся, что убедит ее в их подлинности и тогда, наконец, его признают сыном Байрона. Маркиза подтвердила, что в молодости Байрон действительно был в Кадисе и обратил там внимание на одну юную девушку; однако строгость испанских обычаев всем известна, и даже Байрону было бы чрезвычайно трудно отвлечь внимание дуэньи и стать отцом ребенка при таких обстоятельствах. Майор старался убедить маркизу и лорда Уэнтворта, утверждая, что и он и его дочь внешне очень похожи на поэта. Однако маркиза склонна была считать, что это сходство случайное или существует только в воображении майора.

Майор Байрон вернулся в Америку с разбитыми надеждами и почти без средств; чтобы избежать

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

нищеты, его жене пришлось стать экономкой. Остаток жизни майор провел в крайней бедности, на иждивении своей семьи и друзей, лишь изредка получая гонорары за свои публикации, в основном связанные с письмами-автографами, которые он выставлял на всеобщее обозрение с завидным упорством. Его осмеивали, стыдили, часто называли в печати жуликом и мошенником, но вопреки всему майор продолжал настаивать, что он сын Байрона. Он поместил герб и девиз Байрона на свою почтовую бумагу, фамильное столовое серебро, посуду и не расставался с портсигаром, украшенным байроновским гербом. Майор был во многих отношениях личностью незаурядной; он был небольшого роста, смугл, по обычаю военных носил усы, держался вызывающе и с оттенком превосходства. Свободно владел итальянским, испанским, немецким и французским языками, был искусным рассказчиком и любил в мельчайших подробностях воспроизводить разные случаи из жизни Байрона и его современников. На склоне лет майор решил снова вернуться в Лондон, где и умер 4 июня 1882 года.

Кто же он был, этот майор Байрон? Действительно сын лорда Байрона? Или обыкновенный самозванец, как считало большинство его современников? Известно, что на протяжении своей жизни он пользовался рядом вымышленных имен. Томас Уайз неизменно называл его де Жибле; во время первой поездки в Америку он взял имя Джордж Гордон; в письмах к Мэри Шелли он называл себя мистером или месье Мемуаром, а при встречах с ней представлялся майором Байроном, и она так и не отождествила эти имена. Изменял он смотря по обстоятельствам и свое звание: чаще всего он довольствовался чином майора, но иногда именовал себя капитаном или полковником. До самой смерти майор продолжал утверждать, что он сын Байрона, но решающих доказательств за или против этого нет до сих пор, как нет неопровержимых доказательств, уличающих

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Трудно точно установить, какое влияние могли оказать эти подделки на биографии тех, кого они коснулись. Майор определенно считал, что с лордом Байроном обошлись несправедливо, и стремился восстановить его доброе имя. Множество писем Байрона, Шелли и Китса признаны подделками, но похоже на то, что многие письма изучены все же не очень тщательно и лишь потому до сих пор считаются подлинными, а вместе с тем их текст мог бы существенно повлиять на наше мнение об авторе. Известно, например, что одно из поддельных писем долгое время бросало тень на Шелли. В нем поэт будто бы говорит о своей первой жене следующее:

«Она опустила до проституции, до того, что стала жить с конюхом по имени Смит, а когда он бросил ее, покончила с собой...»

Почти невероятно, что Шелли мог так писать о своей бывшей жене, независимо от того, верны эти факты или нет. Но когда эти письма появились, ни Мэри Шелли, вдова поэта, ни леди Шелли не пытались опровергнуть их по существу. Они, видимо, были слишком поглощены желанием собрать все, вышедшее из-под пера поэта, и поэтому почти не предпринимали попыток отделить подлинные материалы от подделок, отчего и стали жертвой фальсификаторов.

Несомненно, среди опубликованных писем Байрона немало поддельных. Майор, посвятив свою жизнь изучению судьбы и творений «отца», очевидно, приобрел достаточно знаний для задуманной деятельности. Именно благодаря этим знаниям до сих пор трудно выявить ту или иную подделку: более того, сочинитель этих писем настолько проникся духом Байрона, что нам начинает казаться, будто в них полностью отразилось его отношение к жизни. На протяжении своей хлопотливой карьеры майор очень умело заметал следы; как только в Англии над его головой сгущались тучи, он немедленно уезжал в США, а когда обстановка накалялась и там, снова

МАЙОР БАЙРОН И ПОДДЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА
возвращался в Англию. Он заставлял литературный мир теряться в догадках, что будет продаваться на следующем аукционе. Он приводил в замешательство редакторов, издателей, коллекционеров, книготорговцев и всех, кто имел несчастье встретиться ему на пути.

В этом литературном мошенничестве любопытна его побочная ветвь — отношение майора к Китсу. Сосредоточив свои усилия и способности на подделках из Байрона и Шелли, майор подделал лишь несколько писем Китса. Интересно было бы выяснить, почему он пренебрег этим многообещающим полем деятельности, ведь письма Китса воспроизвести гораздо легче других. Возможно, подделка почерка Китса казалась нашему мистификатору задачей слишком легкой и недостойной его таланта, а может быть, он полагал, что вознаграждение будет невелико. Любопытно и то, что к подделкам майора проявил интерес известный коллекционер-букинист Томас Джеймс Уайз. Уайз был совершенно убежден в том, что письма поддельны, а сам майор — вовсе не отпрыск Байрона, а пресловутый фальсификатор де Жибле. В своем Каталоге библиотеки Эшли (том II), опубликованном в 1936 году, он таким образом описал первое издание «Королевы Мэб» Шелли с поддельной надписью на титульном листе: «Со временем книги попала в руки де Жибле, известного своими подделками рукописей Шелли и Байрона, того самого, кто именовал себя майором Джорджем Гордоном Байроном и выдавал себя за незаконного сына поэта. Вверху титульного листа находится то, что нам якобы следует принимать за автограф Шелли, и надписи, также претендующие на то, чтобы мы их принимали за подлинные...»

Эти строки появились два года спустя после выхода книги Джона Картера и Грэма Полларда «Расследование происхождения некоторых изданий XIX века», в которой подозрение падало уже на самого Уайза как на автора целого ряда подделок. Известно, что

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

за долгие годы через руки Уайза прошло множество писем, и вот, прочитав книгу Картера и Полларда, поневоле задаешься вопросом: какие из них подделаны майором Байроном, а какие — Уайзом?

Без сомнения, майор Байрон был человеком очень способным. Несмотря на невезение, ему все же удалось создать себе имя, хотя и не совсем такое, как ему хотелось бы. Трудно восхищаться таким человеком, но не может не восхищать то, как много сведений собрал он о лорде Байроне, как ревностно он шел по следам его странствований; живи он во времена более поздние, он мог бы добиться гораздо больших успехов, попытайся он написать книгу «По следам лорда Байрона»!

Послесловие к русскому изданию

Не случайно именно вокруг Байрона толпились мистификаторы, подобные майору Байрону. На поприще биографии великого поэта подвизались, правда, с разным успехом, многие его современники. Иногда из-под их пера выходили восторженные отклики, иногда честные правдивые воспоминания, иногда сплетни и вымыслы.

Было нечто в характере, личности, манере поведения Байрона, что давало повод для различных выдумок. Эту черту подметил и объяснил современник поэта, английский писатель Томас Лав Пикок, близкий друг Шелли. Он был среди тех литераторов XIX века, которые пытались уберечь имя Байрона от всевозможных домыслов, он настаивал на публикации лишь проверенных материалов, понимая их важность для грядущих поколений.

«Что касается признаний лорда Байрона, — писал Пикок, — это были скорее полупризнания, более рассчитанные на то, чтобы подогреть любопытство, нежели его удовлетворить. Байрон никогда не скрывал своих чувств, однако он скорее намекал, чем сообщал об обстоятельствах, их породивших; его

МАЙОР БАЙРОН И ПОДДЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

намеки были полны туманных самообвинений в воображаемых преступлениях, которые, естественно, тут же становились предметом досужих сплетен ничем не гнушающейся публики. Он и впрямь в своих сочинениях и беседах, особенно в последние годы жизни, отдал должное мистификации, он говорил многое из того, что приводило в совершенное замешательство добросовестных его биографов, которые были вынуждены сообщать то, во что не верили другие, считавшие, что раз он так не думал, значит не мог такое сказать, что совсем не одно и то же. Многие из его признаний... отдавали мистификацией. Это были признания под стать итальянской комической опере, где ремарки «доверительно» неизменно означают, что в словах действующего не будет ни слова правды. Лорда Байрона с самого начала отличало неукоснительное стремление к истине, однако падение нравов сказывается на правдивости даже самых чистосердечных людей, а потому, учитывая всю меру превратного понимания, мы все считаем для себя невозможным читать некоторые воспоминания, не отдавая себе отчет... что находясь во власти самой беззастенчивой мистификации» (Пикок Т. Л. Письма и дневники лорда Байрона, изданные Муром. Пер. А. Я. Ливерганта).

На склонность Байрона к мистификации указывал и другой современник — Томас Мур: «Лорд Байрон никогда не мог отказать себе в удовольствии блеснуть остроумием за счет собеседника. Особенно он любил озадачивать и мистифицировать назойливых и самодовольных советчиков. Выходки, которые он позволял себе еще мальчишкой, скажем, со своим врачом, ноттингемским шарлатаном Лавендером, были лишь первыми проказами, которыми он забавлялся на протяжении всей своей жизни, издаваясь над многочисленными мошенниками, общению с которыми был обязан своей знаменитости и светскости» («Жизнь Байрона». Пер. А. Я. Ливерганта).

*Томас Джеймс Уайз был последним из великих мистификаторов...
фигурой уникальной — на то, что удалось ему, никто до него
не отважвался.*

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

Думаю, можно сказать со всей категоричностью: в настоящее время при современных методах исследования любые попытки литературных мистификаций обречены на провал.

Эти методы значительно совершеннее тех, что использовали Джон Картер и Грэм Поллард в тридцатых годах нашего столетия для расследования подделок Томаса Джеймса Уайза. Не называя из осторожности его имени, они тем не менее поставили под сомнение его весьма завидную репутацию в литературных кругах.

Томас Джеймс Уайз * родился 7 октября 1859 года в Грейвсенде. Его отец называл себя «странствующим торговцем», а позднее стал табачным торговцем. В отрочестве Уайз часами сидел у постели больной матери и читал ей стихи, мать страдала чахоткой и впоследствии умерла от нее. Стихи пробудили в Томасе интерес к литературе, с годами же он приобрел в ней обширные познания. Когда Уайзу было семь лет, семья переехала в Лондон; из-за слабого здоровья мальчика отец решил дать ему домашнее образование. Позднее Уайз рассказывал, что до шестнадцати лет он посещал городскую школу, но школьные архивы этого не подтверждают. В шестнадцать лет он поступил в торговый дом Германа Рубека, занимавшегося продажей ароматических веществ, но через полгода хозяин его уволил. Однако отцу Уайза удалось убедить Рубека еще раз испытать Томаса, после чего Уайз прослужил в этой фирме вплоть до 1906 года, когда стал партнером сына Рубека, Отто.

Следуя своему юношескому увлечению поэзией, Уайз всерьез заинтересовался книгами и скоро стал страстным коллекционером, на понравившиеся ему

* В заглавии игра слов: англ. wise означает «мудрый». — *Прим. пер.*

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

книги он тратил все, что мог себе позволить. Ради экономии Уайз даже на работу ходил пешком.

Излюбленным местом его времяпрепровождения стали книжные лавки на Фаррингтон-роуд, Флит-стрит и на Стренде. Вначале Томасу было не по карману покупать все, что хотелось, но он всякий раз записывал цены, смотрел и запоминал, в каком состоянии книги и насколько они редки. Он часто посещал и более дорогие магазины в Уэст-Энде, сравнивал их цены с теми, что видел в других местах. Скоро эти постоянные визиты привлекли внимание владельцев магазинов и продавцов. Познакомившись с ними поближе, Уайз посвятил кое-кого из них в свой план создания уникальной личной библиотеки. Хорошо зная цены на книжном рынке, Уайз начал извлекать для себя выгоду: покупая книгу в одной лавке, перепродавал ее в другой.

Первая большая удача пришла к нему в 18 лет: к своей великой радости он натолкнулся на две книги, которые, как он сам позднее говорил, стали основой его ныне знаменитой библиотеки Эшли. Это были первые издания «Эпикурейца» Томаса Мура и «Ченчи» Шелли. Они обошлись ему в двадцать шиллингов, страшно дорого для юнца с более чем скромным заработком. Вскоре книготорговцы стали приберегать для него самые интересные экземпляры, показывали ему редкие издания до того, как выложить их на прилавок. Библиотека Уайза медленно, но верно начала расти, но пока, на его взгляд, она росла слишком медленно. От случая к случаю Томас сам пробовал писать стихи и теперь решил издать их отдельной книгой. Тщательно все обдумав, он обратился к малозаметному издателю Уильяму Фулфорду с Пентонвилл-роуд и дал ему самые точные указания насчет своей будущей книги. «Стихи» Томаса Джеймса Уайза были опубликованы в 1882 году тиражом 35 экземпляров, и еще шесть появились в 1883 году в другом формате. Издав книгу, Уайз сразу убил двух зайцев: во-первых, опублико-

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

вал свои стихи, во-вторых, нашел издателя, который не задавал лишних вопросов и соглашался делать то, что ему указывали. Неудивительно, что вскоре Фулфорд получил еще один заказ—на сей раз напечатать «Оду соловью» Китса в количестве 29 экземпляров. Фулфорд остался доволен—заказ был оплачен без промедления, зато заказчика издание не удовлетворило: оно уже не отвечало созревшему у него замыслу, благодаря которому ему в дальнейшем удалось разбогатеть самому и собрать богатейшую библиотеку. Вместе с тем исполнение этого замысла привело к тяжелым последствиям для литературы и книгоиздательства викторианской эпохи.

Уайз был одним из первых собирателей, сумевших понять ценность первых изданий, особенно таких авторов, как Скотт, Вордсворт, Байрон и Шелли. Он нередко видел, как его друзья-книготорговцы продают такие книги, как, например, первое издание «Эндимиона» за десять гиней, а то и меньше. Уайз знал, что экземпляров подобных книг сохранилось немного, со временем достать их будет все труднее и труднее, и поэтому цены на них будут расти. Именно по этим соображениям он заплатил 45 фунтов за прекрасный экземпляр «Адонаиса» Шелли, изданного в Пизе в 1821 году, и вскоре после этого купил за 40 фунтов у книготорговца из Глазго две другие книги Шелли. Все это были первые издания, стоившие в ту пору чрезвычайно дорого, особенно для молодого человека, зарабатывающего четыре фунта в неделю. Поэтому одни смотрели на него с благоговением, другие же просто смеялись над ним, подобно Россетти, который в те дни и представить себе не мог, с какой быстротой поднимутся цены на подобные редкости.

Живя очень экономно в доме своих родителей, урезая себя и отказывая себе во всем, Уайз продолжал покупать редкие книги. Многие книготорговцы, глядя, как он бросает деньги на книги, были убеждены, что перед ними молодой процветающий делец. С

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

неменьшей старательностью и вниманием он относился к своей работе у Рубека и вскоре стал в его конторе незаменимым сотрудником. В 30 лет Уайз уже занимал должность кассира и главного клерка. Однако его интерес к делам торгового дома ограничивался рабочими часами, все помыслы и свободное время он отдавал книгам. Уайз уговорил отца выделить ему в доме две комнаты, где он мог, запираясь на ключ, уединяться для работы.

Проходила молодость, а Уайз по-прежнему продолжал поиски книг, которые, по его мнению, со временем должны были расти в цене. Однажды ему пришлось в голову, что у авторов, которыми он интересуется, возможно, есть живые потомки, хранящие творения своих знаменитых родственников. Сменив без промедления курс, Уайз занялся поисками этих людей. И здесь ему сразу же повезло: людям льстило восхищение их знаменитыми предками и то, сколько усилий приложил Уайз, чтобы познакомиться с ними. Если бы только они понимали, какую ужасную ошибку совершают: плата, которую Уайз предлагал за вроде бы ненужное старье, казалась более чем щедрой, а некоторые даже считали, что брать деньги с бедного молодого человека значит грабить его среди бела дня! Таким способом он раздобыл экземпляр «Эпипсихидиона» Шелли у миссис Челтнэм, дочери Ли Ханта, которому книга была подарена; он купил рукопись «Эллады» Шелли у сына сэра Джона Бауринга, получившего ее в дар от Мэри Шелли; позднее он добыл экземпляр запрещенного «Эдипа-тирана» у подполковника Колла, женатого на дочери Трелони. За него он заплатил 36 фунтов, а в 1920 году книга была продана за 1220 фунтов! Но наибольшего успеха Уайз добился гораздо позднее, когда ему удалось менее чем за 3000 фунтов купить библиотеку Суинберна. Суинберн умер в 1909 году, оставив все деньги и бумаги своему другу Уоттс-Дантону, а тот пригласил Уайза разбирать вместе с ним оставшийся архив.

Томас Уайз

У Суинберна была привычка хранить все написанное, после него было найдено много неопубликованных рукописей. Но когда он умер, Уоттс-Дантону было уже 77 лет, и в одиночку он бы не сумел подготовить рукописи к изданию, вот почему он и решил пригла-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

силь Уайза. В восторге от выпавшей на его долю удачи Уайз решил купить из библиотеки все, что могло бы ему понравиться. За короткое время Уайз продал 50 рукописей лондонскому книготорговцу Ф. Т. Сейбину за 3203 фунта и за 900 фунтов уступил право на публикацию неизданных материалов Уильяму Хейнеманну. Затем он продал за 700 фунтов множество рукописей и книг своему американскому знакомцу Джону Х. Ренну; позднее многое было продано через книготорговцев, так что операция эта принесла Уайзу немалые барыши.

В 1880 году Уайз заинтересовался работами Браунингов и стал их собирать. Когда в следующем году решено было основать Браунинговское общество, Уайз был среди его учредителей и самых активных членов. В 1884 году его избрали в комитет, и некоторое время он был секретарем общества. Два года спустя Уайз вместе с доктором Фредериком Фернивелом посетил Браунинга и увидел его первое опубликованное произведение, поэму «Паулина», очень редкую книгу, напечатанную в 1833 году. Уайз попытался было уговорить Браунинга расстаться с ней, но безуспешно, и только в 1888 году ему удалось купить один экземпляр у книготорговца в «Клементс Инн Пэssidж». Вначале эту книгу ему обещали за 15 фунтов, но, увидев его нетерпение, торговец Фред Хатт повысил цену до 22 фунтов (хотя самому она обошлась всего в каких-то 2 фунта 10 шиллингов); последним все же смеялся Уайз, когда цена на это сокровище подскочила до 3000 фунтов. Впрочем, тогда даже Браунингу показалось, что нелепо покупать книгу за такую цену, и он послал Уайзу открытку со словами: «Благодарю, немудрый Мудрец!»

Однако в то время никто не мог понять, почему Уайз заплатил столько за «Паулину», и никто не догадывался, что было у него на уме, когда он выписывал чек Фреду Хатту. «Паулину» сам поэт издал очень ограниченным тиражом, и, по его

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

словам, ни одного экземпляра не было продано. В 1886 году Уайз убедил членов Браунинговского общества переиздать этот первый опус поэта и сумел добиться, чтобы издание «Паулины» поручили именно ему. Он решил выпустить 400 экземпляров факсимильно. Его первый типограф, Уильям Фулфорд, теперь уже не удовлетворял его: он не в силах был выполнить задуманное Уайзом. Поэтому Уайз решил на этот раз обратиться к известной фирме «Ричард Клей и сыновья», на Бред-стрит-хилл. Как он и надеялся, ему удалось почти точно воспроизвести первое издание.

Издание «Паулины» предназначалось только для членов Браунинговского общества, однако в 1910 году, когда Общество уже перестало существовать, Уайз все еще продавал экземпляры этой книги. В 1924 году в письме к редактору журнала «Букменз джорнэл» («Книжник») Уайз предупреждал о появлении ряда подделок: «Адонаиса» Шелли, изданного в Пизе в 1821 году, и «Эллады», появившейся в Лондоне в 1822 году. Кроме того, он писал:

«Весной 1886 года мною было выпущено факсимильное издание первой книги Браунинга «Паулина». Почти сразу же экземпляры этого издания стали выдавать за оригиналы».

Но кто, хотелось бы знать?

Гордясь своими успехами, Уайз, казалось, хотел высмеять весь литературный мир, который он сумел обмануть, высмеять экспертов, не распознавших его подделок.

В 1884 году Уайз познакомился с преподобным Бруком, страстным коллекционером книг, жившим на Манчестер-сквер. За одной из бесед Брук сообщил Уайзу, что в лавке Джона Пирсона продается неразрезанное первое издание «Поэм» Вордсворта, вышедшее в 1807 году. Уайз ответил Бруку, что Вордсвортом он не интересуется и не считает его ценным приобретением для своей библиотеки. Однако на следующее же утро он поспешил к Пирсону и

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

купил книгу за три гиней. Узнав об этом, Брук был вне себя. А чуть позже Уайз приобрел «Поэмы» Вордсворта в двух томах, прежде принадлежавшие Роберту Саути; заинтересовавшись Вордсвортом, Уайз решил собирать его творения. Так, он приобрел для своей библиотеки три из пяти вариантов первого издания «Лирических баллад», опубликованных в 1798 году. Вордсворт был известен тем, что бесконечно переделывал свои произведения — вот почему его первое издание появилось чуть ли не в пяти вариантах. Уайз заявил, что два из них уникальны, — и дальнейшие проверки, увы, полностью подтвердили это: экземпляры с «поправками» никак не могли появиться до 1860 года, так как шрифт, которым они были напечатаны, ранее не использовался. Еще одним доказательством послужило то, что в позднейших изданиях книги страницы 97 и 98 ничуть не отличались от тех же страниц первых изданий, еще не исправленных Уайзом. Это открытие впервые навлекло на Уайза тень подозрения.

В 1886 году профессор Генри Суит и доктор Фернивел основали общество Шелли. Уайз был сразу же в него принят, ведь к тому времени он уже слыл видным знатоком в сфере библиографии. С самого начала он стал одним из руководителей общества и, пользуясь этим, принялся навязывать членам общества свои факсимильные издания, которые, как и прежде, выпускало издательство «Ричард Клей и сыновья». В руках Уайза оказались все издательские дела общества, и за месяц после учредительного собрания Уайз выпустил факсимильное издание «Адонаиса», в том же году вышли «Эллада» и «Аластор». Конечно, идея с факсимильными изданиями была не нова, особенно с тех пор, как американцы стали проявлять интерес к коллекционированию книг, но никто, кроме Уайза, не прилагал столько усилий, стремясь добиться совершенного воспроизведения, и уж, конечно, вряд ли кто в дальнейшем собирался использовать эти издания подобным образом.

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

В 1887 году Уайз, скрывшись под псевдонимом, выпустил книгу «Поэмы и сонеты Перси Биши Шелли, изданные Чарлзом Элфридом Сеймором, членом Филадельфийского исторического общества, напечатанные исключительно для частных собраний всего в 30 экземплярах». Никакого Филадельфийского исторического общества, конечно, не существовало — просто, как впоследствии признался Уайз, иначе леди Шелли ни за что не разрешила бы опубликовать рукопись, находившуюся в руках профессора Даудена. По словам Уайза, фиктивное название было взято потому, что Дауден вместе с Россетти, Форменом и рядом других лиц выразили желание увидеть поэмы в печати. Уайз утверждал также, что подготовил издание совместно с Дауденом, — беда только в том, что Дауден опубликовал свою «Жизнь Шелли» в 1886 году, и в эту книгу были включены те же поэмы и сонеты. Новое издание «Сеймора» с виду выглядело, как и первое, и Дауден в письме выразил Уайзу свое неудовольствие:

«Дублин, август 1888 г.

Уважаемый сэръ!

С Вашей стороны было весьма любезно преподнести мне (от имени «Чарлза Элфрида Сеймора») это превосходное ин-кварти. Когда разбойник с большой дороги сначала набрасывается на Вас и грабит, а затем с изысканной учтивостью возвращает отнятый кошелек, то ничего не остается, как поклониться в ответ и признать, что у разбойника манеры настоящего принца. Вот что я думаю о любезном члене Филадельфийского исторического общества. Насколько я могу судить, он проделал свою работу более чем старательно, и я надеюсь, что Вы не откажетесь приветствовать его от моего имени словами Шелли из гомеровского гимна, где говорится о злодеянии первого пирата:

Я покрывало тьмы на преступления его наброшу.

Боюсь, мне все ж не удержать его от новых песен.

Эд. Дауден».

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Итак, «Поэмы и сонеты» — прекрасно изданная, но, увы, злосчастная подделка, без труда разоблаченная Дауденом. Несмотря на это, Даудена и много лет спустя продолжали считать соредактором Уайза.

Следующей затеей Уайза стала публикация множества писем Шелли, публикация, в которой Уайз позже сознался. Письма были напечатаны без указания издателя или типографа, было указано только, что это «частное издание». Выходили они с 1889 по 1894 год сериями из шести публикаций: письма Гарриет Шелли к Кэтрин Ньюджент; письма Перси Биши Шелли к Джейн Клермонт; письма Шелли к Элизабет Хитченер в двух томах, письма Шелли к Уильяму Годвину в двух томах; письма Шелли к Ли Ханту и письма Шелли к Томасу Хоггу.

Три года спустя после того, как появились письма к Элизабет Хитченер, один книготорговец обратился к Уайзу с вопросом, где он достал письма и есть ли у него разрешение на публикацию. Этот неприятный вопрос и осведомленность книготорговца о его причастности к публикации писем застали Уайза врасплох. Он ответил, что письма принадлежат некоему Слэку, который разрешил Уайзу прочитать их при условии, что больше их никто не увидит. Уайз же снял копии с писем и опубликовал их таким образом, чтобы Слэк не догадался, кто это сделал. Однако это объяснение было весьма далеко от истины. Письма были, действительно, подлинными и принадлежали Генри Слэку, адвокату из Форест-роу в Сассексе, но он на время давал их Уильяму Майклу Россетти, чтобы тот снял с них копии и использовал в биографии поэта. Каким-то образом Уайзу удалось заполучить у Россетти эти копии и с их помощью сделать публикацию. Предвидя возможные неприятности, Уайз попытался в 1888 году купить у Слэка оригиналы, но дело в конце концов замяли во избежание скандала.

Между тем Уайз продолжал использовать общество Шелли для выпуска факсимильных изданий

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

поэта. Однако Общество постепенно начало испытывать финансовые затруднения: в первый год счет за издания составил 190 фунтов, в 1888 году он вырос до 300 фунтов, а к началу 1890-х годов Общество задолжало фирме «Клей и сыновья» 800 фунтов. Хотя этот огромный долг возник целиком и полностью по вине Уайза, с просьбой погасить его обращались к членам Общества. А спустя несколько лет Уайз снова продавал экземпляры факсимильных изданий, выпуск которых он столь любезно организовал для Общества. И лишь со временем удалось установить, что издатели печатали для него специальные экземпляры ин-кварто на веленовой бумаге.

Подобно всем фальсификаторам, Уайз не только изготовлял подделки, но и сбывал их ради наживы. Обычно он сбывал несколько экземпляров малоизвестным торговцам подальше от Лондона или тех мест, где имел обыкновение бывать сам. Эти торговцы вначале продавали книги довольно дешево, но затем, подзадоренные Уайзом, стали повышать цены. Уайз добивался этого тем, что предлагал книгу одновременно двум книготорговцам, вынуждая их набавлять цену. Разгоралось соперничество, цена подскакивала, и Уайз, пуская в продажу изготовленные экземпляры, извлекал немалую выгоду. Кроме того, он выгодно продавал книги через своих друзей. Так, например, у сотрудника конторы Рубека Э. Шленгеманна Британский музей купил «Беглого раба» Элизабет Браунинг за пять гиней и «Брата и сестру» Джордж Элиот за три гиней; у Отто Рубека, сына основателя фирмы, в 1890 году музей купил «Клеопатру» Суинберна за пять гиней и две книги Рескина: «Национальная галерея» и «Природа и власть чудес» по две гиней каждая. Первоначально же «Клеопатра» была продана за 3 шиллинга и 6 пенсов, к немалой досаде Уайза. С 1888 по 1926 год Уайз подарил Британскому музею 17 своих изданий, но отнюдь не из щедрости, а исключительно для того, чтобы они числились в каталоге печатных книг

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Британского музея. Увидеть издание в каталоге означало удостовериться в его подлинности. Установлено, что одна из таких книг Уайза в конце концов была продана по баснословной цене 1250 долларов.

В 1890 году Уайз женился на Селине Фанни Смит, 22-летней дочери коммерсанта. Ему было тогда 30 лет, и он все еще жил с родителями. После женитьбы Уайз купил новый дом на Эшли-роуд, 52, в северной части Лондона, и его новый адрес дал название ставшей вскоре знаменитой библиотеке Эшли. Семейные обязанности не остановили его бурной издательской деятельности: он продолжал выпускать ограниченным тиражом свои «первые издания»; чаще всего это были письма, которые Уайз публиковал обычно без предварительного разрешения, как в случае с Шелли. Позднее, когда у него появилось больше свободных денег, Уайз, как правило, стал покупать рукописи, но и до тех пор деньги, вырученные от продажи «первых изданий», легко покрывали расходы на задуманные покупки.

Позднее Уайз, оправдываясь, заявлял, что свою программу изданий он задумал и выполнял исключительно для того, чтобы сохранить найденные материалы и сделать их доступными для студентов. Но тогда зачем же он издавал то, что уже печаталось прежде? Да и цены, которые он назначал, вряд ли были по карману студентам. Не мог он объяснить также, почему на многих его изданиях нет марки издательства и типографии, что, разумеется, было нарушением издательских прав, но, с другой стороны, виноваты и типографы: они обязаны помещать свой знак на каждом издании.

Каковы бы ни были отношения Уайза с законом, эти пиратские издания приносили ему немалые барыши. Ему, например, удалось через посредничество своего знакомого Герберта Горфина продать одному из лондонских книготорговцев десять «первых изданий» одной из книжиц Борроу за 80 фунтов. А вот

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

Библиотека Британского музея

предложенные им цены за некоторые сочинения того же автора, указанные в каталоге:

«Свобода и преданность»	— 20 гиней
«Червь из Спиндлстонбефа»	— 25 фунтов
«Пограничные баллады»	— 25 фунтов
«Королева Фредегонда»	— 30 фунтов.

Такие цены и обеспечивали фантастически высокие доходы при весьма скромных затратах.

В 1892 году в книжной деятельности Уайза произошел новый поворот. Он познакомился с американцем Джоном Генри Ренном, дельцом из Чикаго. Уайз произвел на него впечатление своими литературными познаниями, и знакомство вскоре переросло в дружбу. Ренн ежегодно приезжал в Европу, и во время

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

этих визитов Уайз всячески поощрял интерес Ренна к книгам и помогал ему собирать библиотеку, которая должна была стать замечательной коллекцией. Уайз пользовался у американских коллекционеров исключительным доверием, особенно в вопросе о ценности или подлинности той или иной книги. На протяжении 20 лет Уайз был руководителем и советчиком Ренна. Библиотека его впоследствии была описана в пятитомном печатном каталоге, изданном в 1920 году, разумеется, Уайзом. К счастью, Ренн умер, так и не узнав о вероломстве Уайза, своего «друга», в течение 20 лет продававшего ему экземпляры всех изданных им книг, среди которых было около 70 поддельных изданий XIX века. Одни только поддельные и сомнительные публикации стоили около 6000 долларов.

Уайз продавал Ренну и поддельные «раритеты», делая при этом вид, что достаются они ему с большим трудом, хотя экземпляры хранились у него самого. Так, он предложил Ренну первое издание «Потерянного рая» Мильтона за 80 фунтов, а когда тот отказался заплатить больше 70, Уайз с неохотой уступил, уверяя, что сам заплатил за него 90 фунтов. Позднее же выяснилось, что Уайз на самом деле заплатил за книгу всего 55 фунтов. Ему удалось также продать Ренну экземпляр «Подлинных стихов Виктора и Казеры» (то есть Шелли), опубликованных в 1810 году, но тут же уничтоженных. В продаже появилось только три экземпляра, и все они были куплены Уайзом. Один из них, приобретенный за 155 фунтов, он продал своему американскому другу за 550 фунтов. Уайз как-то признался, что Ренн приносит ему 1000 фунтов годового дохода, хотя всю свою жизнь Уайз упорно настаивал на том, что он ни в коем случае не книготорговец. В конце концов Джон Ренн стал обладателем самой большой коллекции подделок Уайза, о чем он, к счастью для себя, так никогда и не узнал.

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

В 1896 году Уайз познакомился еще с одним американцем, Уильямом Хэррисом Арнолдом, и, пользуясь случаем, продал ему несколько редких изданий Теннисона, которые на самом деле вовсе не были редкими. Кроме того, Уайз продал ему еще ряд изданий. Это были: «Сонеты» и «Беглый раб» Элизабет Барретт Браунинг, «Клеон», «Статуя и бюст», «Золотые волосы» Роберта Браунинга, «Сокол», «Обещание мая» и «Лукреций» Элфрида Теннисона. Все эти либо несомненные, либо почти несомненные подделки обошлись американцу примерно в 1000 долларов.

В 1893 году было основано Общество архивариусов и собирателей автографов, одной из главных целей его стало выявление подделок. Общество начало издавать «Справочный каталог английских и иностранных рукописей»; в период между 1893 и 1897 годами вышло семь выпусков, и два из них, посвященные Шарлотте Бронте и Чарлзу Диккенсу, составил Уайз. В первом из них он писал, что в продажу ни разу не поступало ни одного сомнительного письма Бронте. По ряду причин, однако, Уайз никогда не упоминал о своей связи с новым обществом и не включал его издания в каталоги библиотеки Эшли. В более поздних изданиях общества его имя исчезло совершенно, и тайна оказалась погребенной настолько глубоко, что теперь уже вряд ли кому удастся извлечь ее на белый свет.

В 1903 году Уайзу пришлось пережить тяжелый удар, который принес ему немало беспокойства и заставил призадуматься. Сэр Э. Т. Кук и Александр Уэддерберн, готовя к изданию «Сочинения Рескина» в 39 томах, обратились за советом к Уайзу: они боялись упустить что-нибудь важное. Уайз охотно откликнулся и предоставил им ряд работ, найденных им лично и включенных в его «Библиографию сочинений Рескина». И вдруг в публикации Кука и Уэддерберна Уайз, к своему ужасу, прочел, что оба они сомневаются в подлинности тех самых работ,

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ которые он им показывал. Подлинность «Дружеского предложения» вызывала сомнения, в комментариях к «Скифскому гостю» редакторы указывали, что не могут ручаться за подлинность книги, претендующей на роль первого издания; что касается «Национальной галереи», то редакторы с помощью текстологического анализа показали, что эта работа перепечатана из «Охотничьих стрел» (1880) и датирована 1852 годом, чтобы создать впечатление первого издания; о «Садах королев» они прямо заявили: «Эта книга... подделка. Она якобы выпущена на средства университета св. Эндрью, но в этом случае тираж ее, конечно, не мог быть ограничен несколькими экземплярами... Первый экземпляр издания был подробно описан в февральском выпуске журнала «Книжник» за 1893 год; там же с уменьшением факсимильно воспроизведен титульный лист; это факсимиле приведено и среди иллюстраций в библиографии, составленной Т. Дж. Уайзом. Впоследствии несколько экземпляров появились на книжном рынке и продавались по очень дорогой цене — выглядели они совершенно как новые. Ясно, что упомянутая книга всего лишь неуклюжая подделка».

Так два дотошных издателя многочисленных работ Рескина чуть было не вывели на чистую воду Уайза и не прервали его карьеру фальсификатора. Совершенно очевидно, что Кук и Уэддерберн или знали о подделках Уайза, или подозревали его в них, но не располагали достаточными доказательствами для возбуждения дела. Уайз был широко известен как страстный книголюб и коллекционер, и одних подозрений или косвенных доказательств при таких обстоятельствах было недостаточно. Издатели Рескина сделали все зависящее от них, чтобы заклеить подделки, и предоставили Уайзу самому расхлебывать заваренную им кашу. Все же по-настоящему их замечания пробудили интерес к деятельности Уайза только спустя 30 лет. Как ни странно, никто не продолжил начатое Куком и Уэддерберном, и Уайзу

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

удалось на время ускользнуть с крючка. Должно быть, он испытывал при этом невероятное облегчение.

Едва не раскрыло одну из его подделок аналогичное исследование в 1898 году после того, как Уайз пустил в продажу 18-страничную книжицу Р. Л. Стивенсона под названием «Несколько воспоминаний о колледже», якобы напечатанную в Эдинбурге в 1886 году. В книге не было выходных данных, и вскоре редактор «Атенеума» получил от эдинбургских издателей (неких Констеблей) письмо, в котором говорилось, что на самом деле «Несколько воспоминаний о колледже» впервые появились в «Новом Амфионе»; таким образом, это пиратская перепечатка, а отнюдь не первоиздание. Заодно они выражали серьезное беспокойство по поводу непомерно высоких цен. Редакторы «Атенеума» сопроводили это письмо примечаниями, в них говорилось, что Констебли ошибаются и что Стивенсон действительно напечатал несколько экземпляров брошюры для своих друзей; более того, некий «известный библиограф» сообщил в редакцию, что сам видел один такой экземпляр, надписанный Стивенсоном. Сообщение вызвало новый поток писем, особенно от разгневанных издателей, и Уайз, который, несомненно, был тем самым «известным библиографом», тоже ввязался в перепалку, выступая в защиту книжки. Однако защищался Уайз неуклюже, и его доводы были совершенно разбиты после того, как книготорговец Фрэнк Сейбин в своей едкой заметке не только продемонстрировал их шаткость, но и доказал полную абсурдность попытки связать это издание со Стивенсоном. Тем не менее страсти постепенно улеглись, и Уайз, в очередной раз избежав неприятностей, смог с облегчением перевести дух.

Между тем состояние Уайза достигло весьма внушительных размеров, и не только благодаря искусной книжной торговле, но и благодаря успехам в конторе Рубека. В 1906 году он даже принял

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

решение открыть собственное отделение фирмы по продаже ароматических веществ и основал его вместе с сыном хозяина, Отто П. Рубеком, под вывеской «У. А. Смит и К°». Предприятие это оказалось весьма прибыльным, особенно во время первой мировой войны и вскоре после нее. В 1909 году Уайз вновь меняет местожительство: его успехи бизнесмена дали ему возможность вложить часть денег в приобретение дома на Хит-драйв, в Хэмпстеде. Со своей первой женой Селиной, которая изменила ему и ушла от него в 1895 году, он развелся два года спустя, а еще через три года Уайз женился на Фрэнсис Луизе Гринхелш; этот брак оказался гораздо более удачным.

После 1912 года Уайз решил целиком посвятить себя литературной деятельности, передав коммерческие дела в надежные руки партнера. Он поставил своей целью создание библиографий и каталогов, посвященных различным авторам, особенно тем, кто когда-то пострадал от его фальсификаций. Стремился он и к тому, чтобы сделать свое уникальное книжное собрание более широкоизвестным и более доступным. Добиваясь предельной точности, он тщательно изучал тексты каждой книги и выписывал все данные о ней. Уайз решил вернуться на честный путь, а с продажей подделок и пиратских факсимильных изданий покончить раз и навсегда.

В девяностые годы в конторе Рубека появился молодой служащий по имени Герберт Горфин, который помогал Уайзу в его сделках с американскими друзьями. Как-то Горфин узнал, что у Уайза есть немало отдельных изданий Рескина, Суинберна и Браунинга, которые Уайз называл «остатками», попавшими к нему несброшюрованными перед сносом какого-то издательского склада. Многому научившись у Уайза, Горфин в 1913 году надумал открыть книжную лавку. Тогда его старший друг сделал широкий жест и предложил Горфину купить у него эти «остатки», чтобы было с чего начинать задуман-

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

ное предприятие. Горфин, не слишком много смысла в этих книжках, охотно согласился и заплатил 400 фунтов за 700 новехоньких экземпляров, из которых 537, как выяснилось позднее, оказалось подделками или самовольными переизданиями. Вскоре между Уайзом и Горфином произошла размолвка — они разошлись во мнении о цене на одну из книг и на какое-то время расстались, пока Уайз вновь не почувствовал, что без помощи Горфина ему не обойтись. Он попытался восстановить старую дружбу, когда началось расследование его пиратской деятельности; Уайзу это нужно было главным образом для того, как полагают, чтобы сделать Горфина козлом отпущения, если дело обернется плохо. Горфин, однако, к прежней дружбе охладел и вовсе не стремился возобновить знакомство. В 1933 году Уайз через своих посредников выкупил оставшиеся у Горфина издания из тех, что он продал ему 20 лет назад, и заплатил за них те же 400 фунтов, хотя Горфин теперь оценивал их на книжном рынке в две тысячи. В дальнейшем все подозрения в подделках с Горфина были сняты, и он умер в Стейплхерсте, графство Кент, в 1942 году в возрасте 65 лет.

По окончании первой мировой войны возник покупательский бум, вызванный теми, кто обогатился во время войны. Продажа редких книг стала необычайно выгодной, нувориши готовы были платить фантастические деньги за редкие книги и рукописи. Дельцов нисколько не интересовала истинная ценность книг, им важно было только одно: вовремя перепродать книгу и получить барыши. Между тем для многих война оказалась тяжким бременем, и им, чтобы бороться с нуждой, приходилось расставаться со своими богатыми библиотеками. Цены росли неимоверно, расхватавалось буквально все, даже первые издания современных авторов. Уайз с ликованием наблюдал этот бум, сознавая, что ценность его коллекции увеличивается с каждым днем. Сам он, впрочем, сохранял выдержку и ничего не прода-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

вал. Благодаря составленным им библиографиям его познания вошли в поговорку, а авторитет стал непререкаемым. К трудам современных авторов он не выказывал интереса, за исключением одного-двух случаев, когда, по его мнению, эти произведения ожидала долгая жизнь. Одним из таких авторов был Джозеф Конрад, которого позднее Уайз убедил продать ему свои рукописи. Конрад пошел на это, чтобы пополнить свои гонорары, и при условии, что рукописи останутся в библиотеке Эшли. Уайз, однако, с большинством из них расстался, получив огромные барыши.

Конрад стал и очередной жертвой уайзовских подделок, на которые тот временами пускался, несмотря на все желание не нарушать больше закона. Роман Конрада «Случай» должен был выйти в 1913 году, но публикация задержалась до 1914, и поэтому были отпечатаны новые титульные листы с соответствующей датой. Каким-то образом часть экземпляров со старой датой «1913» на титульном листе все же попала в обращение и тут же сделалась желанной добычей коллекционеров. Тогда Уайз сам напечатал сколько-то титулов с датой «1913» и заменил ими титульные листы основного тиража. Но на сей раз он допустил грубый промах, потому что в оригинале титульный лист был неотъемлемой частью книги, и его приходилось удалять, чтобы вместо него приклеить к корешку новый. Уайзовский титульный лист с датой «1913» также был приклеен к корешку, что не оставляло никаких сомнений в подделке. Фальшивый лист отличался от настоящего и другими особенностями, в частности, шрифтом. Уайз скоро понял ошибку и в своей «Библиографии Конрада» сделал примечание:

«Вклеенные отдельно титульные листы с датой «1913» поддельны. Это несомненно, и экземпляры книги, в которых они попадают, для коллекционера ни малейшей ценности не имеют». Много лет спустя, описывая свой собственный экземпляр «Слу-

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...
чая», Уайз упомянул о вклеенном титуле «1913», но тут же дал пояснение:

«Титульный лист в этой книге есть подлинный экземпляр первоначального титула, датированного 1913-м годом, сперва вырванный, а впоследствии вновь помещенный в книгу». Эта надпись была сделана собственноручно самим Конрадом по просьбе Уайза после того, как тот убедил Конрада, что книга подлинная. Когда после смерти Уайза библиотеку Эшли приобрел Британский музей, так называемого первого издания «Случая» в ней не оказалось.

В 1919 году Уайз с разрешения Конрада выпустил несколько книжечек с его произведениями, в основном напечатанными ранее в периодических изданиях. Однако в книжечках этих нет упоминаний о первых публикациях, и ни одна из них так и не попала в Британский музей. За разрешение напечатать книжки Конрад получил 200 фунтов, а тираж их был ограничен 25 экземплярами. Если за свои издания Суинберна Уайз запрашивал по 24 фунта за книгу, то весьма вероятно, что за книги Конрада он назначил такую же, а то и более высокую цену, и, как всегда, оставался в выигрыше.

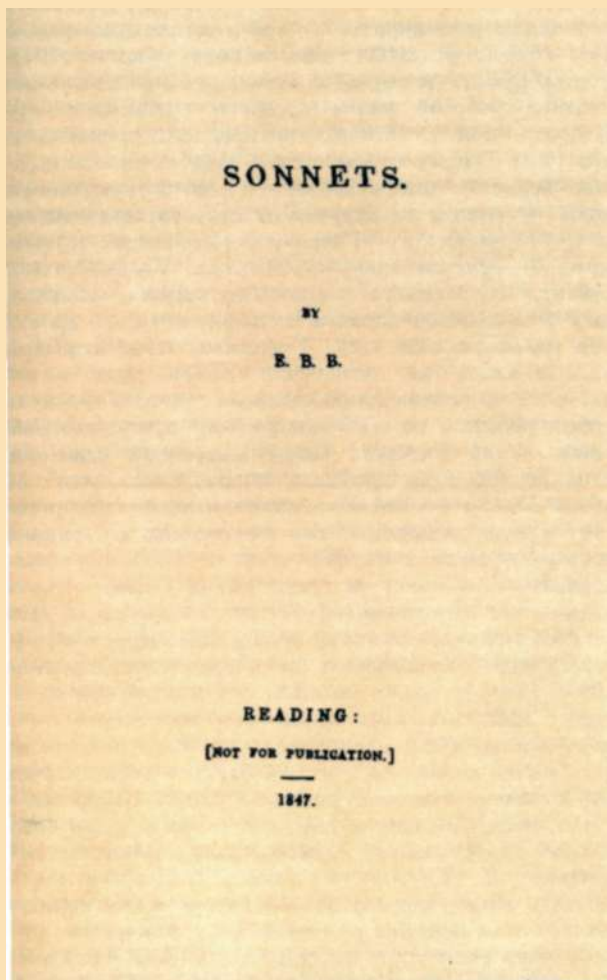
В 1920 году удачливому дельцу вновь пришлось столкнуться с неприятностями — вызвало их появление 32-страничной брошюры под названием «Библиографические сведения, относящиеся к публикациям Чарлза Элджернона Суинберна», написанной Флорой Ливингстон, сотрудницей Мемориальной библиотеки имени Гарри Элкинса Уайднера в Гарвардском университете. Брошюра весьма критически оценивала заслуги Уайза, бросала тень на его авторитет знатока творчества Суинберна. В 1927 году в своей «Библиографии сочинений Редьярда Киплинга» Флора Ливингстон указывала, что стихотворения «Белые лошади» и «Бремя белых» издавались с нарушением авторских прав и при этом были «разысканы» Уайзом! Уайз был далеко не в восторге от таких публикаций и заявил, что брошюры миссис Ливинг-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

стон содержат неверные сведения и только вводят всех в заблуждение.

К концу 1921 года Уайз, наконец, исполнил свой зарок и покончил с противозаконной деятельностью раз и навсегда. К этому времени он уже был богат, и ему не надо было добывать деньги столь низким путем; теперь он выпускал только законные с юридической точки зрения издания: библиографии произведений Лоудера, Китса, Конрада, Суинберна. Много времени он посвятил подготовке своего самого обширного труда — Каталога библиотеки Эшли, — который выходил в 11 томах в период с 1922 по 1936 год. Каталог завоевал большую известность, и благодаря успешной распродаже издание всех 11 томов обошлось Уайзу всего в 1100 фунтов, хотя вначале он предполагал потратить 3000 фунтов только на первые пять томов. Каталог еще более укрепил авторитет Уайза как знатока книги, и прежние подозрения улетучились. Зато последовали многочисленные почести: в 1922 году Уайз становится президентом Библиографического общества, в 1924 — почетным членом Вустерского колледжа в Оксфорде, в следующем году его имя появляется в справочнике «Кто есть кто», а в 1927 году его принимают в члены Роксберского клуба.

Но как ни радовали эти почести Уайза, с каждым днем он все отчетливей осознавал, что приближается к концу своей литературной карьеры. Дважды ему угрожали неприятности, и он всерьез опасался, как бы они не возникли вновь с еще большей силой. Пытаясь этого избежать, он надумал застраховать себя от любых случайностей. Он решил сам выступить с разоблачениями литературных подделок и снова оказался в центре внимания; более того, успехи в роли литературного детектива привлекли на его сторону новых почитателей. Однажды, например, один из лондонских книготорговцев предложил ему купить несколько якобы подлинных писем Шелли, но Уайз был настолько уверен в подделке, что,

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

не колеблясь, разорвал их прямо на глазах у торговца и позднее неоднократно сам об этом рассказывал. В 1931 году он установил поддельность рукописи Шарлотты Бронте и первого издания «Королевы Мэб» Шелли, «работы» нашего старого знакомого майора Байрона, или де Жибле, как предпочитал называть его Уайз. Однако стремление к разоблачению подделок нередко превращалось у него в навязчивую идею. Однажды он получил от книготорговца экземпляр байроновского «Гяура», датированного 1813 годом, с водяным знаком 1805 года. Книготорговец считал, что эта книга, «несомненно, один из уникальных экземпляров первого издания, который до сих пор нигде не отмечен». Лондонский книготорговец послал книгу на экспертизу Уайзу, зная о его интересе к первоизданиям; кроме того, Уайз в то время работал над «Библиографией сочинений Байрона». Уайз посчитал книгу подделкой издателя, исполненной ради прибыли, и сразу же заявил об этом. Тогда торговец обратился к издателю Байрона, сэру Джону Марри, и тот подтвердил ее подлинность. Уайз уже собирался в своей «Библиографии» заклеить и книгу, и продавца, но, узнав мнение Марри, тут же оставил эту затею. Не смущаясь тем, в какое глупое положение попал, Уайз сумел выторговать книгу за полцены (поначалу за нее просили 100 фунтов) и позже называл это издание уникальным. Однако в другой раз его все же ввела в заблуждение одна из подделок де Жибле: то была надпись на книге «Английские барды и шотландские обозреватели», якобы сделанная самим Байроном.

Но, несмотря на все попытки скрыть следы незаконной деятельности, неумолимо подступало разоблачение. В 1933 году к Томасу Уайзу явился с визитом книготорговец Грэм Поллард и приступил с расспросами о целом ряде изданий. Между тем уже несколько лет ходили неясные слухи что отпечатанное частным образом первое издание «Сонетов (с португальского)» Элизабет Браунинг, датированное

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

1847 годом, на самом деле фальшивка. За этой книгой тянулся еще ряд поэтических изданий, которые время от времени появлялись на различных аукционах и в каталогах книготорговцев и объединялись одним характерным признаком: они всегда были в отличном состоянии. Все это указывало на то, что книги по мере надобности поступали из одного и того же источника, продавались же они по очень высоким ценам. Грэм Поллард и Джон Картер особое внимание обратили на то, что больше всего этих «прекрасно сохранившихся книг» числится у лондонского книготорговца Герберта Горфина, бывшего друга и помощника Уайза. Джентльмены посетили Горфина и задали ему три вопроса: Правда ли, что книги из составленного ими списка (в связи с изучением некоторых изданий XIX века) поступили, как они подозревают, из одного и того же источника? Что это за источник? Существуют ли еще подобные книги? Горфин охотно ответил на все интересующие их вопросы, оказав им неоценимую помощь. Узнав все, что им было нужно, книготорговцы существенно дополнили свой список. Кроме того, Горфин пообещал, что и в дальнейшем они могут рассчитывать на его сотрудничество.

Картер и Поллард, сами профессиональные книготорговцы, решили публично разоблачить обнаруженные ими подделки. Их насчитывалось около сорока, и авторами были Мэтью Арнолд, Браунинги, Диккенс, Джордж Элиот, Киплинг, Уильям Моррис, Россетти, Рескин, Стивенсон, Суинберн, Теннисон и Теккерей. Среди книг выделялись сонеты Элизабет Браунинг, якобы изданные в Рединге в 1847 году. Во всех подделках был применен не изученный еще во всех подробностях метод печатания книг с фальшивыми датами первых изданий. Но если метод подделок был нов, то новыми были и методы, с помощью которых Картер и Поллард пытались разоблачить эти подделки. Особое внимание они обратили на «Сонеты (с португальского)», которые продавались на

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

аукционах по самым высоким ценам, вплоть до 250 фунтов за экземпляр. Долгое время считалось, что впервые сонеты появились во втором издании «Поэм в двух томах» в 1850 году. Однако в 1890-х годах появились указания на то, что существует более раннее частное издание, напечатанное по желанию Элизабет Барретт (Браунинг) ее другом Мэри Рассел Митфорд, пока Браунинги совершали свадебное путешествие по Италии. Книга была подвергнута новейшим методам исследования, не применявшимся ранее. Химический анализ бумаги позволил установить, из какого сырья она сделана, каким способом, где и когда. Оказалось, что не только для этой книги, но и для других использовалась бумага, которую не изготавливали до 1847 года. В конце XIX века было разработано много новых материалов, и тщательное исследование позволило установить, что бумага изготовлена не из тряпья, как следовало ожидать, а из древесного волокна и травы эспарто — материала, который начали применять лишь в 70—80-е годы XIX века, на 30 или 40 лет позже, чем книга якобы вышла.

Следующий этап расследования был связан со шрифтом, использованным при наборе. Дело в том, что по рисунку шрифта не сложно определить, из какой он гарнитуры и в какой типографии применялся. Многие годы шрифт в Англии изготавливали всего несколько фирм, и в начале XIX века самой распространенной была гарнитура старинного стиля, разработанная за сотню лет до того Каслоном. Подозреваемые же книги были набраны современным шрифтом, который применялся исключительно в типографии «Клей и сыновья» и был разработан намного позже обозначенных дат издания. Выяснилось, что шрифт был изготовлен фирмой «П. М. Шенкс и сыновья» в Лондоне в 1876 году и продан Клею. Владельцы типографии охотно признали, что книги напечатали они, но имя виновного в афере установить не удалось, так как все записи, сделанные до

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

1911 года, они, к сожалению, уничтожили. Факсимильные издания они печатали для обществ Браунингов и Шелли, и печатали добросовестно, тут их не в чем было обвинять. В конечном счете оказалось, что из 67 исследованных книг, датированных с 1842 по 1873 год, шестнадцать были отпечатаны в типографии «Клей и сыновья» после 1880 года, да и остальные были, видимо, изданы той же типографией.

Предположение Полларда и Картера подтверждала и та любопытная деталь, что ни одна из книг, датированных начиная с 1842 года, не появлялась на аукционах ранее 1888 года, и, кроме того, в этих книгах за одним, правда, исключением не было подписей владельцев. Это было весьма странно, так как в викторианскую эпоху владельцы книг, как правило, не забывали пометить свою собственность, если не экслибрисом, то, по крайней мере, своим именем. Кроме того, было установлено, что ни одна из этих книг не поступила в библиотеку Британского музея ранее 1888 года. Оказалось, что большинство этих творений разыскал Уайз, или же именно благодаря составленным и изданным им библиографиям они приобрели ценность для коллекционеров. И в довершение этих изобличающих выводов оказывалось, что следы большинства подделок ведут к Горфину, который, в свою очередь, признался, что купил эти книги оптом у Уайза. Горфину необычайно повезло: ведь первоначально подозрение пало именно на него, но обвинители вовремя спохватились, узнав, что первые подделки из этой серии появились, когда Горфину было всего десять лет.

Картер и Поллард провели свое расследование самым тщательным образом, анализ бумаги и шрифта они решили дополнить сличением текстов. Обычно в более поздних изданиях авторы вносят в текст кое-какие поправки, и найди они эти поправки в так называемых первых изданиях, это было бы бесспорным доказательством подделки. Проверя издания

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Теннисона и Рескина, Картер и Поллард напали на след подделки в книжице Рескина «Национальная галерея», датированной 1852 годом и составленной из двух писем, опубликованных в «Таймс» в 1847 и 1852 годах. В 1880 году Александр Уэддерберн выпустил письма Рескина, включив и эти два письма, печатая их прямо по газетному тексту вместе с двумя примечаниями, добавленными автором. При сравнении текстов обнаружилось, что примечания, которые были в газете, отсутствовали в брошюре с датой 1852 года. Кроме того, Уэддерберн включил в свое издание два собственных примечания, и вот они-то и оказались в книжке 1852 года, несомненно, доказывая тем самым, что издание 1852 года просто скопировано с издания Уэддерберна 1880 года и, следовательно, поддельно. Нужно отдать должное кропотливым исследователям, наделенным к тому же незаурядным чувством справедливости. Конечно, этим литературным детективам стало совершенно ясно, что Уайз повинен во множестве книжных подделок, но в своей книге они ни разу не обвинили его напрямую, удовольствовавшись только одной фразой:

«Трудно поверить, что мистера Уайза так и не осенила догадка, кто же изготовитель подделок; но пока это остается в области догадок, он избрал верный путь — не высказывать никаких предположений».

Выход в свет в 1934 году книги Картера и Полларда «Расследование происхождения некоторых изданий XIX века» вызвал сенсацию, о которой писали все ежедневные газеты. Уайзу пришлось дать интервью одному из репортеров, которое было напечатано 30 июня 1934 года; в нем Уайз утверждал:

«Большая часть «разоблаченных» книг — подлинники. Те же, что действительно оказались подделками, по-видимому, отпечатаны в 80-х годах прошлого века. В то время мне было немногим более двадцати, я только начинал охотиться за книгами, и мне

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

еще очень не хватало знаний. Между тем эти издания признавали подлинными такие авторитеты, как Бакстон Формен, сэр Эдмунд Госс, Уильям Россетти, д-р Гарнетт из Британского музея, преподаватель Стопфорд Брук и другие. Если их сочли подлинными столь почтенные люди, опытнейшие специалисты, как мог такой юнец, как я, заподозрить фальшивки?»

Далее Уайз заявил, что Гарри Бакстон Формен имел обыкновение закупать и откладывать «про запас» последние экземпляры книг известных авторов, а затем перепродавать и обменивать их. От Формена многие книги попали к Уайзу, а от него к Горфину, и когда Горфин просил его достать как можно больше экземпляров, Уайз заметил ему, что выступает лишь в роли посредника. В другой раз Уайз высказал предположение, что подделки изготовлялись Ричардом Х. Шепердом, которого, разумеется, как и Формена, уже не было в живых. Но, к несчастью для Уайза, оказалось, что несколько подделок появилось после смерти Шеперда в 1895 году. Уайз пытался отрицать, что когда-либо скупал книги, и выступил с очередным заявлением в «Таймс литерери саплмент» 12 июля 1934 года, где снова попытался свалить всю вину на Формена. Но уже на следующей неделе Герберт Горфин в ответном письме полностью реабилитировал Формена, назвав обвинения Уайза лживыми и необоснованными. При этом он заявил, что Уайз никогда прежде не упоминал о Формене, пока Поллард не дал понять Уайзу, что его книги — подделки. Горфин сообщил также, что Уайз рассказывал ему совершенно другую историю — о несброшюрованных книгах, якобы найденных на издательском складе, который собирались снести. В газеты посыпались новые письма, авторы их требовали от Уайза объяснений, а главное — признаний, какие из книг подлинные, а какие фальшивые. Речь шла о крупных суммах, и для многих ответ Уайза, будь он неутешителен, мог обернуться

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

катастрофой. Но Уайз решил в эту историю не ввязываться, а сосредоточиться на подготовке к изданию девятого тома Каталога библиотеки Эшли. И все же он не выдержал удара, который нанесло ему расследование, и вскоре заболел. Правда, злые языки называли его болезнь уловкой, особенно когда, сославшись на плохое самочувствие, он отказался явиться для объяснений в Роксберский клуб.

Уайз старался пренебречь «Расследованием...», публично называл его «бесчестной книгой», однако на самом деле прекрасно понимал, какой ущерб нанесен его чести и репутации. Если бы обвинения были ложными, ничто не помешало бы ему обратиться в суд, даже несмотря на то, что авторы «Расследования...» не выдвинули против него прямых обвинений. Так и не оправившись от потрясения и последовавшей за этим болезни, Уайз скончался у себя дома на Хит-драйв в Хэмпстеде 13 мая 1937 года в возрасте 77 лет. Во многих газетах появились некрологи, а «Таймс» поместила следующую заметку: «В ответ на многочисленные требования назвать источники подделок и объяснить, отчего он так упорно настаивает на их подлинности, Уайз сначала пытался переложить вину на своих друзей-коллекционеров, которых уже нет в живых, а затем, не в силах доказать свою правоту, стал упорно отмалчиваться».

Неожиданно весьма нелепое заявление сделал Эрндел Эсдейл, один из известных в стране библиотечкарей. Оно было напечатано в ноябре 1937 года в «Лайбрери ассошиэйшн рекорд»:

«...вероятно, мы так и не узнаем, кто же был фальсификатором, да это теперь и не важно...»

Более чем странное заявление для столь уважаемого специалиста, особенно если учесть, что подделки Уайза не только нанесли ущерб всем тем, кто их приобрел, но и посеяли сомнение в подлинности других книг.

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

Предполагалось, что после смерти Уайза его обширная библиотека станет национальным достоянием, сам владелец неоднократно намекал на это, однако его завещание такой щедростью не отличалось. Уайз выразил в нем сожаление, что в связи с высокими налогами на наследство завещатель, хотя и не может выполнить свое первоначальное намерение, но оставляет жене указания продать библиотеку, назначив цену по своему усмотрению, при этом право первого выбора предоставить Британскому музею. Ни при каких обстоятельствах собрание не может быть отправлено в Соединенные Штаты для продажи с аукциона. Начались переговоры с представителями Британского музея, и было достигнуто соглашение о цене: по требованию миссис Уайз цену не огласили, но известно было, что она значительно ниже реальной стоимости библиотеки. Однако вдове Уайза очень хотелось, чтобы все же собрание попало в Британский музей, и она даже подарила музею прекрасные резные шкафы ручной работы для хранения проданных книг. Называли и предполагаемую цену: около 60 тысяч фунтов. Помимо этого Уайз оставил жене состояние в 138 тысяч фунтов. Сотрудники Британского музея приступили к осмотру библиотеки в ее новом помещении с большим энтузиазмом, особенно их интересовали пресловутые издания XIX века. Но тут их ждало разочарование: они обнаружили, что 14 книг не хватает. Морис Бакстон Формен, сын Гарри Бакстона Формена, заявил, что часть книг Уайз, видимо, уничтожил, но почему он это сделал, объяснить не смог. Выяснилось также, что кое-какие наиболее ценные рукописи были все же проданы в Америку. В частности, автограф сонета Китса «Сон после чтения у Данте истории Паоло и Франчески» оказался в руках американца А. Э. Ньютона, а в 1941 году снова был продан за семь тысяч долларов. Таким образом, выяснилось, что каталог библиотеки Эшли не соответствовал ее составу, и это несоответствие пролива-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

ет некоторый свет на деятельность Уайза — торговца редкими книгами, хотя от этой профессии он всеми силами отрешивался.

После разоблачения Уайза в упоминавшемся «Расследовании...» у многих возник один и тот же вопрос: зачем он это сделал? Джордж Бернард Шоу высказал мнение, что Уайз выпускал свои подделки ради шутки, а книготорговцы принимали их всерьез. Тогда Уайз, в насмешку над их невежеством, стал выпускать все новые и новые подделки — ему хотелось посмотреть, когда, наконец, так называемые эксперты спохватятся и поймут, что их одурачили. Однако вряд ли Шоу с его теорией попал в точку: Уайз вовсе не был любителем розыгрышей, а, кроме того, любители розыгрышей обычно стремятся к публичности, да и о каком розыгрыше может идти речь, когда смешно только его автору! Было и другое предположение: считали, что мотивом могла быть своеобразная месть Уайза всем этим горе-специалистам, но все же большинство склонялось к самому простому объяснению: Уайз стремился разбогатеть. Совершенно очевидно, что книги приносили ему немалый доход; несомненно и то, что в молодости он постоянно нуждался в деньгах, которые нужны были ему на покупку все новых и новых книг, чтобы пополнять свою библиотеку.

Томас Джеймс Уайз был последним из великих мистификаторов. К несчастью для него, действовал он в эпоху стремительного развития науки. Вероятно, при обычном течении событий он унес бы свою тайну в могилу. Подозрения он вызвал у очень немногих, однако благодаря новым методам исследования удалось раскрыть самые дерзкие из литературных подделок. Томас Джеймс Уайз был фигурой уникальной — на то, что удалось ему, никто до него не отваживался. В отличие от других мистификаторов, он не создавал новых произведений, приписывая их известным авторам. Он подделывал не тексты, а сами книги. Он сыграл на струнах жадности своих

НА ВСЯКОГО УАЙЗА...

собратьев, которые постоянно ищут легкой наживы и нередко даже не читают купленные книги, а лишь ждут благоприятного момента, когда цена на них подскочит и можно будет продать их подороже. Это становится совершенно очевидным, когда, купив старинную книгу, зачастую находишь ее неразрезанной — явное свидетельство того, что владельцы так и не раскрывали ее страниц. В наши дни Уайзу вряд ли удались бы подобные подделки — современная наука продолжает свое бурное развитие и после выхода книги Картера и Полларда, так что теперь нетрудно выявить практически любую подделку. И все же Томас Джеймс Уайз занял свое скромное место в литературной истории, правда, не то, на которое рассчитывал. Увы, на всякого Мудреца довольно простоты!

*Симонидис был одной из выдающихся фигур XIX столетия.
К сожалению... чуть не вся его деятельность постоянно
возбуждала подозрения из-за ряда нелепых подделок*

ГРЕК
СИМОНИДИС

В феврале 1853 года к сэру Фредерику Мэддену в Британском музее подошел человек, назвался Константином Симонидисом и предложил продать музею древние рукописи.

После тщательного изучения Мэдден отказался их купить: по его мнению, это были подделки. На следующий день Симонидис снова явился к Мэддену, но уже с другими рукописями, которые Мэдден признал подлинными и приобрел для музея. Рукописи эти оказались замечательными образчиками древнего письма, выполненного на пергамене; их сегодня можно увидеть в отделе рукописей Британского музея.

Отвергнутые рукописи Симонидис предложил сэру Томасу Филлипсу, коллекционеру, столь жадному до находок, что он не был слишком придирчив к подлинности работ. Принцип его был таков: если все подвергать проверке, можно упустить что-нибудь истинно редкое или ценное, и потому он покупал все, что попадало ему в руки. Тем не менее он составил список рукописей, полученных от Симонидиса, и дал свое заключение об их подлинности. Некоторые из них оказались все же, по его мнению, подделками: они были пропитаны табачным настоем, придавшим им вид, характерный для древних рукописей. Однако целый ряд работ, которые Мэдден считал подделками, у Филлипса сомнений не вызвал. Среди них были три первые книги «Илиады», написанные на тонком пергамене необыкновенно изящным почерком. По словам Симонидиса, рукописи были собраны им в афонских монастырях, где он некоторое время жил в 1840 году. Проданные Симонидисом рукописи были весьма велики, одна из них насчитывала 770 страниц прекрасного письма. Если это и были подделки, то создание их потребовало уйму времени и терпения.

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

В 1851 году греческий поэт Рангавис в «Пандоре» прямо обвинил Симонидиса в изготовлении поддельных рукописей. Однако на мнение Рангависа могло повлиять то, что они с Симонидисом уже несколько лет были во враждебных отношениях. С другой стороны, известно, что сэра Мэддена было нелегко ввести в заблуждение, даже если предположить, что Симонидис, стремясь отвести от себя подозрения, вначале предложил ему подлинные рукописи, а потом уже подделки. Но, по словам самого Мэддена, дело обстояло как раз наоборот: Симонидис вначале явился с подделками, и только потом — с подлинниками, и потому с первых шагов навлек на себя подозрения. Облей человека грязью, что-нибудь да пристанет, и Симонидис прослыл фальсификатором. Правда, у него нашлись защитники: оказалось, что часть рукописей, попавших к сэру Томасу Филлипсу, совпадает по именам авторов и названиям с теми рукописями, которые хранились в афонских монастырях. Тщательное изучение монастырских рукописей показало, что многие из них поддельны; это, пожалуй, снимало с Симонидиса обвинение в фальсификации, но не умаляло его вины в продаже подделок, приобретенных у монахов. В ответ на эти обвинения Симонидис заявил, что к 1853 году в его распоряжении находятся 2500 рукописей, которые хранятся в нескольких больших сундуках, и что одному человеку совершенно невозможно выполнить столько подделок — даже если бы он пережил самого Мафусаила. С этим соглашался и его биограф Стюарт, указывая, что Симонидис никак не мог бы осилить такую большую работу — даже если бы обладал средствами для массового производства подделок.

Спасаясь от нападок, Симонидис отправился во Францию и обосновался в Париже. Там он свел дружбу с графом де Марселлюсом — тот собирал материалы для своей работы о греческом поэте V века Нонне, переложившем стихами Евангелие от

Константин Симонидис

Иоанна. Граф просил Симонидиса помочь ему найти если не труды самого поэта, то хотя бы какие-нибудь работы о нем, и вдруг, о, чудо, — через две недели Симонидис является с биографией Нонна из

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ считавшейся утерянной работы Деметрия Магнесийского «О соименных друг другу поэтах и писателях». Это был грубейший промах Симонидиса, поскольку Деметрий Магнесийский написал свою книгу за 600 лет до того времени, когда жил Нонн. Ошибка заключалась в том, что он спутал Деметрия Магнесийского с Дионисием, писателем VI века. Кроме того, Симонидис заявил, что нашел биографии александрийского писателя Урания, жившего в IV веке, египтянина Гора и грека Гермы. Впрочем, Симонидис, по свидетельству графа де Марселлюса, вел в Париже весьма пристойный образ жизни и продавать там свои рукописи не пытался.

В июле 1855 года Симонидис переехал в Германию, в Лейпциг, и картина резко изменилась: здесь он рискнул пустить в продажу рукописи Урания и Гермы. Одна из рукописей, «Пастырь» Гермы, не была подделкой, так как первые три листа Симонидис изъясил из экземпляра монастыря св. Григория на горе Афон, а шесть других листов были копией остального текста. Спор возник из-за того, какую часть считать копией, а затем из-за расхождений между копией и оригиналом. Однако позднее, когда оставшаяся часть оригинала была обнаружена в том же монастыре, выяснилось, что критики ошибались. Другая рукопись, которую Симонидис продавал в Лейпциге, была «История Египта» Урания. Из-за жадности одного из покупателей эти рукописи навлекли на Симонидиса большие неприятности. В Лейпциге он познакомился со студентом-теологом Александром Ликургусом и жил с ним в одном доме. Симонидис давал ему исправлять некоторые греческие рукописи. Однажды Симонидис показал ему рукопись Урания, которая на самом деле была палимпсестом (текстом, написанном на пергамене после сведения первоначального текста). Симонидис решил продать этот манускрипт профессору Диндорфу за 2000 талеров. Ликургус, который не отличался познаниями в палеографии, заподозрил, что это

Фредерик Мэдден

подделка, раз пергамен использовался повторно, и счел своим долгом предупредить профессора. Ему удалось внушить Диндорфу подозрения, так что, когда Симонидис явился с рукописью, профессор

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

попросил разрешения у Симонидиса подвергнуть ее химическому анализу. В случае, если рукопись подлинная и представляет собой палимпсест, химический анализ выявит сведенный текст. Симонидис не возражал, проверку провели, не откладывая, и она дала положительные результаты. Диндорф убедился в подлинности работы и отверг сомнения Ликургуса, решив, что они были вызваны завистью. Когда Ликургус снова стал указывать Диндорфу на некоторые сомнительные выражения в рукописи, такие, например, как «по моему мнению», то получил от профессора просто уничтожающий ответ.

Диндорф, однако, отличался жадностью. Он предложил Симонидису 2000 талеров, а сам в то же время вел переговоры с правительством Пруссии, предлагая эту рукопись за 5000 талеров. Переговоры велись через члена Берлинской академии Лепсиуса, который, в конце концов, уговорил прусского короля заплатить 5000 талеров. Но Диндорф отказался оставить рукопись в Берлине, пока не получил половину, то есть 2500 талеров, вперед, и сразу же отдал 2000 талеров Симонидису. Все прошло гладко, но в январе 1856 года события приняли другой оборот. Диндорф договорился, что рукопись издадут в Оксфорде с написанным им латинским предисловием и под заглавием: «*Uranii Alexandrini de Regibus Aegyptorum Libri tres*» *. Но едва книгу начали печатать, буквально на другой день Диндорфу сообщили, что в Берлинской академии рукопись признана поддельной. Печатание тут же прекратили — успело выйти всего пятнадцать экземпляров. Лепсиус в Берлине заново провел химический, а Тишендорф в Лейпциге — палеографический анализ. Эти проверки, дополненные микроскопическими исследованиями, привели к тому, что Лепсиус прибыл в Лейпциг вместе с начальником полиции, который арестовал Симонидиса за мошенничество и доставил его в Берлин, чтобы

* «Три книги Урания Александрийского о египетских царях» (лат.).

ГРЕК СИМОНИДИС

привлечь к суду. К счастью для Симонидиса, берлинский суд не нашел состава преступления и постановил немедленно освободить арестованного.

Доказательства Лепсиуса были достаточно убедительны: он заявил, что обнаружил у Симонидиса несколько фальшивых (наряду с подлинными) рукописей, в том числе подлинный греческий экземпляр Урания, и ржавые гвозди, которые Симонидис, очевидно, использовал для изготовления желтых чернил. Но Симонидис утверждал, что пользовался «чернилами», только чтобы обвести неразборчивые буквы; гвозди нужны были ему для приготовления «железной воды», которую он привык пить еще в юности, найденная же у него рукопись Урания — всего лишь копия подлинника, сделанная по настоянию Диндорфа.

Одним из доказательств поддельности рукописи служила для Лепсиуса та ее часть, где приводился список египетских царей. Лепсиус был видным египтологом и дал в своих трудах предполагаемый порядок их царствования. В найденной рукописи порядок царствования не соответствовал порядку, предложенному Лепсиусом, хотя работы Лепсиуса у Симонидиса имелись. Однако из этого, скорее, можно заключить, что ради успеха подделки Симонидису проще было бы следовать порядку, предложенному Лепсиусом, а не вносить какие-то мелкие изменения.

Любопытно, что Лепсиус отвергал подлинность рукописи на основании доводов исторических — и вместе с тем не соглашался с палеографическими доказательствами Тишендорфа.

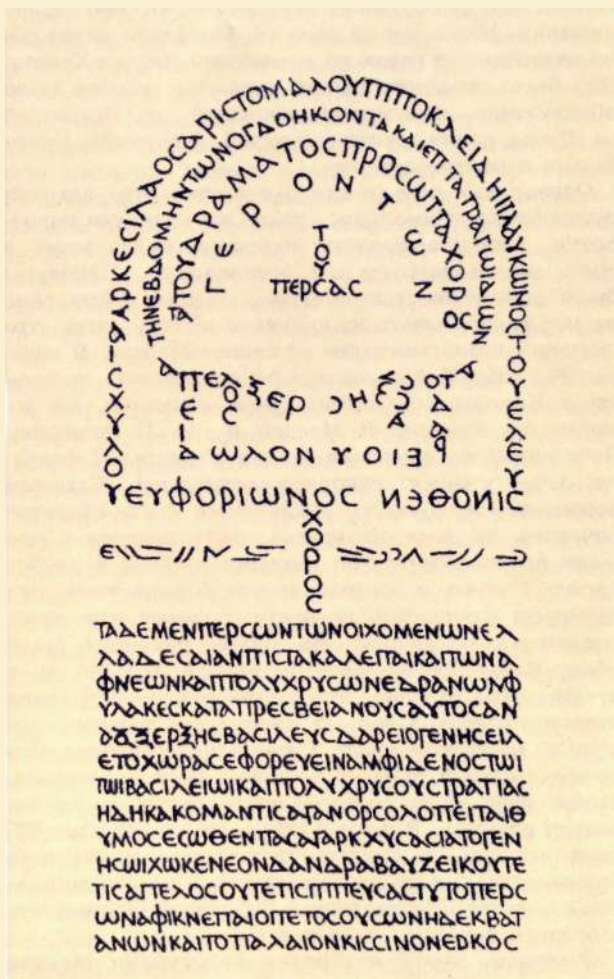
После освобождения Симонидис отправился в Вену и сразу же принялся оправдываться и писать в защиту рукописи Урания. Он послал в аугсбургскую газету «Альгемейне цайтунг» письма, в которых объяснял свое поведение в Лейпциге. Газета, впрочем, отказалась их печатать, и ему пришлось опубликовать их самому в своих «Archaeologische Abhan-

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

lungen» *. Его утверждение, что Ураний действительно существовал, не вызывает сомнений, так как Ураний неоднократно упоминается в работах Стефана Византийского, грамматика, жившего в V или VI веке. Но сомнительно, что Ураний, по словам Симонидиса, написал около шестидесяти работ, включая книги о жизни и обычаях египтян, различные истории об Аравии и Эфиопии, а также, по крайней мере, еще три книги о самих египтянах. Симонидис хотел создать впечатление, будто все эти работы у него есть, но вызвал подозрение, что он задумал серию новых подделок.

Следующие два-три года Симонидис провел, путешествуя по Европе и посещая все крупные библиотеки, в которые мог попасть. В 1858 году он вернулся в Лондон, стараясь не привлекать к себе внимания, и только в 1860 году снова заявил о себе в литературных кругах. 13 февраля в Ливерпуле он обратился к Джозефу Мейеру, прося разрешения посмотреть его коллекцию древностей. Мейер согласился, и Симонидис позднее отблагодарил его, посвятив ему свою книгу «Краткое рассуждение о иероглифическом письме». Книга была написана на английском и греческом языках и содержала искусную интерпретацию иероглифики. Позже стало очевидно, что книга была просто приманкой: Симонидис узнал, что Мейер приобрел ряд совершенно неизвестных и неизученных папирусов. Книга о иероглифах пришлось как нельзя кстати, и Мейер обратился к Симонидису с просьбой развернуть, изучить и расшифровать папирусы. С большой энергией Симонидис принялся за эту трудную работу, но занимался он ею всегда в присутствии либо Мейера, своего музейного куратора, либо Джона Элиота Ходжкина. Поэтому возможность подделок, по-видимому, здесь исключалась. Первого мая того же года Симонидис обнаружил ряд фрагментов Евангелия от Матфея.

* «Археологические разыскания» (нем.).

«Персы» Эсхила. Подделка Симонидиса

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Приписка в конце Евангелия гласила, что оно писано диаконом Николаем со слов св. Матфея и датировано пятнадцатым годом по вознесении Иисуса Христа. Это было не единственное открытие, вскоре были обнаружены фрагменты посланий св. Иакова и св. Иуды, копии десяти заповедей, фрагменты Книги Бытия и многое другое.

Однако как только стало известно, что находки расшифровал Симонидис, сразу же возникли подозрения, хотя специалисты никак не могли взять в толк, какую цель он мог преследовать. Папирусы были собственностью Мейера, поэтому Симонидис не мог рассчитывать на какую-то выгоду, разве что получить вознаграждение от самого Мейера. В январе 1863 года Мейер согласился представить папирусы в Королевское литературное общество, где их могли бы изучить Ф. Мэдден и сэр Г. Ролинсон. Зачитанный на заседании Совета общества 11 февраля отчет гласил: рукописи поддельны. Главным основанием для такого заключения было сходство почерков на всех папирусах, хотя написаны они были предположительно разными людьми в разное время и даже в разные эпохи. Кроме того, эти папирусы отличались по цвету от ранее известных подлинных папирусов. На одной рукописи были обнаружены следы промокательной бумаги, и в отчете было указано, что с этой рукописи удалили первоначальную запись, а вместо нее нанесли свежую на греческом языке. Симонидис утверждал, что промокательной бумагой пришлось воспользоваться, чтобы легче было разворачивать свитки, но его не хотели слушать. Все же в 1861—1864 годах Симонидису удалось выпустить факсимильные издания большинства папирусов, оригиналы же были доставлены в музей Ливерпульской публичной библиотеки, а позднее переданы туда в дар.

Очевидно, что в истории с папирусами Мейера Симонидис столкнулся с явной предвзятостью. Ему так и не удалось добиться беспристрастной оценки:

ГРЕК СИМОНИДИС

только потому, что рукописи были связаны с его именем, их заранее уже считали поддельными. Между тем представленные против него доказательства не отличались убедительностью. Обвинение, что все папирусы написаны одинаковым почерком, было абсурдным, и более тщательное исследование показало: папирусы Мейера вполне выдерживают сравнение с подлинными рукописями, найденными в последующие годы. В свое время секретарь Королевского литературного общества утверждал, что папирусов I века не существует вовсе, однако новые открытия, сделанные в Египте, вскоре опровергли эту теорию. На мой взгляд, настало время провести беспристрастное исследование и установить раз и навсегда, являются ли папирусы Мейера подделками или нет.

В 1862 году Симонидис вызвал еще одну сенсацию, когда в газете «Гардиан» от 5 сентября он заявил, что имеет прямое отношение к Синайскому кодексу, найденному Тишендорфом на горе Афон. Симонидис утверждал, что переписал кодекс по предложению своего дяди Бенедикта, который собирался затем подарить его царю Николаю I. Заявив, что, по его мнению, Тишендорф принял рукопись XIX века за древнюю рукопись IV столетия, Симонидис поставил Тишендорфа в довольно-таки глупое положение. Однако эксперты встали на сторону Тишендорфа. Генри Брэдшоу, исследовав кодекс, хранившийся у Тишендорфа, в письме, опубликованном в «Гардиан» 23 января 1863 года, заявил, что он «уверен в подлинности и древности Синайского кодекса, как в самом себе». Два других эксперта-палеографа, Треджеллес и Скривнер, также осудили заявление Симонидиса. Но вскоре в «Гардиан» появились новые письма — на этот раз в поддержку Симонидиса писал иеромонах Каллиникос из Александрии. Заподозрив неладное, Королевское литературное общество потребовало оригиналы писем и, рассмотрев их, решило, что почерк и бумага полностью совпадают с почерком и бумагой Симонидиса. Общество высказало

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

предположение, что Симонидис сам написал эти письма, а затем отправил в Александрию своему приятелю с просьбой переслать их, снабдив соответствующими почтовыми штемпелями. Обвинения эти никогда не были доказаны.

Следующей попыткой дискредитировать Симонидиса было стремление доказать, что так называемого дяди Бенедикта не существует вовсе.

Николаидис, бывший некоторое время Салоникским архидиаконом, писал в «Парфеноне», что он пять раз был на горе Афон и не слыхивал ни о каком Бенедикте. Тем не менее вскоре обнаружилось, что имя Бенедикт упоминается в каталоге афонских рукописей, составленном Лампросом. Там же оказался и Каллиникос, писавший в «Гардиан» в поддержку Симонидиса.

Решение вопроса о подлинности Кодекса во многом зависело от доказательств Каллиникоса. Он представил литографированные копии писем, которыми обменивался с Симонидисом и Констанцием. В этих письмах постоянно упоминается копия Кодекса, которую Симонидис готовил для царя. Впрочем, чтобы оправдать Симонидиса, нетрудно было датировать эти письма более ранними числами; далее, Симонидис, возможно, готовил совсем другой кодекс, не тот, что нашел Тишендорф. Несмотря на поток писем, протестов и косвенных намеков, который то нарастал, то убывал, для проверки доказательств так и не привлекли настоящих экспертов, способных дать беспристрастное заключение о подлинности не только Кодекса, но и писем Каллиникоса. Позднее, например, отмечалось, что и Брэдшоу, и Треджеллес исследовали кодекс за два месяца до заявления Симонидиса. Следовательно, они не искали никаких подтверждений того, что рукопись поддельна, и не имели никаких подозрений на этот счет. А главным доводом Скривнера было утверждение, что такому юнцу, каким был Симонидис, когда, по его словам, он переписал эту рукопись, не по силам

ГРЕК СИМОНИДИС

было создать подобный шедевр. Правда, он не принимал в расчет блестящие каллиграфические способности Симонидиса. Еще один довод в пользу Симонидиса — то, что никто из посещавших Афонский монастырь до 1844 года ровно ничего не слышал об этом Кодексе. Таким образом, чтобы окончательно установить истину, требуются новые доказательства.

Разочарованный и надломленный проявленной к нему враждебностью, Симонидис в 1864 году навсегда покинул и Лондон, и литературную сцену. Больше о нем ничего не было слышно вплоть до самой его смерти в Александрии в 1867 году. Во многих отношениях это был удивительный человек, своими литературными познаниями он превосходил всех своих современников. Знаток древних рукописей, искуснейший каллиграф и к тому же человек необычайно образованный, Симонидис был одной из выдающихся фигур XIX столетия. К сожалению, на протяжении всей жизни Симонидиса чуть не вся его деятельность постоянно возбуждала подозрения из-за ряда нелепых подделок. Симонидиса постигла судьба большинства известных мистификаторов: его подлинные и оригинальные труды, а их было предостаточно, не были должным образом оценены, хотя своими достоинствами, несомненно, заслуживали прочного места в анналах истории литературы.

*Особенно внимателен был молодой друг Мюнхгаузена
Рудольф Эрих Распе...*

ПОДДЕЛАНО
В ЕВРОПЕ

Многие страны в те или иные годы возвращали на своей почве литературных мистификаторов, и Италия среди них не исключение. Самым известным итальянским мистификатором, несомненно, был некий Анний из Витербо, как он себя называл, или Нанный, как выяснилось позднее. Он родился в 1432 году, прожил около 70 лет и умер, как полагают, отравленный неукротимым Цезарем Борджа. Еще в молодости Анний стал монахом ордена доминиканцев и со временем приобрел известность как проповедник. В 1471 году он произнес в Генуе проповеди, которые позднее вышли отдельной книгой «Tractatus de Imperio Turcarum» *; образ правления турок был в те времена темой, вызывавшей споры. Девять лет спустя он опубликовал еще одну книгу проповедей, основанную на Книге Откровений Иоанна Богослова и названную им «De Futuris Christianorum triumphis in Turcas et Saracenas» **, где он предсказывал скорый конец Оттоманской империи. В дальнейшем он стал выбирать темы еще более полемичные и в 1482 году даже выступил с нападками на тех, кто дает деньги в рост под высокие проценты, и вызвал тем самым недовольство состоятельных граждан. Однако в церковных кругах его деятельность встречала одобрение, и в 1499 году при печально известном папе Александре VI он стал в Ватикане магистром. В папской курии он руководил всем печатным делом в Риме, что давало ему право одобрить или запретить любую книгу.

Однако еще за год до своего возвышения Анний вступил на путь литературных мистификаций. В 1498 году он напечатал книгу под названием «De

* «Трактат о турецкой империи» (лат.).

** «О будущем торжестве христианства среди турок и сарацин» (лат.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Commentariis Antiquitatum» *, включавшую 17 трактатов. Одиннадцать из них принадлежали различным авторам, работы которых считались утраченными и были якобы найдены Аннием. Тексты трактатов сопровождалась комментариями настолько обширными, что, пожалуй, были пространнее самих трактатов. Они, казалось бы, проливали свет на ряд мало изученных к тому времени периодов истории. Например, некий Мирсил написал очерк завоевания Италии пеласгийскими племенами, пришедшими из Греции, и пытался проследить историю происхождения Италии и Этрурии. Анний утверждал, что нашел 22 фрагмента из сочинений Катона Старшего, Цензора, известного автора истории Италии. Известно было и то, что Катон опровергал утверждения греков, будто они первые завоевали Италию, в том же духе выдержаны и «найденные» Аннием отрывки. Их обладателем был якобы магистр Гильельмо из Мантуи; эти географические описания имели много общего с текстом «Естественной истории» Плиния. Полагают, что Плиний использовал работы Катона, однако в данном случае, похоже, все было наоборот: работы Плиния использовались при сочинении «найденных» отрывков.

Одним из лучших и наиболее ранних историков Древнего Рима был Квинт Фабий Пиктор, участник Галльской войны (225 год до н. э.) и 2-й Пунической войны. Труды его до нас не дошли, однако, как утверждал Анний, ему удалось найти две книги Пиктора; одна посвящена золотому веку, другая — топографии римских холмов. К сожалению, очевидно, что и эти работы заимствованы: на сей раз у Овидия. В комментариях так и говорится, что Пиктор и Катон опирались на труды Овидия; правда, это было весьма затруднительно — ведь Овидий появился на свет столетием позже.

По словам Анния, он нашел также пять утрачен-

* О комментировании древностей» (лат.).

ных книг вавилонского священника Бероса, в которых описано правление ассирийских царей. Более того, персидский священник, историк и летописец Метасфен сделал латинский перевод этих книг — словно специально для Анния! Странно одно: сам Метасфен сомневался в достоверности сочинений Бероса, так что получается порочный круг, подрывающий достоинство священнического сана. Еще одним «открытием» Анния был краткий очерк истории Филона Иудея, начинавшийся со времен Адама и называвшийся «*Breviarium de Temporibus*» *. Говоря о нем, Анний даже выразил удивление, что работу Филона мало использовали теологи, хотя она имеет антииудаистскую направленность. Рассматривая сегодня находки Анния, нетрудно заметить, что все они написаны в одной и той же невыразительной и скучной манере — и вряд ли это назовешь совпадением.

Самыми крупными и в то же время интересными из так называемых находок были пять полных книг «Истории» Бероса. Уже упоминавшийся Берос, живший в третьем столетии до новой эры, написал на греческом языке историю Вавилона; она сохранилась лишь в отрывках, но современная наука считает ее достоверной. Однако в сочинении, которое Анний приписывал Беросу, достоверного мало: сбивая бедного читателя с толку и тревожа его воображение, автор повествует о правлении жестоких царей и великанов, длившемся полтора столетия. По словам Анния, книги подарил ему некий армянин Георгий, которому однажды он оказал гостеприимство в Генуе. Любопытно, что армянин Георгий, как и другой щедрый даритель, магистр Гильельмо из Мантуи, существовал на самом деле.

Анний упоминает также об историческом сочинении египтянина Манефона. Оно и впрямь существовало, но не совсем в том виде, как у Анния. В его

* «Краткий временник» (лат.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

«редакции» книга начинается с рассказа о царе Египте. Хотя могила его еще не найдена, тем не менее сообщается, что он был современником царя кельтов Рома, царя аборигенов Фавна Приска, афинского царя Пандиона и ассирийского царя Белока. И эта книга написана тем же утомительно скучным слогом, что и большинство других «находок» Анния. При этом Анний допустил здесь крупную ошибку: Манефон жил примерно во время правления Птолемея Филадельфийского (284—246 гг. до н. э.), но имена римлян, упоминаемые в приписываемой ему работе, свидетельствуют о том, что труд этот создавался после основания Римской империи, то есть два столетия спустя.

По поводу книги Анния разгорелись долгие и ожесточенные споры: многим книга казалась достоверной, но многие сомневались. Немало известных людей высказывались за и против, и, как ни странно, у Анния нашлось немало сторонников. Но лишь в XIX веке Анний был разоблачен, и спору был положен конец. Тирабоски в своей «Истории итальянской литературы» писал: «Кажется, нет ни одного мало-мальски искушенного в вопросах литературы человека, который не смеялся бы над историями, собранными и прокомментированными Аннием».

Но до тех пор многие факты, приводившиеся у Анния, считались достоверными, различные авторы включали их в свои произведения. Существовало и такое мнение, будто Анний стал невинной жертвой задуманной кем-то фальсификации. При этом ссылались на письмо Анния к его брату Фоме, также доминиканцу, в котором говорилось, что Анний публикует эти работы по требованию брата. Кроме того, в письме Анний намекал, что почти все сочинения он получил из собрания магистра Гильельмо из Мантуи. Однако Анния выдает то, что составленные им комментарии имеют слишком большое сходство с его «находками», так что вряд ли их мог написать кто-то еще, кроме самого Анния. Помимо

ПОДДЕЛАНО В ЕВРОПЕ

того, в сочинениях этих странном образом отразились собственные представления Анния о некоторых исторических фактах: к примеру, Македония была названа так по имени Македона, сына Осириса; Бельгия — по имени кельтского царя Белигия; знаменитый город, который так гордится своим именем, был основан другим кельтским царем — Парисом; основателем Финикии был якобы Феникс, а Лигурии — соответственно, некий Лигур. Анний никогда не скрывал своих представлений и, заявляя о них во всеуслышание, сам способствовал своему разоблачению.

Подделки Анния не ограничиваются его книгой. Архиепископ Таррагонский Антонио Августино часто рассказывал историю о том, как Анний зарыл вблизи Витербо камень с надписью, а затем позаботился, чтобы его нашли. Надпись должна была доказать, что Витербо был основан Исидой и Осирисом за две тысячи лет до основания Рима. находка получила название «*Tabula Sibellaria*»* и, в конце концов, попала в музей города Витербо с указанием, что камень найден в селении Сибеллария (название, конечно, было придумано самим Аннием). Среди причин, побудивших Анния решиться на подделки, называли самые различные мотивы, но все же большинство склонялось к тому, что Анний хотел как-то подтвердить свои излюбленные идеи, а заодно, возможно, возвысить престиж своей страны. Коль скоро речь зашла о патриотизме, а точнее, о создании подделок из патриотических побуждений, то здесь прежде всего надо назвать бывшую Богемию.

Можно привести немало примеров непоколебимой любви к родине, но я уверен, лишь у немногих доходила она до такой степени, как у чешского филолога Вацлава Ганки, которому, по его словам,

* «Сибелларийская табличка» (лат.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

удалось найти рукописи древних чешских поэм XIII—XIV столетий.

Ганка родился в Горжиневесе 10 июня 1791 года, о первом периоде его жизни мы знаем мало, а известность в литературном мире пришла к нему в 1817 году, когда он объявил о находке рукописей, которые, в действительности, написал сам, а затем расчетливо спрятал в церкви города Кралев Двор. На следующий год Ганка опубликовал поэмы под названием «Краледворская рукопись», дополнив их переводом на немецкий язык, сделанным Свободой. Ганка сочинил эти поэмы не ради денег или литературной известности, а исключительно чтобы прославить свою страну. К началу XIX века практически не существовало ни чешской литературы, ни ее истории. Ганка решил, что восполнить пробел можно единственным способом: написать все самому! И вот появилась на свет еще одна рукопись, опубликованная под названием «Суд Либуше». Однако ее сразу же назвал явной фальшивкой известный филолог Йозеф Добровский. Правда, позднее он снял свое обвинение, но слово было сказано, и рукопись до сих пор считают подделкой.

В 1818 Ганка великодушно передал свои «находки» в Чешский музей в Праге; в награду за этот дар ему предложили возглавить литературный отдел музея (библиотеку и архив), и Ганка с радостью согласился. Так он стал у себя на родине известной фигурой, а про его подделки предпочитали не вспоминать. Убежденный панславист, в 1846 году Ганка принимает участие в Славянском конгрессе, кроме того, он становится основателем политического общества «Славонска липа». Затем Ганку избирают членом имперского парламента в Вене, но он отказывается от этой чести, зато зимой 1848 года охотно соглашается преподавать славянские языки в Пражском университете. Годом позже Ганка становится профессором и занимает эту должность до самой своей смерти 12 января 1861 года. Умер Ганка, окружен-

ПОДДЕЛАНО В ЕВРОПЕ

ный почетом, никто даже не пытался тогда разоблачить его подделки: чехам настолько хотелось иметь свою литературную историю, что они готовы были признать подделки подлинными произведениями литературы. Что ж, иногда на свете случаются истории и более странные.

А теперь отправимся в Бельгию и познакомимся с льежским врачом Жаном де Бургонем, прозванным Йоханс à la Barbe *, который в XIV веке выпустил книгу под именем Жеана или Джона де Мандевиля. В предисловии автор называет себя рыцарем и пишет, что родился и получил воспитание в Англии. «Путешествия сэра Джона Мандевиля» — вымысел чистой воды, а точнее, собрание рассказов, переписанных у Одорика, Карпини, Винцента из Бовэ и прочих. В книге рассказывается о путешествиях сэра Джона, например, из Турции в Китай или из Индии в Россию, описываются невероятные случаи и приключения, всячески превозносится необыкновенная храбрость автора. Следы повествования об Иоанне Пресвитере бросаются в глаза в этой книге, ибо «сэр Джон Мандевилль» прекраснейшим образом заимствует чужие сочинения, вставляя их в свою книгу и приписывая себе чужие приключения и подвиги.

Умирая, Жан де Бургонь признался в фальсификации своему душеприказчику д'Утремезу, но тем не менее в завещании продолжал именовать себя «messire Jean de Mandeville chevalier, comte de Montfort en Angleterre et seigneur de L'isle de Campai et du chateau Perouse» **. Умер он в Льеже в ноябре 1372 года, и на его могиле можно прочесть надпись, что покоится здесь Мандевилль, прозванный также ad Barbam ***. «Путешествия сэра Джона Мандевиля» долгое время пользовались необычайным успехом и

* Бородатый (*фр.*).

** «Мессиром Жаном де Мандевилем, шевалье, графом де Монфором в Англии и сеньором острова Кампэ и замка Перуз» (*фр.*).

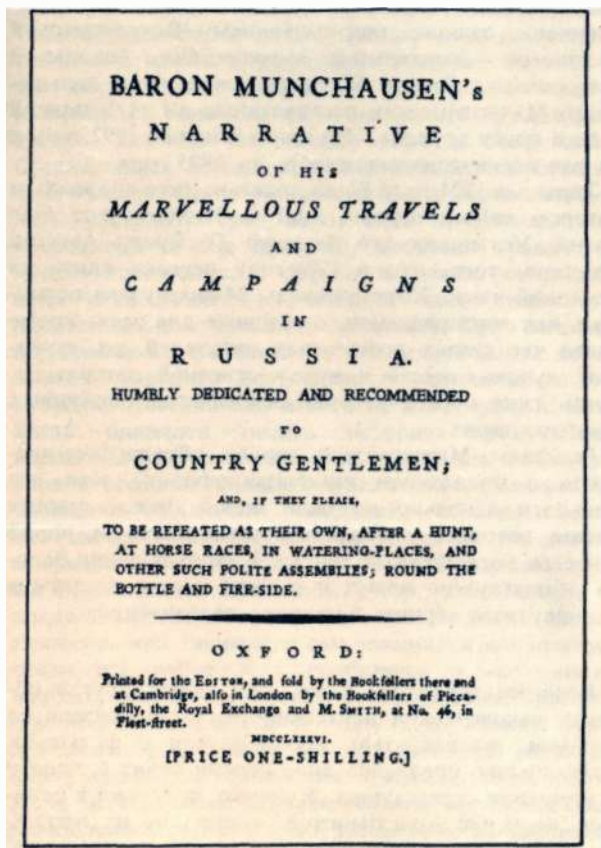
*** Бородатый (*лат.*).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

были переведены на многие языки. Старейшая из известных рукописных книг находится в Национальной библиотеке в Париже и датирована 1371 годом. Книга неоднократно переводилась на английский язык, лучше других известны переводы Эджертона и Коттона. Перевод Коттона послужил основой для всех современных изданий книги, хотя он довольно далек от французского оригинала.

Четыре столетия спустя, в 1720 году в Германии родился удивительный барон фон Мюнхгаузен. В молодости он служил в русской армии, принимал участие в походах против турок. Это был прирожденный рассказчик; выйдя в отставку в 1760 году, он с удовольствием посвятил себя этому занятию, рассказывая о своих приключениях в России. Его рассказы передавались из уст в уста, их слушали с огромным интересом. Особенно внимателен был молодой друг Мюнхгаузена Рудольф Эрих Распе, с которым Мюнхгаузен познакомился в Геттингене. Однажды во время поездки в Лондон Распе сильно поиздержался и решил, что лучший выход из положения — попытаться напечатать рассказы, услышанные от друга. И он выпустил книгу под названием «Приключения барона Мюнхгаузена». Книга имела такой успех, что новые издания следовали одно за другим, и каждое последующее оказывалось полнее предыдущего: в него включались все новые и новые рассказы, приписываемые барону. Ему словно удалось совершить все возможные путешествия и пережить самые невероятные приключения. Так, в одном издании появился рассказ о полетах на воздушном шаре, которые, в действительности, совершали братья Монгольфье.

Несомненно, что автором первой книги рассказов Мюнхгаузена был Рудольф Распе, но к последующему потоку книг он уже отношения не имел. Это было делом рук предприимчивых издателей и книготорговцев, которые стремились не упустить случая и

«Приключения барона Мюнхгаузена» Распе

разжиться на очень выгодном деле. Так, «Рассказ барона Мюнхгаузена о путешествии в Россию и военных походах 1785—1786 годов» был опубликован неким Смитом, продавшим затем свои «права»

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ книготорговцу Кирсли. В результате появилось расширенное издание под названием «Возрожденный Гулливер: удивительные путешествия, походы и приключения барона Мунникхаусона, чаще называемого Мюнхгаузеном, рассказанные им за бутылкой вина в кругу друзей». Эта книга вышла в 1792 году и не раз переиздавалась вплоть до 1895 года.

Только в 1824 году было доказано, что подлинным автором самых первых книг о Мюнхгаузене был Распе. Установил это биограф Готфрида Августа Бюргера, того, кто в 1786 году перевел книгу на немецкий язык. Хотя рассказы Мюнхгаузена появились как мистификации, очевидные для всех, кроме разве что самых доверчивых читателей, их, пожалуй, лучше отнести к художественной литературе, пусть даже многие истории основаны на подлинных происшествиях.

Рассказы Мюнхгаузена заново обрели популярность с появлением кинематографа; на заре его появился довольно удачный немой фильм, многие сцены которого забавляли, ошеломляли, а порой ужасали восхищенных зрителей. Приключения барона Мюнхгаузена живут и в наше время, достигнув неопишуемых вершин благодаря телевидению.

Религия, вероятно, чаще, чем любая другая область человеческой деятельности, была связана со страхом, жестокостью, вероломством и фальшью, хотя обычно предназначение церкви видят в защите и утешении страждущих. Конечно, подделки в религии, особенно христианской, вопрос не из легких. Христианские религиозные сочинения, естественно, основывались как на современных данных того периода, когда они создавались, так и на творениях эпохи возникновения христианского учения. Нелегко документально подтвердить или опровергать написанное в те времена или даже на сотни лет позже. Весьма многие из-за слепой веры или страстного

ПОДДЕЛАНО В ЕВРОПЕ

желания верить готовы признать истинными не только письменные свидетельства, но и рассказы о событиях, якобы случившихся в прошлом, хотя те же самые люди встретили бы эти рассказы с насмешкой, если бы события в них происходили теперь. Именно эта слепая вера и была виной бесчисленных подделок, возникших в этой богатейшей области. Всевозможные секты и церкви стремились утвердить свое вероучение и, доказав свое превосходство над прочими, добиться главенствующего положения. В борьбе за власть забывалась сама суть религии. Появилось такое множество поддельных документов и так сложно было отличить подлинное от фальшивых, что теперь почти невозможно проверить достоверность описанных в них событий. Евсевий еще в IV веке столкнулся с этим, когда принялся писать историю христианской церкви. Он изучил множество найденных им материалов и составил длинный список сомнительных источников, включая послания, приписываемые св. Клименту, св. Павлу и св. Игнатию. Но даже и его ввели в заблуждение послания, которыми будто бы обменивались Христос и Абгар, царь Эдессы, их поддельный характер был доказан позднее. Не исключено, что Евсевий и сам занимался подделками: среди его работ есть сообщение о «мучениках, жертвах львов» — описание преследований христиан при Марке Аврелии в 177 году н. э. Между тем у других авторов, даже у тех, кто посвящал специальные работы преследованиям христиан, это событие нигде не описывается. Христианские мученики были излюбленной темой многих авторов, но их воображение нередко рождало красочные картины, имевшие мало общего с реальными событиями, даже если таковые и происходили на самом деле.

К сожалению, в истории церкви столько запутанного, что подчас нелегко решить, где перед нами подлинник, а где — подделка. На протяжении сотен лет, что существует религия, церковь сама решала,

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

какие сочинения принимать, а какие — отвергать, и решения обычно основывались на том, соответствует ли данное сочинение учению церкви или нет. Все, что не согласовывалось с официальным учением, немедленно объявлялось подделкой или уничтожалось под тем или иным предлогом.

Как уже упоминалось, немало преступлений было совершено во имя религии, и сама история творилась и изменялась по прихоти церкви. Одно из наиболее серьезных событий такого рода связано с литературной подделкой, действительно повлиявшей на мировую историю и судьбы многих народов. Эта подделка, известная теперь под названием «Ложные декреталии», по-видимому, была составлена Исидором, архиепископом Севильским, умершим в 636 году. Предисловие к сборнику было написано самим Исидором; далее же следовали тексты, составленные от первого лица, что создавало впечатление, будто их тоже написал Исидор. Сборник состоял из трех частей: первая — как выяснилось позднее, бесспорная подделка — включала около 70 папских посланий, написанных якобы в первые три столетия новой эры вплоть до времени св. Сильвестра. Декреталии приписывались 29 различным папам, начиная со св. Климента. Чтобы замести следы и придать подделке убедительность, хитроумный составитель включил во вторую часть подлинные каноны греческого, африканского, галльского и испанского поместных соборов 683 года, расположив их в том порядке, * в каком они были представлены в «Hispana Collectio» * соборов. В третьей части поддельные документы перемежаются с подлинными посланиями из «Hispana Collectio» и охватывают период от св. Сильвестра (IV столетие) до Григория Великого, умершего в 604 году. Кроме того, автор добавил еще одно послание Григория II, который был папой с 715 по 731 год, примерно через сто лет после смерти

* «Испанское собрание» (лат.).

ПОДДЕЛАНО В ЕВРОПЕ

Исидора. Поддельные послания по большей части не были сплошным или совершенным вымыслом: их автор в значительной мере опирался на сведения о папах, которые содержатся в «Liber Pontificalis» *. Эти послания отражают все стороны христианского вероучения, а стиль их выдержан в духе типичных папских посланий.

Создателю подделки, подобно другим фальсификаторам, не удалось избежать ошибок, и самой существенной из них было, пожалуй, использование «Книги пап», которая и сама нередко грешит вымыслом в рассказе о жизни и трудах некоторых пап, в ней упомянутых. Что касается «Декреталий», то их подлинность признал папа Николай, и поэтому им придавали больше значения, чем они того заслуживали. Первые сомнения в подлинности «Декреталий» были высказаны только в XV веке кардиналом Николаем Кузанским и Хуаном Торквемадой. В XVI веке к критикам присоединились Георг Кассандер и Эразм Роттердамский. Одним из основных аргументов критики было сходство сборника «Декреталий» с тремя книгами лжепосланий франкских королей, якобы составленными диаконом из Майнца Бенедиктом. В этих книгах много общего с «Декреталиями», но посвящены они в основном гражданскому, а не церковному законодательству. Эти ложные послания датируются 847 годом — на два столетия позже смерти Исидора. Обнаружены были и другие доказательства того, что «Декреталии» не могли быть написаны ранее IX века.

Установить в данном случае цели фальсификатора нетрудно. В IX столетии, после смерти Карла Великого, в мире царил хаос, и восстановление закона и порядка стало самой насущной необходимостью, так отчего было не воспользоваться в этих целях властью и влиянием церкви. Опираясь на него, автор поддельных документов стремился способствовать

* «Книга пап» (лат.).

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

воцарению порядка в епархиях. Кроме того, он желал защитить духовенство и принадлежащую ему собственность от посягательств светских властей. В документах, сочиненных им от имени церкви, звучали возвышенные призывы, а наиболее честолюбивые помыслы выразил так называемый «Дар Константина», который, как надеялся автор подделки, поможет воссоединить Италию в единое королевство под верховной властью папы и положить конец двойной власти греков и ломбардцев. «Дар Константина» был якобы адресован императором Константином папе Сильвестру и его преемникам. Константин заявлял, что был обращен в христианство Сильвестром после чудесного исцеления от изуродовавшей его тело проказы. В знак благодарности Константин решил передать римско-католической церкви всю мощь и достоинство императорской власти и всю полноту гражданского управления Римом, а сам подчинился власти папы. Далее, император отказывался от всех своих провинций, городов и дворцов в Риме и Италии, возвращался на Восток в свою резиденцию Константинополь и управлял лишь тем, что оставалось в его владении.

«Декреталии» были признаны церковью и использовались для защиты от тирании светских правителей и для укрепления могущества пап, ряд которых не преминул воспользоваться преимуществами вновь обретенной власти. Папа Адриан IV, например, пользуясь такой властью, заявил притязания на Ирландию, а затем передал ее в полное владение английского короля Генриха II. С тех пор Англия и Ирландия бесконечно враждуют. В течение двух столетий после своего появления «Декреталии» были опорой папского могущества; впоследствии Ансельм из Лукки внес в них некоторые дополнения и изменения и положил их в основу нового свода церковного права 1083 года. Власть использовалась для низвержения королей и императоров, для возвышения церковного права над всеми гражданскими

ПОДДЕЛАНО В ЕВРОПЕ

законами и установлениями. Надвигалось время, когда папы, даже вопреки церковным установлениям, настолько расширят свои права, что станут неограниченными самодержцами.

Только в XV веке, после тщательного изучения «Декреталий» Николаем Кузанским, Хуаном Торквемадой и Лоренцо Валлой, была установлена истина. Особенно велика была заслуга Валлы: подготовленный и распространенный им трактат нанес наиболее чувствительный удар по авторитету церкви. Несмотря на это, высшее духовенство относилось к Валле благосклонно, и он занимал высокие должности при папе Николае V и затем при Каликсте III. В течение следующих полутора веков после изысканий, следовавших за работами Николая Кузанского, Торквемады и Валлы, постепенно, хотя и неохотно, «Декреталии» все-таки признали поддельными. Однако до этого, на протяжении шести веков церковь царила над цивилизованным миром, все более укрепляя свою власть, а временами прибегая к большим жестокостям, чтобы утвердить свой образ мыслей. Власть эта существует и по сей день, и невольно задаешься вопросом, что стало бы с миром, если бы в свое время не появились «Ложные декреталии»? Не иначе как в Европе теперь молились бы Аллаху, и повсюду было бы распространено многоженство!

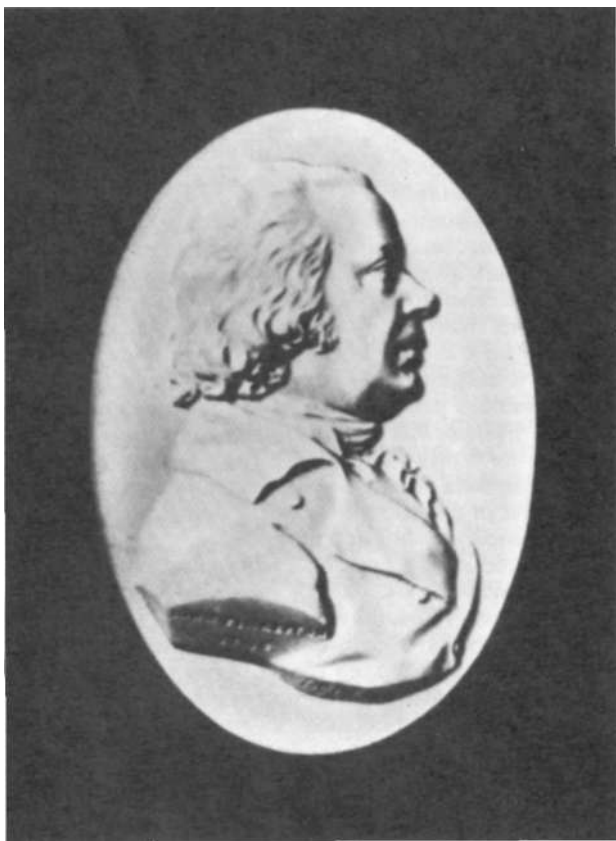
Еще один источник, часто используемый для изучения нашего исторического прошлого, — баллады, которые передаются из поколения в поколение. Подделать баллады так же легко, а может, еще легче, чем «Декреталии», а результаты тоже могут оказаться достаточно впечатляющими. В 1781 году в Англии было опубликовано более двух десятков шотландских баллад и трагических поэм, и среди них — баллада «Хардикнут» в двух частях. Публикацией баллады мы обязаны восемнадцатилетнему юноше Джону Пинкертону, который, между прочим, утверждал, что балладу «Хардикнут» он

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

печатает в ее первоизданном виде, восхваляя ее при этом как «самое возвышенное и благородное из всего, что было написано в мире в этом жанре». В ответ возмущенный Джозеф Ритсон во всеуслышание назвал Пинкертона жуликом и разбойником с большой дороги. К этому он добавил:

«...история шотландской поэзии изобилует подделками, обманом и плутовством, нередко успешными и безнаказанными... подделки Гектора Боэция, Дэвида Чалмерса, Томаса Демпстера, Джорджа Бьюкенена, сэра Джона Брюса, Уильяма Лоудера, Джеймса Макферсона и Джона Пинкертона запятнали нацию позором, который не смыть и через века».

Пинкертому ничего не оставалось, как покончить с сочинением шотландских стихов, ибо стало очевидным, что после отповеди Ритсона любая публикация в этом жанре независимо от источника будет расценена как подделка. Тогда же выяснилось, что «Хардикнут» следует датировать не ранее чем 1719 годом, когда в Эдинбурге в небольшом издании фолио появился фрагмент этой баллады. Ее настоящим автором была, видимо, леди Уордлоу, хотя, по ее словам, она якобы нашла эту балладу среди обрывков старой рукописи. В 1786 году Пинкерстон опубликовал книгу под названием «Старинные шотландские поэмы», где в предисловии утверждал, что, по его мнению, первая часть «Хардикнута» — это фрагмент старинной баллады, вторую же часть, по его признанию, написал он сам. В порыве откровенности Пинкерстон признал, что написал и другие стихотворения, которые пытался выдать за образчики старинной поэзии. Свои поступки он оправдывал молодостью и жаждой успеха. Пинкерстон надеялся, что, сознавшись в грехах, совершенных в юности, он тем самым будет способствовать признанию своих новых трудов, но тут он глубоко ошибся. Ему, например, удалось собрать воедино большую часть рукописей из хранившегося в Кембридже собрания сэра Ричарда Мейтленда. Но, судя по более поздним записям

Джон Пинкертон

Пинкертон, подробное описание этих рукописей сразу же заклеили как фальсификацию. «Биографический словарь знаменитых шотландцев» выразил общее мнение в следующих словах: «Эта подделка—

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

одна из наиболее дерзких в истории письменности». На сей раз обвинение было ошибочным: Пинкертон обвиняли и уличали в подделке только по стечению обстоятельств, никакими доказательствами обвинение подкреплено не было. Если бы критики не поленились глубже вникнуть в дело, то убедились бы, что рукописи Мейтленда действительно существуют и хранятся в Кембридже.

Теперь Джону Пинкертому пришлось думать о том, как восстановить утраченную репутацию, но он был молод, и время было его союзником. Прошли годы, постепенно его подлог забылся, и Пинкертон снова смог взяться за перо, не стремясь на сей раз вводить всех в заблуждение. Он обратился к нумизматике и шотландской истории, развлекая читателей хитроумными замечаниями о неполноценности кельтов. К пятидесяти годам Пинкертон завершил свое лучшее произведение: в 1808 году вышла его книга под названием «Самые замечательные путешествия во все части света»; этой книгой зачитывались, и она была в свое время бестселлером.

В начале и середине XIX века расплодилось множество поддельных баллад, возможно потому, что не составляло большого труда ввести в заблуждение так называемых экспертов. Страстным собирателем баллад был сэр Вальтер Скотт, известный не только своей книгой «Менестрели пограничной Шотландии», но и огромной любовью к поэзии. Не раз его вводили в заблуждение, хотя с балладой, подаренной ему в 1802 году Джеймсом Хоггом, вышло, скорее, наоборот: Вальтер Скотт счел балладу поддельной, тогда как теперь ее склонны признавать подлинной. Хогг утверждал, что балладу, которая называлась «Старый Мейтленд», он услышал от своей матери и записал с ее слов. Скотт и сам слышал ее в другом месте, так что здесь факты говорят, скорее, о подлинности баллады. Однако та легкость, с которой Скотта могли ввести в заблуждение, неизбежно заставляет сильно сомневаться в достоверности мно-

ПОДДЕЛАНО В ЕВРОПЕ

гих других произведений, собранных в его книге. Вообще в то время люди гораздо охотнее верили в подлинность баллад, нежели подвергали ее сомнению. Роберт Сертис, известный собиратель древностей и историк Даремского графства, опубликовал, по крайней мере, три подложные баллады: «Смерть Фезерстонхо», «Панихида Бартрема» и «Лорд Юри». Эти баллады он якобы записал со слов одной престарелой женщины.

В 1822 году общество Перси опубликовало сборник «Старинные стихи, баллады и песни английских крестьян, сохраняющиеся в устной традиции», куда наряду со множеством сомнительных произведений вошла баллада «Трелони», написанная в 1825 году преподобным Р. С. Хокером, который и не думал выдавать ее за памятник старинной литературы. Наверное, Хокер не раз изумлялся, встречая «Трелони» и другие написанные им баллады в бесчисленных в то время фольклорных сборниках. Но, очевидно, первый приз за подделку баллад следует отдать Эллену Каннингему. В 1809 году некий джентльмен по имени Кромек путешествовал по Дамфрисширу и познакомился с Каннингемом, в ту пору двадцатипятилетним каменотесом. Побеседовав с ним, Кромек, к своей радости, узнал, что каменотес хорошо знает старинную поэзию своего края. Когда же Кромек заговорил о том, что поэзию эту стоит собирать и печатать, Каннингем тут же согласился с этим и пообещал, что будет сам собирать материал. И вот, вернувшись в Лондон, Кромек, действительно, стал получать от своего молодого друга так называемые «старинные баллады». Первая из присланных баллад называлась «Она ушла бродить по небесам», и Кромек в совершенном восторге писал, что не знает ничего «более трогательного и патетического во всей шотландской поэзии». В следующем году материала набралось столько, что Кромек смог выпустить сборник под названием «Сохранившиеся ниттсдейлские и гэллоуэйские песни». А в письме к брату

Джон Уайтхед СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

10 сентября 1810 года Каннингем хвастал своими мистификациями: «С моим умением писать и подделывать баллады я могу одурачить целую генеральную ассамблею знатоков старины». И у него были основания так говорить: ведь публика приняла баллады весьма благосклонно, хотя многие критики и высказывали свои сомнения. Из своего труда Каннингем не извлек почти никакой выгоды, единственной наградой, которую он получил, был, как говорят, подаренный ему Кромекком экземпляр книги. Кромек умер в 1812 году, чуть более года спустя после выхода книги, по-видимому, так и не узнав о шутке, которую сыграл с ним его молодой друг-шотландец.

В XVIII, да и в XIX веке литературная мистификация казалась столь заманчивой и доступной, что очень многие не могли устоять перед искушением легкой славы или легких денег. Но с развитием научных методов фальсификаторам становилось все труднее и труднее избегать разоблачения, а в наши дни это, по-видимому, вообще невозможно. С другой стороны, обращаясь к временам далеким, когда книгопечатания не было вовсе или оно только зарождалось, подделывать литературные произведения было совсем нетрудно. Порой невольно приходит мысль, что то или иное классическое произведение на самом деле написано гораздо позже, чем предполагаемый оригинал, и является плодом воображения совсем другого автора, жившего в совершенно иную эпоху. Но не стоит забывать, что хотя фальсификатор идет на обман, совершить этот обман невозможно, если нет выдающегося таланта; и порой нельзя не восхищаться искусством подражания тому или иному произведению, а иногда и созданию совершенно новых произведений в стиле другого автора или в духе другой эпохи. Остается только пожалеть, что эти люди использовали свой талант в целях несправедливых, ибо многие их творения, несомненно, могли бы обогатить мировую литературу.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абгар Уккама* (Черный, I в. н. э.) — владетель Осроэнского царства (главный город — Эдесса) 257
- Аврелий Марк Антонин* (121—180) — римский император 257
- Адам* — библейский первочеловек 131, 249
- Адриан IV* — папа римский (1154—1159) 260
- Айрленд Анна-Мария* (XVIII в.) — старшая дочь С. Айрленда 74
- Айрленд Джейн* (XVIII в.) — младшая дочь С. Айрленда 54, 74
- Айрленд Сэмюэл* (1750—1800) — английский издатель, антиквар и библиофил 51—60, 63—69, 71, 74—75
- Айрленд (Сэмюэл) Уильям Генри* (1777—1835) — английский литератор, драматург-мистификатор 25, 44, 46, 51—52, 54—64, 66—75
- Айрленд Уильям Генри* — вымышленный предок У. Г. Айрленда 62
- Александр Великий* (Македонский, 356—323 до н. э.) — полководец, царь Македонии 93
- Александр VI* — папа римский (1492—1503) 247
- Амальви Исаак д'* (XVIII в.) — священник в Слейсе 79
- Анний (Нанний) из Витербо* (род. 1432) — монах-доминиканец, литературный мистификатор 247—251
- Ансельм св.* (1036—1086) — епископ Лукки 260
- Антонин* — см. Каракалла
- Арнолд Мэтью* (1822—1888) — английский писатель 223
- Арнолд Томас Джеймс* (1804—1877) — английский юрист, литератор 172
- Арнолд Уильям Хэррис* (1854—1923) — американский коллекционер-библиофил 213
- Артур (VI в.)* — легендарный король бриттов, герой обширного цикла сказаний о рыцарях «Круглого стола» 138
- Аугустино Антонио* (1517—1586) — епископ Таррагонский, юрист, нумизмат 251
- Аэлла (Элла) Саксонец* (ум. 514) — вождь саксов, основатель королевства Сассекс 34
- «Байрон Джордж Гордон майор»* («Джордж де Жибле») (ум. 1882) — самозванный «сын» лорда Байрона, его почитатель, исследователь и биограф 26, 178—187, 190—196, 222
- Байрон Джордж Ноэл Гордон, лорд* (1788—1824) — английский поэт-романтик 177—180, 182—196, 201, 222
- «Байрон» миссис* — жена «майора Байрона» 184—187, 192
- Барбер Томас Джордж* (1907—1946) — английский священник, автор книги о Байроне 178
- Барнс Томас* (1785—1841) — английский журналист, редактор 162
- Барретт Уильям* (1733—1789) — английский хирург и собиратель древностей 31—33, 36, 42—43, 46—47
- Бартон* (XVIII в.) — священник, бристольский знакомый Т. Чаттертона 40
- Бауринг, сэр Джон* (1792—1872) — английский лингвист, экономист, писатель, путешественник 202
- Беда Достопочтенный* (674—734) — англосаксонский летописец, монах 92
- Бейл Джон* (1495—1563) — английский драматург, антиквар 165
- Бекет Томас* (XVIII в.) — английский издатель (фирма «Бекет и Де Хондт») 136, 147

- Белигий* — «кельтский царь» у Анния 251
Белок — «ассирийский царь» у Анния 250
Бенедикт (IX в.) — диакон из Майнца 259
Бенедикт (XIX в.) — дядя К. Симонидиса 243—244
Бенсон Уильям (1682—1754) — английский критик и политический деятель 111
Бергем Генри (XVIII в.) — бристольтский приятель Т. Чаттертона 32—33, 40, 46
Бергемм Джоан де — английский рыцарь, персонаж «поэмы Т. Раули» Т. Чаттертона 32
Бернадот Жан Батист Жюль (1764—1844) — маршал Франции, приемный сын шведского короля Карла XIII, впоследствии шведский король Карл XIV Иоанн 138
Бернард Фрэнсис (1627—1698) — английский врач, библиофил 116
Берос (350—280 до н. э.) — вавилонский историк 249
Берта — персонаж поэмы Т. Чаттертона «Аэлла» 34
Бертрам Чарлз Джулиус (1723—1765) — английский историк-мистификатор 26, 101—107, 143
Бёрч Томас (1705—1766) — английский историк 116
Бингли (XVIII в.) — лондонский стряпчий, патрон У. Г. Айрленда 54, 56
Блэр Хью (1718—1800) — шотландский религиозный писатель и литературный критик 134
Бляйбтрой Карл (1859—1928) — немецкий писатель, поэт, критик 129
Боден, сэр Чарлз — сторонник Ланкастерской династии, герой баллады Т. Чаттертона 32
Бойл Роберт (1627—1691) — английский химик и физик, один из учредителей лондонского Королевского общества 91
Бон Генри Джордж (1796—1884) — английский издатель 107
Борджа Чезаре (Цезарь, 1475—1507) — итальянский политический деятель, известный своей безнравственностью и жестокостью 247
Бордые Анри Леонар (1817—1888) — французский историк 93
Борроу Джордж (1803—1881) — английский лингвист, писатель и путешественник 210—211
Босуэлл Джеймс (1740—1795) — английский писатель 63, 114, 145, 152, 154
Боуден Джеймс (1762—1839) — английский биограф, журналист, драматург 72—73
Боуэн Эманьюэл (ум. 1767) — английский географ 84
Бозций Гектор (1465—1536) — шотландский историк и гуманист, автор латинской «Истории Шотландии», в значительной мере вымышленной 262
Браунинг Роберт (1812—1889) — английский поэт 188, 204—205, 213, 216, 223—225
Браунинг Элизабет Барретт (1806—1861) — английская поэтесса 204, 209, 213, 221—225
Бриттон Джон (1771—1867) — английский антиквар 44
Бронте Шарлотта (1816—1855) — английская писательница 213, 222
Брук Стопфорд (1832—1916) — английский священник, коллекционер-букинист 205—206, 227
Брэдишоу Генри (1831—1886) — английский антиквар, библиофил 243—244

- Брюс, сэр Джон Хоуп* (1684—1766) — шотландский военный и государственный деятель, предполагаемый автор баллады «Хардикнут», возможно, в соавторстве с сестрой жены, леди Уордлоу 262
- Буажурден Д., граф* (XVIII в.) — по Д. Врэн-Люка, обладатель богатой коллекции древностей 89
- Буасси де* — см. Т. Гвиччолли
- Бургонь Жан де* (Иоханс à la Barbe, ок. 1300—1372) — автор «Путешествия», выпущенного под именем сэра Джона (Жеана) Мандевиля 253
- Бьюкенен Джордж* (1506—1582) — шотландский церковный реформатор, историк и поэт, писал на латыни 110—111, 262
- Бьют Джон Стюарт, III граф* (1713—1792) — английский государственный деятель, премьер-министр 39
- Бэкон Фрэнсис барон Веруламский* (1561—1626) — английский философ 121—123, 129, 131
- Бэлгауэн* — см. Линдок
- Бэлленс* (XVIII в.) — кузина Т. Чаттертона 41
- Бюргер Готфрид Август* (1747—1794) — немецкий поэт 256
- Вагенфельд Фридрих* (1810—1846) — немецкий филолог, автор вымышленной «Истории Финикии» 26, 87, 94—96, 98—99
- Валла Лоренцо* (1407—1457) — итальянский гуманист 261
- Варениус Бернард* (1622—1650) — немецкий врач и географ 80
- Векс Фридрих Карл* (1801—1865) — немецкий философ, историк 105
- Вер Эдвард де, XVII граф Оксфордский* (1550—1604) — английский поэт 129, 131
- Вермеер Делфтский Ян* (1632—1675) — нидерландский художник 23
- Вернер* (XIX в.) — оппонент Д. Врэн-Люка 91
- Вильгельм I Завоеватель* (1027—1087) — герцог Нормандии, с 1066 г. — король Англии 69
- Вильде* — псевдоним Ф. Вагенфельда (девичья фамилия его матери) 95, 98
- Винцент из Бовэ* (ок. 1190 — ок. 1264) — монах, автор энциклопедии «Большое зеркало» 253
- Вольтер (Мари Франсуа Аруэ)* (1694—1778) — французский писатель и философ-просветитель 91
- Вордсворт Уильям* (1770—1850) — английский поэт, представитель «озерной школы» 48, 201, 205—206
- Вортигерн* (V в.) — полулегендарный король бриттов 51—52, 55, 62—66, 69—74
- Врэн-Люка Дени* (род. 1816) — французский коллекционер, фальсификатор 26, 87—94
- Вудворд Бернард Болингброк* (1816—1869) — английский библиограф, историк 106—107
- Вэгстафф Томас* (1645—1712) — английский священнослужитель, публицист 116
- Галилей Галилео* (1564—1642) — итальянский ученый, один из основателей точного естествознания 90—91, 93
- Гамильтон Николас Эстергази Стивен Армитедж* (ум. 1915) — английский палеограф 170—171
- Ганка Вацлав* (1791—1861) — чешский литератор, мистификатор 26, 251—252

- Гарнетт Ричард* (1835—1906) — английский библиограф, литературовед 227
- Гаррик Дэвид* (1717—1779) — английский актер 164
- Гастингс (правильно Хейстингс) Уоррен* (1732—1818) — английский государственный деятель, генерал-губернатор Индии 153
- Гвиччоли Тереза, маркиза де Буасси* (1800—1873) — возлюбленная лорда Байрона 191
- Гезениус Фридрих Генрих Вильгельм* (1786—1842) — немецкий филолог-ориенталист 99
- Генри из Торнтона* — английский художник XV в. у Т. Чаттертона 36
- Генрих II Плантагенет (Генрих Анжуйский)* (1133—1189) — король Англии 34, 260
- Генрих VI Ланкастер* (1421—1471) — король Англии 34
- Георгий (XV в.)* — «армянин», упоминаемый Аннием 249
- Геринг Герман* (1893—1945) — рейхсмаршал нацистской Германии 24
- Герма* (сер. II в. н. э.) — греческий раннехристианский писатель 236
- Гессен-Хомбургский ландграф* (XVIII—XIX вв.) 69
- Гете Иоганн Вольфганг* (1749—1832) — немецкий поэт 138
- Гиббон Эдвард* (1737—1794) — английский историк 104—105, 143, 148
- Гилдас Батский* (VI в.) — английский монах, автор сочинения по истории Англии 103
- Гильельмо* — «магистр из Мантуи» (XV в.), упоминаемый Аннием 248—250
- Годвин Уильям* (1756—1836) — английский писатель 208
- Гомер* (IX в. до н. э.) — древнегреческий эпический поэт 138, 140
- Гор, лорд Фрэнсис* — см. Эджергон
- Гор* — египетский писатель, упоминаемый К. Симонидисом 236
- Гордон* — см. «Байрон майор»
- Горсус* — персонаж пьесы У. Г. Айрленда «Вортигерн и Ровена» 70
- Горфин Герберт* (XIX—XX вв.) — английский книготорговец 210, 216—217, 223, 225, 227
- Госс, сэр Эдмунд Уильям* (1845—1928) — английский критик и эссеист 227
- Готорн Нэтэнисл* (1804—1864) — американский писатель 131
- Грам Ханс* (1685—1748) — датский историк 101—102
- Гранны* — жена Фингала, персонаж «Песен Оссиана» Дж. Макферсона 142
- Графтон Огастес Генри Фитцрой, герцог* (1736—1811) — английский государственный деятель, министр 39
- Грегори Джордж* (1754—1808) — английский литератор, историк искусства 31
- Гренвилл Томас* (1755—1846) — английский библиофил 163
- Григорий I Великий Двоеслов св.* — папа римский (590—604) 258
- Григорий II св.* — папа римский (715—731) 258
- Григорий Синаит св.* (XIII—XIV вв.) — византийский аскет, мистик 236
- Грин Роберт* (1558—1592) — английский писатель, драматург 124
- Гринхели Фрэнсис Луиза* (XIX—XX вв.) — вторая жена Т. Дж. Уайза 216
- Гротефенд Георг Фридрих* (1775—1853) — немецкий ученый-востоковед 95—98
- Гротефенд Карл Людвиг* (1807—1874) — сын Г. Ф. Гротефенда, немецкий археолог 98

- Гроций Гуго* (1583—1645) — нидерландский юрист, философ, писатель 108, 112, 114
- Грэй Томас* (1716—1771) — английский поэт-сентименталист 36, 157
- Грэм Томас* (XVIII в.) — сын лорда Линдока, ученик Дж. Макферсона 134
- Гудолл* (XVII в.) — один из участников полемики вокруг Дж. Мильтона 116
- Гэлли А.* (XVIII в.) — шотландский священник, помогавший Дж. Макферсону 136
- Дайс Александр* (1798 —1869) — шотландский издатель сочинений английских драматургов 164, 166, 168, 174
- Дамблон Селестен* (1859—1924) — бельгийский литературовед 129
- Данте Алигьери* (1265—1321) — итальянский поэт 140, 229
- Дарго* — воин, убитый в бою Оскаром и Дермидом, отец безымянной красавицы («дочь Дарго»), персонаж «Песен Оссиана» Дж. Макферсона 140
- Дауден Эдвард* (1843—1913) — ирландский поэт и критик 207—208
- Де Хондт П. Э.* (XVIII в.) — английский издатель (см. Бекет)
- Девонширский герцог* — см. Кэвендиш
- Декарт Рене* (1596—1650) — французский философ, математик, физик, физиолог 91
- Деметрий Магнесийский* (I в. до н. э.) — греческий писатель 236
- Демпстер Томас* (1579—1625) — шотландский писатель-биограф, склонный к пристрастности и выдумкам 262
- Дерби (правильно Дарби) Генри Стенли*, IV граф (1531—1593) — английский государственный деятель и дипломат, один из предполагавшихся авторов шекспировских пьес 130
- Дермид* — воин, ближайший друг Оскара, влюбленный в дочь Дарго, персонаж «Песен Оссиана» Дж. Макферсона 140—141
- Децимус* (XVIII в.) — псевдоним Т. Чаттертона
- Джайлз Джон Эллен* (1808—1884) — английский переводчик и издатель 107
- Джеймс Генри* (1843—1916) — американский писатель 131
- Джилл Александр Младший* (1597—1642) — английский преподаватель-классик 116
- Джиральди Чинтио Джамбатиста* (1504—1573) — итальянский драматург, теоретик литературы и новеллист 25
- Джонсон Сэмюэл* (1709—1784) — английский писатель, лексикограф, литературный критик, поэт 77, 85, 113—114, 139—140, 144—148, 150—151, 154
- Джонстон Артур* (1587—1641) — шотландский врач, латинский поэт-переводчик 110—111
- Джонстон Джордж* (1730—1787) — английский государственный деятель, военачальник 143
- Джордан Джон* (1746—1809) — английский поэт, жил в Стратфорде 54, 74
- Джордан Доротея* (1762—1816) — английская актриса, любовница Вильгельма IV 51, 55
- Джудит* (1585—1662) — младшая дочь У. Шекспира 120
- Джуниус* (XVIII в.) — псевдоним неизвестного английского автора политических писем-памфлетов 40
- Диккенс Чарлз* (1812—1870) — английский писатель-романист 131, 213, 223

- Диндорф Вильгельм* (1802—1883) — немецкий филолог-классик 236—239
- Дионисий* — видимо, Псевдо-Дионисий Ареопагит (V в. или начало VI в.), загадочный автор богословских трактатов и посланий 236
- Добровский Йозеф* (1753—1829) — чешский филолог 252
- Додсли Роберт* (1703—1764) — английский издатель 34, 46, 163
- Доре Гюстав* (1833—1883) — французский художник-иллюстратор 113
- Доусон Чарлз* (1864—1916) — английский геолог 24
- Дугард Уильям* (1606—1662) — английский преподаватель, издатель 116
- Дуглас Джон* (1721—1807) — епископ Солсберийский 109, 112, 114
- Дю Пра Антуан* (1463—1535) — кардинал, канцлер Франции 88
- Дюпра, маркиз* (XIX в.) 88
- Ева* — библейский персонаж, первая женщина, жена Адама 131
- Евсевий Кесарийский* (ок. 263—339) — христианский писатель и ученый, историограф 94, 257
- Египет* — «египетский царь» у Анния 250
- Елизавета I* (1533—1603) — королева Англии 56, 60, 61, 63, 69, 116, 162, 165
- Елизавета, принцесса, затем ландграфиня Гессен-Хомбургская* (1770—1840) 69
- Жибле де* — см. «Байрон майор»
- «*Зоил*» — псевдоним У. Лоудера, по имени греческого ритора IV—III в. до н. э., придирчивого критика Гомера 112
- Иаков св.* — один из апостолов, автор евангельского послания 242
- Игнатий св.* (799—878) — отец церкви, патриарх Константинопольский 257
- Иден, сэр Фредерик Мортон* (1766—1809) — английский писатель-публицист, филантроп 56
- Иисус Христос* 126, 242, 257
- Ингльби Клемент Мэнсфилд* (1823—1886) — английский литературовед 74—75, 172
- Иннес Уильям* (XVIII в.) — капеллан шотландского полка в Слейсе 79—81, 83—84
- Иоанн Богослов* — один из апостолов, евангелист, автор Апокалипсиса 235, 247
- Иоанн Пресвитер* — легендарный средневековый христианский царь-священник в Азии 253
- Иорам* (IX в. до н. э.) — царь иудейский 96
- Исаия* (ок. 774 — ок. 690 до н. э.) — библейский пророк 144
- Исида* — древнеегипетская богиня плодородия 251
- Исидор* (ум. 636) — архиепископ Севильский 258—259
- Иуда св.* — один из апостолов, автор евангельского послания 242
- Каирбар* — король Эрина, персонаж «Песен Оссиана» Дж. Макферсона 141
- Калликст III* — папа римский (1455—1458) 261
- Каллиникос* (XIX в.) — александрийский иеромонах 243—244
- Кандидий Георг* (1597—1647) — немецко-голландский миссионер на Дальнем Востоке 80, 82

- Каннингэм Элен* (1784—1842) — английский поэт, мистификатор 265—266
- Каракалла Марк Аврелий Антонин* (188—217) — римский император, предполагаемый инициатор составления «Путе-описания Антонина» 102, 105, 138, 143
- Карл Великий* (742—814) — король франков, император Священной Римской империи 259
- Карл I Стюарт* (1600—1649) — король Англии 114, 116, 166
- Карлайл Александр* (1722—1805) — шотландский священник, литератор 134
- Карпини Джованни ди ПIANO* (1182—1252) — итальянский монах, путешественник, писатель 253
- Картер Джон* (1905—1975) — английский литературовед, библиограф 195—196, 199, 223, 225—226, 231
- Карут* — отец Оскара, персонаж «Песен Оссиана» Дж. Макферсона 141
- Каслон Уильям* (1692—1766) — английский типограф 224
- Кассандер Георг* (1512—1566) — католический богослов в Брюгге 259
- Катон Старший Марк Порций, Цензор* (234—149 до н. э.) — государственный деятель и писатель Древнего Рима 248
- Кейпелл Эдвард* (1713—1781) — английский ученый-шекспировед 174
- Кейсли Дэвид* (XVIII в.) — хранитель Коттонской библиотеки 102, 106
- Кембл Джон Филип* (1757—1823) — английский актер 51—53, 70, 74
- Кемпбелл Джон Фрэнсис* (1822—1855) — шотландский писатель, фольклорист 133
- Кемпбелл, лорд Джон* (1779—1861) — английский государственный деятель, лорд-канцлер, писатель 162, 169
- Кентерберийский архиепископ* (Томас Херринг, XVIII в.) 114
- Кёрзи Джон Младший* (I половина XVIII в.) — английский лексикограф 46
- Кесарион* (47—30 до н. э.) — сын Цезаря и Клеопатры 93
- Кетт Фрэнсис* (ум. 1582) — один из наставников К. Марло, сожжен как еретик 125
- Кид Томас* (1588—1594) — английский драматург 124, 126
- Киннерд Дуглас* (1788—1830) — английский аристократ, друг лорда Байрона 191
- Киплинг Редьярд* (1865—1936) — английский писатель, поэт 219, 223
- Кирсли Г.* (XVIII в.) — английский книготорговец 256
- Китс Джон* (1795—1821) — английский поэт-романтик 182, 185—186, 188—189, 193—195, 201, 220, 229
- Клей Ричард* — глава английской издательской фирмы «(Ричард Клей и сыновья» 205—206, 209, 224—225
- Клеопатра* (69—30 до н. э.) — последняя царица Египта из династии Птолемеев 92—93
- Клермонт Джейн (Клер)* (1798—1879) — сводная сестра Мэри Уолстонкрафт (Шелли), возлюбленная лорда Байрона 208
- Климент Александрийский св.* (ум. ок. 220) — христианский писатель 257—258
- Колл Р. Э.* (XIX в.) — английский подполковник, зять Э. Дж. Трелони 202
- Коллинз Уильям* (1721—1759) — английский поэт 40

- Колридж Сэмюэл Тэйлор* (1772—1834) — английский поэт, представитель «озерной школы» 159, 169
- Кольер Джон Дайер* (1762—1825) — английский литератор, издатель 159
- Кольер Джон Пейн* (1789—1884) — сын Дж. Д. Кольера, библиофил, литературный фальсификатор 25, 159—175
- Комpton Генри* (1632—1713) — епископ Лондонский 80, 82
- Конрад* (Бедный Конрад) — средневековый поэт (по Вагенфельду) 96
- Конрад Джозеф* (Теодор Юзеф Конрад Коженевский, 1857—1924) — английский писатель 218—220
- Константин Великий св.* (274—337) — римский император 260
- Констанций* (XIX в.) — корреспондент К. Симонидиса 244
- Констебл* (XIX в.) — семья английских издателей 215
- Коттон сэр Роберт Брюс* (1571—1631) — английский антиквар, основатель Коттонской библиотеки 254
- Крадждж Эллис* (XVIII в.) — жена У. Г. Айрленда 68
- Кромвель Оливер* (1599—1658) — деятель Англ. бурж. революции XVII, руководитель индпендентов 116
- Кромек Роберт Хартли* (1770—1812) — английский собиратель и издатель народных баллад 265—266
- Кук, сэр Эдвард Тайес* (1857—1915) — английский журналист, редактор 213—214
- Кусабас* — отец Санхониятона, летописец царя Иорама по Ф. Вагенфельду 96
- Кухулин* — герой ирландского эпоса, вождь, персонаж «Песен Оссина» Дж. Макферсона 142, 144—145
- Кэвендиш Уильям Джордж, VI герцог Девонширский* (1790—1858) — английский государственный деятель 163—164, 170
- Кэмден Уильям* (1551—1623) — английский историк и антиквар 165
- Кэнинг (Кэнингес) Уильям Старший (XIV в.)* — купец, глава городского магистрата Бристоля 32—33, 36, 40
- Кэннинг Джордж* (1770—1827) — английский государственный деятель 160
- Кэри Томас* (XVIII в.) — бристольский приятель Т. Чаттертона 47
- Кэткотт Джордж* (XVIII в.) — бристольский приятель Т. Чаттертона 32, 42, 46
- Лав Джон* (1695—1750) — шотландский грамматик и публицист 110—111
- Лавлейс Огаста Ада графиня* (1815—1852) — дочь лорда Байрона 180
- Лазарь* — евангельский персонаж, был воскрешен И. Христом из мертвых 92
- Ламберт Джон* (XVIII в.) — английский юрист 33, 39—40, 47
- Лампрос Спиридон* (1851—1919) — греческий византолог 244
- Лаппенберг Йоганн Мартин* (1794—1865) — немецкий историк 105
- Лафонтен Жан де* (1621—1695) — французский баснописец 93
- Лейснус Карл Рихард* (1810—1884) — немецкий ученый-египтолог 238—239
- Лестер Роберт Д., граф* (1532—1588) — фаворит Елизаветы I Английской 60
- Летелье* (XIX в.) — французский коллекционер старинных рукописей, патрон Д. Врэн-Люка 88
- Лефранк Абель* (1863—1952) — французский ученый-шекспировед 130

- Ли Огаста* (1783—1851) — сводная сестра лорда Байрона 184
- Либри Г. граф* (1803—1869) — французский архивариус, расхититель книг и рукописей 88
- Ливингстон Флора* — современный американский литературовед 219—220
- Лигур* — «основатель Лигурии» у Анния 251
- Ликургус Александр* (XIX в.) — немецкий студент-теолог, знакомый К. Симонидиса 236, 238
- Лингард Джон* (1771—1851) — английский историк 105
- Линдок Томас Грэм, лорд* (1750—1843) — английский военачальник 134
- Лоренс Герберт* (XVIII в.) — английский врач, литератор 121
- Лоудер Джордж* (XVIII в.) — губернатор Слейса 79
- Лоудер Уильям* (1710—1771) — шотландский литератор, мистификатор 26, 101, 108—117, 140, 220, 262
- Луи Наполеон* (Наполеон III, 1808—1873) — французский император 72
- Луна, графиня де* — возлюбленная лорда Байрона, по «майору Байрону» 178—179
- Луни Дж. Томас* (1870—1944) — английский литературовед, преподаватель 131
- Лэйнг Малколм* (1762—1818) — шотландский историк 156
- Лэм Чарлз* (1775—1834) — английский эссеист, поэт 159
- Лэнгленд* (или Лэнгли) Уильям (ок. 1331—1399?) — английский поэт 131
- М. де С.* (XVIII в.) — псевдоним оппонента Дж. Макферсона 145
- Мабиль Эмил* (1828—1874) — французский историк 93
- Магнус III Босоногий* (1060—1103) — король Норвегии 143
- Мазен (Мазениус) Якоб* (1606—1681) — немецкий писатель и драматург, писал на латыни 108—109, 112
- Макбейн Александр* (1855—1907) — шотландский ученый-кельтолог 156
- Македон* — «основатель Македонии» у Анния 251
- Макквин* (XVIII в.) — шотландский священник, знаток гэльских преданий 145
- Маккензи Генри* (1745—1831) — шотландский писатель 154
- Макферсон Джеймс* (1736—1796) — шотландский поэт, автор «Песен Оссiana» 25—26, 40, 133—157, 262
- Макферсон Джеймс Младший* — сын Дж. Макферсона 154
- Макферсон, сэр Джон* (1745—1821) — английский государственный деятель в Индии 153
- Макферсон Энн* (ум. 1862) — дочь Дж. Макферсона Старшего 154
- Мандевиль Джон* — см. Бургонь Жан де
- Манефон* (конец IV — начало III в. до н. э.) — древнеегипетский историк, писал по-гречески 249—250
- Мария Магдалина св.* — раскаявшаяся грешница, персонаж Евангелия 92
- Мария Стюарт* (1542—1587) — королева Шотландии 125
- Марло Кристофер* (1564—1593) — английский драматург, предполагаемый соавтор У. Шекспира в некоторых ранних пьесах 119, 122, 124—129, 175
- Марселлюс Огюст, граф де* (1796—1861) — французский дипломат, археолог 234—236

- Марри* (неправильно Меррей, Мюррей) Джон (1779—1852) — английский издатель, в том числе произведений Байрона 180, 184—187, 189—191, 222
- Матфей* — один из апостолов, евангелист 240, 242
- Мафусаил* — библейский патриарх, якобы проживший 969 лет 234
- Меехерен Ханс ван* (1880—1947) — нидерландский художник-мистификатор 23—24
- Мейер Джозеф* (1803—1866) — английский антиквар 240, 242—243
- Мейсон Уильям* (1725—1797) — английский поэт 36, 157
- Мейтленд, сэр Ричард* (1496—1586) — поэт, собиратель старинной шотландской поэзии 262, 264
- Мекленбургский герцог* (XVII—XVIII вв.) 78
- Мелькарт* — верховный бог финикийцев, библейский Молох 96
- «*Мемуар месье*» — см. «Байрон майор»
- Меривейл Герман* (1806—1874) — английский писатель и журналист 172
- Мессинджер Филипп* (1583—1640) — английский драматург 165
- Метасфен* — персидский священник-летописец у Анния 249
- Миллер* (XVIII в.) — английская актриса 51
- Мильтон Джон* (1608—1674) — английский поэт 108, 110—117, 131, 144, 169, 212
- Мицисл* — автор утраченных трудов по древней истории у Анния 248
- Митфорд Мэри Рассел* (1787—1855) — английская писательница 224
- Моксон Эдвард* (1801—1858) — английский издатель и поэт 185, 188, 190
- Монгольфье, братья: Жозеф Мишель* (1740—1810) и *Жак Этьен* (1745—1799) — изобретатели аэростата, наполненного подогретым воздухом 254
- Морисон Александр* (XVIII в.) — житель о. Скай, помогавший Дж. Макферсону 136
- Моррис Уильям* (1834—1896) — английский поэт, писатель-утопист, художник 223
- Мохаммед Али Хан* (XVIII в.) — набоб Аркотский 153
- Моэм У. Сомерсет* (1874—1965) — английский писатель 224
- Мур Томас* (1779—1852) — ирландский поэт 180, 186, 190—191, 200
- Мэдден, сэр Фредерик* (1801—1873) — английский палеограф 106, 170, 172, 233—234, 237, 242
- Мэлоун Эдмунд* (1741—1812) — ирландский ученый-шекспировед и издатель 44, 46, 61—66, 68, 74
- Мэриет* (XIX в.) — английский юрист 160
- Мэскилин (Стори-Мэскилин) Энтони Сент-Джон* (1861—1938) — английский палеограф 170
- Мюллер Карл Отфрид* (1797—1840) — немецкий историк и филолог 99
- Мюнхгаузен Карл Фридрих Иероним* (1720—1797) — немецкий барон, некоторое время находившийся на русской службе, известный рассказчик, герой многих литературных произведений 254—256
- Нанний* — см. Анний
- Наполеон Бонапарт* (1769—1821) — французский император 72
- Ненний Бангорский* (VIII в.) — валлиец, автор сочинений по истории Англии 103
- Николаидис* (XIX в.) — архидиакон Салоник 244
- Николай диакон* 242

- Николай I Великий св.* — папа римский (858—867) 259
Николай V — папа римский (1447—1455) 261
Николай I (1796—1855) — русский император 243—244
Николай Кузанский (1401—1464) — кардинал, философ, богослов 259, 261
Нонн Панополитанский (V в.) — ранневизантийский поэт-эпик 234—236
Норт Фредерик, II граф Гилфорд, лорд (1732—1792) — английский государственный деятель, премьер-министр 152—153
Нотт Джордж Фредерик (1767—1841) — английский священнослужитель, литературовед 187
Ньюджент Кэтрин (XIX в.) — ирландка, знакомая Хэрриет и П. Б. Шелли 208
Ньюмен — один из собеседников Дж. П. Кольера в его книге о Шекспире 173
Ньютон Исаак (1643—1727) — английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики 90
Ньютон Элфрид Эдвард (1864—1940) — американский коллекционер-букинист 229
- Овидий Публий Назон* (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) — римский поэт 124, 248
Одорик (1286—1331) — французский монах, путешественник, писатель 253
Окалотон — дед Санхониятона, летописец царя Иорама (у Ф. Вагенфельда) 96
О'Конор Чарльз (1710—1791) — ирландский историк 145
Олтен — один из собеседников Дж. П. Кольера в его книге о Шекспире 173
Орр — английская издательская фирма «У. С. Орр и К°» 184, 187
Освалд (XVIII в.) — переводчик на английский язык книги Псалманасара 81
Осирис — древнеегипетский бог солнца и подземного мира, брат и супруг Исиды 251
Оскар — вождь Морвена, сын Оссиана, персонаж «Песен Оссиана» Дж. Макферсона 134, 138, 140—142
Оскар — воин, сын Карута, друг Дермида, персонаж «Песен Оссиана» Дж. Макферсона 141
Оскар I (1799—1859) — король Швеции, сын Бернадота 138
Оссиан (III в.) — шотландский бард 133, 135—142, 144, 146—147, 149—152, 155—156
- Павел св.* (ум. 67) — апостол, автор евангельских посланий 257
Пай Генри Джеймс (1745—1813) — английский поэт 63
Пайкрофт Мария Луиза (1788—1857) — жена Дж. П. Кольера 160, 170
Палмер Сэмюэл (ум. 1732) — английский издатель 84
Пальмерстон, лорд Генри (1784—1865) — английский премьер-министр 131
Памела — персонаж «Аркадии» Ф. Сидни 115—116
Пандион — «афинский царь» у Анния 250
Паницци, сэра Энтони (1797—1879) — главный хранитель библиотеки Британского музея 166—167
Парис — «кельтский царь», основатель Парижа у Анния 251

- Парр Сэмюэл* (1747—1825) — английский педагог, писатель-публицист 63
- Паскаль Блез* (1623—1662) — французский религиозный философ, писатель, математик, физик 90—92
- Пауэлл* (XVIII в.) — английская актриса 51
- Пембрук Герберт Генри, IX граф* (1693—1751) — английский военачальник, знаток искусств 84
- Перейро Жоан* — «рыцарь из Опорто» у Ф. Вагенфельда 95, 98—99
- Перкинс Т.* — владелец фолио У. Шекспира 167, 169—172
- Перси Томас* (1729—1811) — английский поэт, собиратель старой английской поэзии 165, 265
- Пертц Георг Генрих* (1795—1876) — немецкий историк 95
- Пиктор Квинт Фабий* (III в. до н. э.) — римский историк 248
- Пил Джордж* (1556—1596) — английский поэт и драматург 124
- Пинкертон Джон* (1758—1826) — шотландский историк, географ и нумизмат, литературный мистификатор 261—264
- Пирсон Джон* (XIX в.) — английский книготорговец 205
- Питт Уильям Младший* (1759—1806) — английский государственный деятель 153
- Платон* (428 или 429 до н. э. — 348 или 347) — древнегреческий философ 92
- Плиний Младший* (61 или 62 — ок. 114) — римский писатель, государственный деятель 92
- Плиний Старший* (23 или 24—79) — римский писатель, ученый 248
- Полгрейв, сэр Фрэнсис* (1788—1866) — английский историк 188
- Полгрейв, сэр Фрэнсис Тернер* (1824—1897) — сын Ф. Полгрейва, английский критик, поэт, друг Э. Теннисона 188
- Поллард Грэм* (1903—1976) — английский историк, библиограф, книготорговец 195—196, 199, 222—223, 225—227, 231
- Помпей Гней* (106—48 до н. э.) — римский полководец 92
- Поп (правильно Поуп) Александр* (1688—1744) — английский поэт-классицист 40, 111
- Порфирий* (ок. 233 — ок. 304) — позднеантичный греческий философ 98
- Приск Фавн* — «царь аборигенов» у Анния 250
- Псалманасар (Салманасар, Салменезер) Джордж* (1679?—1763) — мистификатор, историк 26, 77—85
- Птолемей II Филадельфийский* (284—246 до н. э.) — царь Египта 250
- Пэрри* — владелец фолио У. Шекспира 168, 171
- Рабле Франсуа* (1494—1533) — французский писатель-гуманист 92—93
- Райт Джон* (ум. 1848) — английский литератор, книготорговец, издатель 180, 182
- Рангавис Александр* (1809—1892) — греческий поэт, ученый, политический деятель 234
- Распе (Распэ) Рудольф Эрих* (1737—1794) — немецкий писатель, автор «Приключений барона Мюнхгаузена» 254—256
- Ратленд, лорд, V граф* (Роджер Мэннерс, ум. 1612) — один из предполагаемых авторов шекспировских пьес 129
- Раули Томас* (XV в.) — английский монах, издававший Т. Чаттертоном за автора «сочинений Т. Раули» 25, 31—36, 39—44, 46, 54
- Револлинг Сара* (XVIII в.) — душеприказчица Псалманасара 84

- Рейнолдс Джошуа* (1723—1792) — английский художник 65, 150
- Рейнолдс Томас* (1752—1829) — английский священнослужитель, издатель и комментатор фрагмента «Путеописания Антонина», касающегося Римской Британии 105
- Ренн Джон Генри* (XIX—XX вв.) — американский делец, коллекционер 204, 211—212
- Рескин* (правильно *Раскин*) *Джон* (1819—1900) — английский теоретик искусства и публицист 209, 213—214, 216, 223, 226
- Ритсон Джозеф* (1752—1803) — английский собиратель древностей, изучал английскую и шотландскую литературу и историю 262
- Ричард Вестминстерский* (XV в.) — английский монах, хронист 101, 103
- Ричард Сайренсестерский* (ум. 1401) — английский монах, хронист 103, 105—107
- Ричардсон Ричард* (XVIII в.) — английский литературовед
- Ришелье Арман Жан дю Плеси де* (1585—1642) — кардинал, министр Людовика XIII Французского, покровитель изящных искусств и литературы, основатель Французской Академии 89
- Ровена* — героиня пьесы У. Г. Айрленда 51—52, 55, 62—64, 70—71, 73
- Род де* — миссионер-иезуит у Псалманасара 81
- Родд Томас* (1796—1849) — английский книготорговец и писатель 159, 162—163, 167, 171
- Роджерс Сэмюэл* (1763—1855) — английский поэт 187, 191
- Рой Уильям* (1726—1790) — английский генерал, археолог, историк 105
- Роксбер Джон Кер, III граф* (1740—1804) — английский библиофил 220, 228
- Ролинсон, сэр Генри* (1810—1895) — английский военный, ориенталист 242
- Ром* — «царь кельтов» у Анния 250
- Ромилли, сэр Сэмюэл* (1757—1818) — английский юрист, государственный деятель и писатель 160
- Россетти Данте Гэбриэл* (1828—1882) — английский художник, поэт 201, 207, 223
- Россетти Уильям Майкл* (1829—1919) — английский писатель и критик, брат Д. Г. Россетти 208, 227
- Рубек Герман* (XIX в.) — английский предприниматель 199, 202, 209, 215—216
- Рубек Отто* (XIX—XX в.) — английский предприниматель, сын Г. Рубека 199, 209, 216
- Рутру* — французский поэт, упоминаемый Д. Врэн-Люка 89
- Рэли* (правильно *Роли*) *Уолтер* (ок. 1552—1618) — английский мореплаватель, поэт, драматург, историк 125—126
- Рэмзи Эндрю* (1574—1659) — шотландский священнослужитель, латинский поэт 112
- Санхонйатон* (II тысячелетие до н. э.) — финикийский хронист 94, 96—98
- Сатана* — царь ада, повелитель бесов, персонаж поэмы Мильтона «Потерянный рай» 144
- Саути Роберт* (1774—1843) — английский поэт, представитель «озерной школы» 44, 206

- Сваран* — король Лохлина, персонаж «Песен Оссиана» Дж. Макферсона 136, 142 — 143
- Свобода Вацлав Алоиз* (1791—1849) — чешский литератор, переводчик 252
- Север Люций Септимий* (193—211) — римский император 138, 143
- Северн Джозеф* (1793—1879) — английский художник, друг Дж. Китса 182
- Сейбин Фрэнк Т.* (XIX в.) — английский книготорговец 204, 215
- Сеймор Чарлз Элфрид* — вымышленный Т. Дж. Уайзом американский издатель сочинений П. Б. Шелли 207
- Сенека Люций Анней* (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ-стоик, писатель, политический деятель 92
- Сертис Роберт* (1779—1834) — английский историк и собиратель древностей 265
- Сидни, сэр Филип* (1554—1586) — английский поэт и романист 115
- Сильвестр I св.* — папа римский (314—335) 258, 260
- Симонидис Константин* (ум. 1867) — греческий каллиграф, мистификатор, знаток древних рукописей, историк литературы 233—245
- Сингер Сэмюэл Уэллер* (1783—1858) — английский литератор, библиограф 168, 174
- Скарлет* (XIX в.) — английский юрист 160
- Скотт Вальтер* (1771—1832) — английский писатель 72, 201, 264
- Скривнер Фредерик Х.* (1813—1891) — английский священнослужитель, библиист 243—244
- Слэк Генри* (XIX в.) — английский юрист 208
- Смит* — конох, персонаж поддельного письма «майора Байрона» 194
- Смит М.* (XVIII в.) — английский книготорговец 255
- Смит Рассел* (XIX в.) — английский издатель 169
- Смит Селина Фанни* (XIX—XX вв.) — первая жена Т. Дж. Уайза 210, 216
- Смит, сэр Уильям* (1813—1893) — английский историк 105
- Смит Уильям Генри* (ум. 1880) — английский литератор 122
- Смоллетт Тобайес* (1721—1771) — английский писатель-романист 40
- Сотби Сэмюэл Ли* (1805—1861) — английский антиквар и аукционист, один из членов семьи, давшей имя известной фирме по продаже произведений искусства 87, 187—188
- Спенсер Эдмунд* (ок. 1552—1599) — английский поэт 172
- Старно* — король Лохлина, персонаж «Песен Оссиана» Дж. Макферсона 143
- Стафорский Каспар* (1586—1679) — латинский автор 112
- Стефан Византийский* (VI в.) — византийский грамматик и географ 240
- Стивенс Джордж* (1736—1800) — английский шекспировед 56, 69
- Стивенсон Роберт Лус* (1850—1894) — английский писатель и поэт 215, 223
- Стьюкли Уильям* (1687—1765) — английский антиквар 101—104, 106—107
- Стюарт Роберт* (1812—1848) — шотландский историк, поэт 105
- Стюарт Ч.* (XIX в.) — английский биограф К. Симонидиса 234
- Сусанна* (1583—1649) — старшая дочь У. Шекспира 120
- Суинберн Эдджернон Чарлз* (1837—1909) — английский поэт 202—203, 209, 216, 219—220, 223
- Сутт Генри* (1845—1912) — английский филолог 206

- Таубманн Фридрих* (1565—1613) — немецкий поэт-гуманист 112
- Тацит Корнелий* (ок. 55 — ок. 120) — древнеримский историк 105
- Твен Марк* (Сэмюэл Клеменс, 1835—1910) — американский писатель 131
- Теккерей Уильям Мейкпис* (1811—1863) — английский писатель 223
- Теннисон Эдфрид* (1809—1892) — английский поэт 188, 213, 223, 226
- Тиндейл Уильям* (ум. 1536) — английский переводчик Библии 162
- Тираноски Джероламо* (1731—1794) — итальянский историк литературы 250
- Тишендорф Лобеготт фон* (1815—1874) — немецкий ученый-библеист 238—239, 243—244
- Толбет Монтегю* (1775—1831) — английский актер и театральный предприниматель 58—59, 68, 70
- Торквемада Хуан* (1388—1468) — доминиканец, кардинал, испанский писатель 259, 261
- Треджеллес Сэмюэл* (1813—1875) — английский палеограф 243—244
- Трелони Эдвард Джон* (1792—1881) — английский путешественник, писатель-биограф 202
- Трипхук* (XIX в.) — английский издатель 72
- Тургот* — саксонский монах-летописец X в. у Т. Чаттертона 46
- Уайднер Гарри Элкинс* (1885—1912) — американский библиофил 219
- Уайз Томас Джеймс* (1859—1937) — английский коллекционер-букинист, библиограф, редактор, литературный фальсификатор 26, 175, 192, 195—196, 199—223, 225—231
- Уайт Уильям* (XIX в.) — английский книготорговец 184—187, 190
- Уайтхед Уильям* (1715—1785) — английский поэт-драматург 153
- Уилкс Джон* (1727—1797) — английский политик, политический писатель, историк 40
- Уилкинсон Джон* (1803—1894) — сотрудник, впоследствии партнер Сотби (фирма «Сотби и Уилкинсон») 187
- Уилсон Томас* (1525?—1581) — английский государственный деятель, ученый 159
- Уинслоу Форбс Бенайнус* (1810—1874) — английский врач-психиатр 44
- Уитикер Джон* (1735—1808) — английский священнослужитель, писатель, историк 104, 148
- Уоллис Олбени* (XVIII в.) — английский юрист, друг У. Г. Айрленда 60, 67—68
- Уолпол Хорэс* (1717—1797) — английский писатель, мемуарист, автор «готического» романа «Замок Отранто», выданного им за произведение средневекового автора 25, 34, 36—39, 45—46
- Уолпол, сэр Хью* (Сеймор) (1884—1941) — английский писатель и критик 124
- Уолсингем, лорд Фрэнсис* (1530—1590) — английский государственный деятель, секретарь Елизаветы I 122, 125—126, 128
- Уордлоу* — см. Брюс Дж. Х.
- Уорик Ричард Невилл, граф, «делатель королей»* (1428—1471) — английский политический деятель и военачальник 32
- Уорнер Фердинандо* (1703—1768) — английский священник и литератор 144—145
- Уортон Томас* (1728—1790) — английский поэт, историк, литературный критик 153

- Уотт Эдем* (ум. 1734) — английский ученый, латинист 108, 111
Уоттс-Дантон Уолтер Теодор (1832—1914) — английский писатель, литературный критик 202—203
- Ураний* (IV в.) — ранневизантийский писатель-историк 236, 238—240
Утремез д' (XIV в.) — душеприказчик Жана де Бургонь 253
Уэддерберн Александр Дандес Огви (1854—1931) — английский издатель 213—214, 226
- Уэлзли Генри* (1791—1866) — английский филолог 171
Уэльская принцесса (XVIII в.) 39
Уэнтворт, лорд (XIX в.) — внук лорда Байрона 191
- Феникс* — «основатель Финикии» у Анния 251
Фернивел Фредерик Джеймс (1825—1910) — английский филолог, редактор 204, 206
- Филлимор* (XVIII в.) — английский актер 70
Филлипс Томас (ум. 1769) — английский преподаватель, учитель Т. Чаттертона 31, 39
- Филлипс, сэр Томас* (1792—1872) — английский коллекционер 233—234
- Филон Александрийский (Иудей)* (ок. 20 до н. э. — ок. 50 н. э.) — иудейско-греческий философ 249
- Филон Библский* (I—II вв. н. э.) — эллинистический ритор, историк Финикии 94, 98
- Фингал* (Финн, Финн Мэжуул) — король Морвена, отец Оссиана, главный герой поэм Дж. Макферсона 134—145, 150, 155—156
- Флорио Джон* (1553?—1625) — английский литератор, лексикограф 167
- Фома* (XV в.) — монах-доминиканец, брат Анния 250
Фома Аквинский (1225 или 1226—1274) — философ и теолог, систематизатор схоластики 91
- Фонтеней* (XVIII в.) — миссионер-иезуит 81
Формен Гарри Бакстон (1842—1917) — английский литератор, редактор 207, 227, 229
- Формен Морис Бакстон* (XX в.) — сын Г. Б. Формена 229
Фрейзер Майкл (XVI в.) — упоминаемый У. Г. Айрлендом участник договора с У. Шекспиром об аренде дома 56
- Фримен* (XVIII в.) — тетка У. Г. Айрленда 67
Фуллер Хайрем (1815—1880) — американский журналист 186
Фулфорд Уильям (XIX в.) — английский типограф 200—201, 205
Фэррис Дэвид — современный английский художник 189
- «*X. мистер*» — вымышленный У. Г. Айрлендом потомок Дж. Хеминга и владелец шекспировских документов 59—60, 66—67
- Хаан, братия* (XIX в.) — ганноверские издатели 95, 98
Хант Джеймс Генри Ли (1784—1859) — английский поэт и критик 208
- Хантер Джозеф* (XIX в.) — корреспондент Дж. П. Кольера 164
Харди, сэр Томас Даффус (1804—1878) — английский писатель и палеограф 172
- Харт Джозеф Ч.* (ум. 1855) — английский географ, литератор 121
Хатт Фред (XIX в.) — английский книготорговец 204
Хейнеманн Уильям (1863—1920) — английский издатель 204
Хеминг Джон (ум. 1630) — английский актер, друг У. Шекспира, один из издателей его первого фолио 56, 59—60, 62

- Хенслоу Филип* (ум. 1616) — английский театральный предприниматель, руководитель труппы 165
- Хибер Ричард* (1773—1833) — английский ученый, библиофил 163
- Хиллз* (XVII в.) — типограф О. Кромвеля 116
- Хитченер Элизабет* (1782?—1822) — английская учительница, знакомая П. Б. Шелли 208
- Хог Уильям* (род. ок. 1652) — английский переводчик на латынь из Библии, Мильтона и др. 108—110, 112
- Хогг Джеймс* (1770—1835) — шотландский поэт, фольклорист 264
- Хогг Томас Джефферсон* (1792—1862) — английский литератор, друг П. Б. Шелли 208
- Ходжес Чарльз* (ум. 1848) — английский коллекционер 187
- Ходжкин Джон Элиот* (XIX в.) — английский палеограф, искусствовед 240
- Хокер Роберт Стивен* (1803?—1875) — английский священник, поэт 265
- Холиншиед Рафаэл* (ум. ок. 1582) — английский хронист 25, 62
- Холливел Филиппс Джеймс Орчард* (1820—1889) — английский шекспировед 168
- Холмс Нэтэниэл* (1815—1901) — американский судья, шекспировед 122
- Хоффман Келвин* (род. 1916) — американский поэт, эссеист 122, 124, 126—128
- Христос* — см. Иисус Христос
- Хукэм Томас* (1787—1867) — английский издатель, книготорговец 181, 185, 188
- Хьюм Джозеф* (1777—1855) — шотландский политический деятель 160
- Хьюм Джон* (1722—1802) — шотландский священник и литератор 134, 140, 142
- Хэзлитт Уильям* (1778—1830) — английский литератор и критик 140
- Хэмнет* (1585—1596) — сын У. Шекспира 120
- Хэтеуэй Анна* (1571—1623) — жена У. Шекспира 55, 59, 120
- Хэттон Чарльз* (XVII в.) — один из участников полемики вокруг Дж. Мильтона 116
- Цицерон Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — оратор, писатель и политический деятель Древнего Рима 79
- Чалмерс (Чамберс) Дэвид, лорд Ормонд* (1530—1592) — шотландский историк 262
- Чаплин* (XVIII в.) — бристольский священник, знакомый Т. Чаттертона 40
- Чаттертон Томас* (1752—1770) — английский поэт, мистификатор 25—26, 29—48, 54, 68, 72
- Челтнэм, миссис* (XIX в.) — дочь поэта Дж. Г. Ли Ханта 202
- Чинтио* — см. Джиральди Чинтио
- Чосер Джефффри* (1340?—1400) — английский поэт 131
- Шаль Мишель* (1793—1880) — французский математик, коллекционер 87—93
- Шекспир Уильям* (1564—1616) — английский поэт и драматург 25, 44—45, 47, 51, 53—56, 59—66, 71—75, 92, 119—122, 124, 126—129, 131, 163—169, 172—175
- Шелли, леди Джейн* (XIX в.) — невестка П. Б. Шелли, исследователь и издатель материалов о поэте 194, 207

- Шелли Мэри Уолстонкрафт* (1797—1851) — английская писательница, жена П. Б. Шелли, дочь У. Годвина 181, 185, 187, 192, 194, 202
- Шелли Перси Биши* (1792—1822) — английский поэт-романтик 180—181, 183, 185—190, 193—195, 200—202, 205—210, 212, 220, 222, 225
- Шелли Хэрриет, урожд. Уэстбрук* (1795—1816) — первая жена П. Б. Шелли 194, 208
- Шенкс П. М.* — английская издательская фирма «П. М. Шенкс и сыновья» 224
- Шеперд Ричард Херн* (1842—1895) — английский книготорговец 227
- Шеппард Сэмюэл* (XIX в.) — английский юрист 160
- Шеридан Ричард Бринсли* (1751—1816) — английский писатель-драматург и политический деятель 51—52, 63
- Шиллер Иоганн Фридрих* (1759—1805) — немецкий поэт и драматург 163
- Шленгеманн Э.* (XIX в.) — служащий конторы Рубека 209
- Шмидт* (XIX в.) — немецкий ученый, оппонент Ф. Вагенфельда 98
- Шоу Джордж Бернارد* (1856—1950) — английский драматург 230
- Шоу Уильям* (1749—1831) — английский ученый-кельтолог 150—151
- Шьюэри* (XVIII в.) — английский педагог 54
- Эванс Теофил* (1693—1767) — английский писатель, историк 157
- Эджертон Фрэнсис, I граф Элмиер, младший сын лорда Джорджа Гренвилла Левисон-Гоора* (1800—1857) — английский политический деятель, филантроп, поэт 164—166, 254
- Эдуард IV Йорк* (1442—1483) — король Англии 33—34
- Эйк Ян ван* (ок. 1320—1441) — нидерландский художник, один из основоположников нидерландской живописи 36
- Эймьот Томас* (1775—1850) — английский антиквар 164
- Элмиер, граф* — см. Эджертон
- Элиот Джордж* (Мэри Энн Эванс 1819—1880) — английская писательница 223
- Эллин Эдвард* (1566—1626) — английский актер, основатель Далидж-колледжа 165, 172, 175
- Эмерсон Ралф Уолдо* (1803—1882) — американский философ, поэт, политический деятель 131
- Эплтон Уильям Генри* (1814—1899) — американский издатель 186
- Эразм Роттердамский* (1469—1536) — писатель, гуманист 259
- Эсдейл Эрендел* (1880—1955) — английский литературовед, библиограф 227
- Эсхил* (525—456 до н. э.) — древнегреческий драматург 241
- Юм (правильно Хьюм) Дэвид* (1711—1776) — английский философ и историк 142, 149
- Яков I Стюарт* (1566—1625) — король Англии (с 1603 г.) 162, 165
- Яков II Стюарт* (1633—1702) — король Англии (1685—1688) 149

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е. Ю. Гениева. Дерзостный обман</i>	5
Введение	23
«Тот юный гений»	29
Шекспировская новинка — «Вортигерн и Ровена»	51
История Формозы	76
Два европейца	87
Из древности и средневековья	101
Шекспир, Бэкон, Марло — кто же?	119
Оссиан и «Фингал»	133
Библиофил, который сбился с пути	159
Майор Байрон и поддельные письма	177
На всякого Уайза...	199
Грек Симонидис	233
Подделано в Европе	247
Указатель имен	267

Джон Уайтхед
СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ

Зав. редакцией *Т. В. Громова*

Редактор *Э. Б. Кузьмина*

Художественный редактор *Н. Г. Пескова*

Технический редактор *А. З. Коган*

Корректор *В. А. Коротаяева*

ИБ1268. Сдано в набор 25.02.86. Подписано в печать 29.05.86. Формат 70x90^{1/32}. Бумага офсетная 100 г. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,53. Усл. кр.-отг. 40,07. Уч.-изд. л. 13,60. Тираж 75.000. (1-й завод 1-40.000). Изд. № 4170. Заказ № 3335. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.
Фотонабор выполнен ордена Октябрьской Революции и
ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образ-
цовая типография» им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Госкомиздате СССР. 113054, Москва, Валовая, 28.
Отпечатано в Московской типографии № 5 Союзполиграф-
прома при Госкомиздате СССР. 129243, Москва, ул. Мало-
Московская, 21.

У13 Джон Уайтхед
 Серьезные забавы / Пер. с англ.
Л. А. Громовой, В. Б. Смиренского; пре-
дисл. Е. Ю. Гениевой. — М.: Книга,
1986. — 287 стр.

Английский автор знакомит читателей с наиболее яркими загадками, подделками, розыгрышами в истории литературы, с судьбами знаменитых мистификаторов. Среди них — Томас Чаттертон и Джеймс Макферсон, Уильям Генри Айрленд, подделавший пьесу Шекспира, и майор Байрон, мнимый сын лорда Байрона... Касается Уайтхед и легенды об авторстве пьес Шекспира, и многих других, менее известных у нас сюжетов. Книга иллюстрирована.

У $\frac{4703000000-093}{002(01)-86}$ 76-86

84.3(4Вл)